

ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Александр Кравцевич
Александр Смоленчук
Сергей Токть

БЕЛОРУСЫ: **нация Пограничья**



ВИЛЬНЮС
ЕГУ
2011

УДК 947.6:940
ББК 63.3(4Бел):63.3(4)
Б43

Рекомендовано:
Научным советом Европейского гуманитарного университета
(протокол № 53-11 от 19.01.2011 г.)

Рецензенты:
Семнечук Г., кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии
Гродненского государственного университета им. Я. Купалы;
Соркина И., кандидат исторических наук, доцент Гродненского государственного
университета им. Я. Купалы

Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С.
Б43 **Белорусы: нация Пограничья.** – Вильнюс : ЕГУ, 2011. – 212 с.

ISBN 978-9955-773-47-4.

В коллективной монографии предпринята попытка увидеть влияние цивилизационного Пограничья («Запад»/«Восток» Европы) на судьбы белорусской нации. В контексте этого Пограничья авторы рассматривают основные вехи политической и культурной истории белорусских земель до конца XVIII в., анализируют особенности формирования белорусской нации в XIX – начале XX в. и затрагивают проблему культуры памяти на примере Второй мировой войны.

УДК 947.6:940
ББК 63.3(4Бел):63.3(4)

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-773-47-4

© Коллектив авторов, 2010
© Европейский гуманитарный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ПОГРАНИЧЬЕ КАК СУДЬБА (VI–XVIII вв.). МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ ЕВРОПЫ (А. Кравцевич)	7
Формирование средневековой Европы и начало Беларуси (VI–X вв.)	7
Беларусь и античная Европа.....	7
Великое переселение народов.	
Появление славян на территории Беларуси.....	9
Балто-славянские контакты в контексте европейских миграций.	
Начало формирования белорусского этноса	13
На перекрестках Европы (X – середина XIII в.)	18
Доминирование византийского влияния.....	20
Связи с Западной и Северной Европой.....	23
Самобытность	27
Лицом к Западу. Смена цивилизационной ориентации (1240–1385)	33
Вызов Истории	34
XIII в. Формулировка Ответа.....	37
Возникновение и деятельность Великого Княжества Литовского	39
Лицом к Западу – цивилизационная переориентация (1240–1385 гг.)	47
Беларусь как часть Центрально-Восточной Европы (XV–XVIII вв.)	52
Расцвет страны Пограничья (XV–XVI вв.).....	52
Форпост Европы (конец XV–XVI в.).....	66
Системный кризис белорусской культуры (XVII–XVIII вв.)	71
Беларусь – Великое Княжество Литовское. Взаимоотношения этноса и государства	78
Генезис ВКЛ и участие в нем белорусского фактора	78
Великое Княжество Литовское в этногенезе белорусов	80
Этническая принадлежность ВКЛ	83
ВКЛ в историческом самосознании белорусов.....	84

ГЛАВА 2. БЕЛОРУСЫ В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕРНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ НАЦИЙ (XIX – начало XX в.)	
(С. Токть)	85
Теоретические аспекты проблемы.....	85
Беларусь и белорусы: формирование воображаемого сообщества.....	98
Национальная идентификация дворянских элит Беларуси в XIX – начале XX в.....	108
Духовенство в развитии нациотворческих процессов в Беларуси периода Российской империи.....	131
Национальная политика Российской империи в Беларуси: дилеммы русификации.....	146
ГЛАВА 3. ПАМЯТЬ НА ПОГРАНИЧЬЕ (на примере памяти о Второй мировой войне)	
(А. Смоленчук)	159
Школьный учебник истории Беларуси как «место памяти / место забвения» о Второй мировой войне.....	160
Вторая мировая война в устной истории жителей западного и восточного Пограничья Беларуси.....	172
Образ власти.....	174
Образ партизана.....	183
«Чужие» в белорусской деревне. Повседневная жизнь.....	194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	207

ВВЕДЕНИЕ

Беларусь – страна многопланового Пограничья: природно-географического, культурного, этнического, религиозного и, наконец, политического. Народ, создавший эту страну, сформировался на этническом Пограничье и, по сути, является продуктом межэтнического контакта восточных балтов с восточными славянами. Так, по крайней мере, утверждает субстратная теория этногенеза белорусов.

Беларусь находится в пограничной зоне между двумя крупными ветвями христианства – православием и католицизмом, с переменным успехом соперничающих на территории страны на протяжении веков. Именно в Беларуси была реализована наиболее успешная попытка церковной унии (Брестская уния 1596 г.).

Несколько столетий в качестве важнейшей составной части Великого Княжества Литовского (далее ВКЛ) Беларусь противостояла российской экспансии, выполняя роль «щита Европы». С конца XVIII в. уже Россия, поглотившая Беларусь, рассматривала ее как свое Пограничье с Западом.

В данной работе термин «пограничье» трактуется как зона давнего культурно-цивилизационного конфликта Запада и Востока Европы. При этом Беларусь выступает как часть «восточноевропейского пограничья».

Мы попытаемся рассмотреть влияние цивилизационного Пограничья на процесс этногенеза белорусов, на формирование белорусской нации и особенности ее менталитета и культуры памяти. Не вызывает сомнения сам «пограничный» характер белорусской истории. Подверженные перекрестному влиянию цивилизаций Запада и Востока, белорусы с большим трудом осознавали свою национальную и цивилизационную сущность.

ГЛАВА I.

ПОГРАНИЧЬЕ КАК СУДЬБА (VI–XVIII вв.). МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ ЕВРОПЫ

Возникновение белорусского этноса связано с крупнейшим явлением европейской истории – **Великим переселением народов**. В этот период с V по X в. фактически родилась современная Европа, поскольку по всей ее территории расселились новые племена, давшие начало современным народам. Эта крупная миграция стала первым европейским историческим процессом, в котором в полной мере участвовали белорусские земли. Она охватила всю территорию страны и включила ее в европейский контекст. Однако контакты с наиболее развитыми регионами Европы белорусские земли наладили гораздо раньше. Зафиксированные свидетельства этих контактов относятся к эпохе, которая на западе Европы известна как античность, а на белорусских землях называется железным веком.

Формирование средневековой Европы и начало Беларуси (VI–X вв.)

Беларусь и античная Европа

В эпоху античности белорусские земли находились в отдалении от основных центров европейской цивилизации. Основное цивилизационное разделение Европы проходило по линии юг – север. Исследователи различают античные городские цивилизации юга и варварский север, не знавший городов¹. К этой варварской периферии принадлежала также восточная часть континента. Археологические исследования показывают, что белорусские земли не были пол-

¹ Carpentier J., Lebrun F. Historia Europy. Warszawa, 1994. S. 95.

ностью изолированы от античного мира и поддерживали торговые связи с периферийными центрами античной цивилизации в Причерноморье. Эти связи нельзя назвать интенсивными, скорее кратковременными и случайными. Они осуществлялись с участием племен, которые непосредственно граничили с античными черноморскими колониями. Зона контактов ограничивалась почти исключительно юго-восточной частью Беларуси – Поднепровьем и простиралась вдоль днепровского водного пути.

Кроме того, юго-западный регион Беларуси (Брестчина, Гродненщина) затрагивал знаменитый янтарный путь (одно из его ответвлений) из Римского государства в Прибалтику, по которому в римские города доставлялся востребованный там янтарь с побережья Балтийского моря. В начале новой эры этот торговый путь, точнее, его заключительный этап, находился в землях современной Польши и частично в пределах смежной территории современной Беларуси. Об этом свидетельствуют находки кладов и отдельных монет в Брестской и Гродненской областях. Этнографических сведений о племенах, населявших Беларусь в эпоху железного века, нет. Мы знаем о них лишь по названиям археологических культур. Например, торговые контакты с античным миром поддерживали племена Зарубинецкой культуры, получившей название по грунтовому могильнику в окрестностях деревни Зарубинцы (Киевская обл., Украина). Представители этой культуры в период II в. до н.э. – II в. н.э. занимали бассейн нижней Припяти и южную часть Белорусского Поднепровья. Точная этническая характеристика населения не определена – высказывались мнения о его принадлежности к балтам (чаще всего), а также германцам, славянам, кельто-иллирийцам.

Кроме контактов с античными городами Северного Причерноморья (напрямую или при посредничестве скифо-сарматского населения) носители Зарубинецкой культуры были связаны с кельтским миром и его латенизированным² окружением. Предметы античного происхождения в наибольшем количестве представлены амфорной тарой – фрагментами эллинистических и раннеримских керамических амфор, в которых хранилось вино (иногда-зерно), а также керамической посудой. По особенностям технологии производства выделены косские, родосские, паросские, синопские и фасосские амфоры, а также фрагменты красноглиняной и сероглиняной керамики, краснолаковых кубков³. Замечено, что в северном ареале культуры (наиболее отдаленном от Черного моря) – Верхнем Поднепровье и По-

² Латен – археологическое название памятников культуры, оставленных кельтами – раннеисторическим народом Центральной и Западной Европы, известным с V в. до н.э.

³ Максимов Е.В., Петрашенко В.А. Славянские памятники в с. Монастырск на Среднем Днепре. Киев, 1988. С. 71–72; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. // Археология СССР. М., 1993. С. 33.

лесье количество античных предметов резко уменьшается. Это наблюдение касается также стеклянных бусин из Ольвии и других городов Северного Причерноморья. В свою очередь предметы зарубинецкого происхождения найдены на некоторых позднескифских городищах и в могильниках Нижнего Поднепровья, откуда начинался античный торговый путь⁴.

На смену зарубинцам пришли носители Киевской культуры, которая в Беларуси охватывала бассейн Среднего Днепра и функционировала с конца II – начала III в. до начала V в. н.э. В литературе доминирует версия о ее славянском происхождении, хотя высказывались предположения и о балтских этнических корнях. О контактах с другими регионами Европы свидетельствуют находки некоторых предметов материальной культуры (например, украшения и изделия из черного и цветных металлов), аналоги которым найдены в Северной и Центральной Европе. На связи с Римской империей указывают находки краснолаковой керамики, бронзовых изделий, стеклянных бусин и бронзовых монет, например чеканки императоров Марка Аврелия (161–180), Геты (209–212)⁵. Находки римских монет датируются I–III в. н.э. Это в основном серебряные денарии, а также медные сестерции (в меньшем количестве) и, очень редко, – золотые ауреусы⁶. Глубокий экономический и политический кризис Римской империи, начавшийся в конце II в., привел к ее краху в 476 г.

В IV–VIII вв. монеты на территорию Беларуси практически не поступали, а серьезной нужды в собственной монете еще не было вследствие отсутствия развитого внутреннего рынка.

Великое переселение народов.

Появление славян на территории Беларуси

Хотя основные события Великого переселения народов по территории Европы развертывались в V–X вв., однако ее начало восходит к временам античности, когда миграция племен затронула земли современной Беларуси. Археологи выявили в Юго-Западной Беларуси (бассейн верхней и средней Припяти) памятники Вельборской культуры (I–V вв.), основными носителями которой были готские племена. Кроме готов, отношение к возникновению этой культуры имели такие германские этнические группы, как гепиды,

⁴ Археологія Беларусі: у 4 т. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мінск, 1999. Т. 2. С. 260.

⁵ Ильютик А. Селище Дедново на Березине // *Старажытнасці Бабруйшчыны*. Бабруйск, 1998. С. 30.

⁶ Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. Минск, 1995. С. 105.

вандалы, бургунды⁷. Эта культура получила название от могильника возле местечка Вельборк, в бассейне нижней Вислы. Около середины II в. н.э. ее носители мигрировали через белорусские земли. Германское присутствие в Беларуси длилось от последней четверти II в. до IV в. включительно, что подтверждают не только материальные памятники, но и следы в этнонимии Западного Полесья⁸.

В эпоху Великой миграции, причины которой точно не установлены, Европа обрела абсолютно новый этнический и политический облик. Сформировались новые государства и появились новые цивилизационные рубежи внутри самой Европы.

За границами Римской империи, в варварской части Европы, издавна происходили постоянные миграции различных племен, которые замедлялись или ускорялись в случаях, например, неурожая, голода или натиска кочевников. Считается, что Великую миграцию начали гунны, которые двинулись из глубин Центральной Азии под натиском Китайской империи около 58 г. до н.э. В результате миграции на запад, которая продолжалась от середины I в. до 70-х гг. IV в. н.э., гунны дошли до территории современной Украины и столкнулись там с германскими остроготами, перемещавшимися в противоположном направлении⁹. В результате столкновения остроготы и их соседи визиготы были вытеснены на территорию Римской империи. Именно это движение стало началом активной миграции многих племен – **Великого переселения народов**. Темпы перемещения были разными: от нескольких километров в год до нескольких километров в неделю. Например, по свидетельству источников, германские племена аланов, которые перешли Днепр около 375 г., Рейн – в 406 г., а в 20-е гг. V в. добрались до Португалии, двигались со средней скоростью около 7,5 км в год. Вандалы, перемещавшиеся намного быстрее, кочевали со средней скоростью два километра в неделю¹⁰.

Великое переселение привело к разделению Европы на раздробленный Запад, подверженный германизации, влиянию латинской культуры и на по-новому сформированный Восток, под влиянием культур славянских и греческой (Византии). Пять веков – от 476 г. (падение западной Римской империи) до 1000 г. (конец I тыс.) – решающий период формирования новой Европы. На ее территории расселились племена, положившие начало новым государствам и современным европейским народам, в том числе белорусскому. В результате Великой миграции традиционная конфронтация

⁷ Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim. Wrocław, 1985.

⁸ Клімчук Ф. Заходнепалескі этнонім гідуны // Беларусь у сістэме транс'еўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996. С. 43–45.

⁹ Tyszkewicz Lech A. Hunowie w Europie. Wrocław, 2004. S. 33, 40, 82–88.

¹⁰ Dewis N. Europa. Rozprawa historyka z historią. Kraków, 2001. S. 250.

Южная Европа (средиземноморская и греко-римская) – *Северная Европа* (варварская) постепенно сменилась новым противостоянием: *Восточная – Западная Европа*¹¹. В непрерывных миграциях и перемещениях разных племен можно выделить три крупные миграционные волны: германцев (V–VI вв.), славян и арабов (VII–IX вв.), викингов и венгров (конец VIII–X вв.).

Движение германцев, начавшееся еще в эпоху античности, усилилось в V–VI вв. На юго-запад Европы пришли восточные германцы: визиготы, остроготы. В начале V в. Рейн, служивший границей Римской империи, перешли племена швабов, вандалов и аланов. На территорию Галлии переместились бургунды, франки, алеманы. Племена ютов, англов и саксов переплыли Северное море, начали покорение племен кельтов на Британских островах и заложили основы современной Англии. Во второй половине VI в. северную Италию заняли лангобарды (после них осталось название региона северной Италии – Ломбардия). На землях к востоку от Рейна обосновались саксы, фризы, тюринги, баварцы. На руинах империи гуннов в бассейне Дуная возникло государство аваров – очередного этноса, прибывшего с евразийских степей. В конце VII в. между нижней Волгой и Уралом простиралась империя хазар, просуществовавшая три столетия.

В VII в. начались две крупные миграции – арабов (в Европу вошли в начале VIII в. из Северной Африки и заняли почти всю Испанию), а также славян. Большинство исследователей определяют прародину славян в междуречье Одера и Вислы. Двигаясь, уже в IV–V вв. они заняли пространство между устьем Дуная, Днестром и Вислой. Начиная с VII в. славяне начали массовую миграцию в трех направлениях: на северо-восток – дошли до озера Ладога; на запад – добрались до Балтики и Эльбы, чешских гор и восточных Альп; на юг – на Балканы.

Значительное географическое распространение славян привело к выделению трех славянских языковых групп: восточной (белорусы, русские, украинцы), южной (болгары, сербы, хорваты, словенцы, македонцы) и западной (чехи, словаки, поляки, полабские славяне). В начале VII в. славяне колонизировали значительную часть Балканского полуострова, изменив его этнический облик. Византия боролась с напором славян традиционным способом: используя одних варваров против других. Она призвала на помощь аваров, затем протоболгар. Болгары пришли из причерноморских степей в конце VII в., осели к югу от нижнего Дуная и начали войну со славянами. Однако они постепенно растворились в славянской массе, оставив след в обычаях и культуре, а также в названии славянского народа.

На территории Беларуси первые славянские колонисты появились в V–VI вв. Их проникновение на земли, занятые тогда в основном балтами, про-

¹¹ Carpentier J., Lebrun F. *Historia Europy*. Warszawa, 1994. S. 95.

исходило довольно медленно на протяжении длительного времени, поэтому его трудно точно определить с помощью методов археологии и данных топонимики. Между исследователями нет единого мнения по поводу этнической идентификации (балтской или славянской) отдельных археологических культур того периода. Самые ранние памятники, славянская принадлежность которых доказана археологами, относятся к Пражской культуре (V–VII вв.)¹². Ее носители – раннеславянские племена – населяли территорию от Днепра и озера Ильмень на востоке до Эльбы и Дуная на западе и юге. На белорусских землях жили представители одного из локальных объединений, которое получило название Корчак (от села в Житомирской области в Украине). Ареал культуры Прага – Корчак простирался от южных притоков Припяти до Буга и Днестра¹³.

В IV в. в Центральной Европе появилось первое славянское государство – так называемое государство Самона – франкского купца, который принял участие в восстании славян против аваров и случайно стал основателем нового государства. Оно просуществовало приблизительно до 660 г. и распалось при неясных обстоятельствах. Около 830 г. возникло новое славянское государство – Великоморавское. По просьбе его князя Ростислава в 863 г. из Константинополя были присланы два монаха братья Константин (Кирилл) и Мефодий, которые начали миссионерскую деятельность среди славян и разработали славянский алфавит – кириллицу.

К IX в. относится начало государства вислян и полян (Польши), государства Премыслидов (Чехии), Киевского государства (Украины), Полоцкого государства (Беларуси).

С конца VIII в. участились набеги на земли Западной и Восточной Европы воинственных отрядов скандинавов (норманнов, викингов, варягов), которые охватывали территорию от Волги до Атлантики. Они занимались пиратством, нанимались на воинскую службу к местным властителям (сохранились сведения о наемных воинах полоцкого князя в XI в.). Около середины IX в. норманны перешли от разбойничьих нападений к территориальным захватам. Норвежские викинги захватили Аркады и Гебриды, в первой половине IX в. заложили базы на побережье Ирландии, заняли северную часть и острова Шотландии. Датчане захватили север и восточное побережье Англии. В конце IX – начале X в. викинги поселились в галльской Секване во Франции – так появилась Нормандия¹⁴. Отсюда они устремились в Средиземное море, создав затем на юге Италии Королевство обеих Сицилий.

¹² Гісторыя Беларусі: у 6 т. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. Мінск, 2000. Т. 1. С. 131.

¹³ Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. Мінск, 1993. С. 313, 513.

¹⁴ Manteuffel T. *Histotia powszechna. Średniowiecze*. Warszawa, 1995. S. 113–115.

Норманны активно участвовали в создании и Киевской Руси¹⁵, и Полоцкого княжества. Само название «Русь» имеет норманское происхождение.

В IX в. на Дунае появились племена угро-финских мадьяров, или венгров. Немцы использовали их для разгрома Великоморавского государства. После поражения от саксов в 955 г. венгры окончательно осели в Европе и заложили собственное государство. Великое переселение народов на этом фактически закончилось.

Балто-славянские контакты в контексте европейских миграций. Начало формирования белорусского этноса

Переселения продолжались и после завершения основных событий Великой миграции, но они были намного скромнее по масштабам и результатам. Не наблюдалось уже переселения целых народов, миграции затрагивали только часть сообщества разных стран. Главной их причиной была перенаселенность Западной Европы.

Стабилизация в Европе, наступившая после окончания Великого переселения, благоприятствовала быстрому демографическому подъему, который начался уже с конца IX в. и продолжался три столетия – до конца XIII – начала XIV в.¹⁶ В Западной Европе около 1000 г. численность населения составляет 12–15 млн, а во всей христианской Европе (без Византийской империи) – т.е. с Норвегией, Швецией и большей частью Восточной Европы – приблизительно 18–20 млн человек. В начале XIV в. на территории Западной Европы проживало 45–50 млн, а во всей Европе 60–70 млн. Из приведенных цифр видно, что Западная Европа была заселена намного плотнее остальной части континента¹⁷.

К относительно крупным средневековым миграциям можно отнести крестовые походы XI–XIII вв., в которых участвовали сотни тысяч европейцев. Реконкиста на Иберийском полуострове сопровождалась переселением значительного количества мусульманского населения (мавров) с занятых христианами территорий. Менее заметной для современников (вследствие диффузного характера), но намного крупнее по количеству участников и

¹⁵ Devis N. Europa. S. 327–328.

¹⁶ Всего установлено четыре цикла демографического развития Европы: первый – IX–XIV вв. (IX–X вв. начало роста; XIII в. – наивысший пункт возрастания; вторая половина XIV в. – спад); второй – XV–XVIII вв. (XV в. – начало роста; XVI в. – вершина; XVII в. – спад). Третий цикл начался около середины XVIII в., рост населения был задержан Первой и Второй мировыми войнами; четвертый цикл, уже в глобальном измерении, начался после Второй мировой войны (см.: Cameron Rondo. Historia gospodarcza świata. Warszawa, 1996. S. 24).

¹⁷ Cameron Rondo. Historia gospodarcza świata. S. 66.

достигнутым результатам была так называемая внутренняя колонизация, когда западноевропейцы в XI–XII вв. активно осваивали и приспособляли для сельхозпродукции лесные массивы, луга и пустоши. В Нидерландах новые земли отвоевывали у моря – мелкие прибрежные участки отгораживали дамбами и осушали.

Однако население стран Западной Европы росло намного быстрее, чем развивались средства и техника сельхозпроизводства. Экстенсивное сельское хозяйство требовало все большего расширения угодий и в скором времени внутренние земельные ресурсы были исчерпаны. Поэтому с XII в. началась новая волна крупной миграции, на этот раз на восток – в Центральную и Восточную Европу, на мало заселенные чешские, венгерские и польские земли. Эта миграция, которая продолжалась до начала XIV в., привела к значительным изменениям в регионе, а ее результаты непосредственно повлияли на историю Беларуси. В историографии она получила название «колонизация на немецком праве», поскольку основная масса колонистов приходила из соседних немецких земель и закрепляла правовые нормы и обычаи, более развитые, чем в странах Центральной и Восточной Европы. В результате была реализована аграрная реформа: упорядочено шляхетское и крестьянское землевладение и налоговая система (так называемая лановая реформа), города в XIII–XIV вв. были переведены на самоуправление (наиболее известная его форма – магдебургское право).

В Беларуси первые города получили самоуправление в XIV в. В первой четверти XIV в. предпринимались попытки привлечения немецких колонистов на белорусские земли (историческая Литва). Специальные письма с приглашением на постоянное поселение в Литву для купцов, ремесленников и крестьян рассылал по северным немецким городам великий князь Гедимин¹⁸. Видимых результатов его инициатива не принесла, а до аграрной реформы в Беларуси дело дошло только в XVI в. (волочная помера).

От момента появления славян в бассейне Днепра и Припяти в Беларуси происходила локальная миграция, независимо или почти независимо от средневропейской. В историографии она получила название – *процесс балто-славянских контактов*. Современная наука считает этот процесс главным фактором этногенеза белорусов.

Формирование белорусского этноса происходило путем расселения славян в бассейне Днепра, Западной Двины и Немана и ассимиляции ими местного балтского и частично угро-финского (на северо-востоке страны) населения. Широко распространенная сегодня субстратная теория этногенеза белорусов объясняет появление специфических черт их этнического облика наложением этнокультурного балтского субстрата на славянскую основу.

¹⁸ Gedimino laiškai. Vilnius, 1966. P. 28–35.

По мнению одного из основателей этой теории Валентина Седова, *причиной превращения разных диалектных групп славян (пришедших в Беларусь, в первую очередь в Верхнее Поднепровье и Верхнее Подвинье с разных сторон и в разное время) в белорусскую народность является однородный балтский субстрат по всей белорусской территории*. Об этом свидетельствуют памятники археологии, сохранение значительного гидронимического слоя балтского происхождения на белорусской территории, формирование здесь особого антропологического типа. В результате славянизации местного балтского населения обозначилось выделение части восточнославянской народности, что содействовало становлению белорусского языка и народности¹⁹.

Развитие процесса балто-славянских контактов происходило в форме постепенного и непрерывного перемещения этнической границы (точнее, контактной зоны) между балтами и славянами (позже белорусами и летуви-сами) в генеральном направлении – с юго-востока на северо-запад. Процесс балто-славянского взаимодействия по его географическому и хронологическому охвату, а также по историческим последствиям – знаменательное историческое событие в истории Беларуси. Кроме территории современной Беларуси, этот процесс охватил прилегающие земли России, Украины, Польши, Летувы и Латвии. Начавшись от появления славян в раннем средневековье (VI в.), он продолжался полтора тысячелетия – до конца XX в. (отдельные его проявления фиксируются и в начале XXI в.). Результатом процесса балто-славянских контактов стало возникновение белорусского народа.

Процессу балто-славянских контактов на территории Беларуси присущи следующие главные черты.

1. Славяне были активной, а балты – пассивной стороной процесса (объектом) ассимиляции. Вместе с тем славянские колонисты усваивали многие элементы культуры местных балтов.

2. Значительное хронологическое и географическое распространение: процесс продолжался непрерывно полтора тысячелетия (VI–XX вв.), охватил территории современной Беларуси и соседних государств.

3. Хронологическая и географическая неравномерность: процесс разворачивался постепенно, охватывая все новые территории современной Беларуси. Балто-славянская этническая граница перемещалась в генеральном направлении – с юго-востока на северо-запад. В X–XI вв. на Полесье, Подвинье и Поднепровье процесс ассимиляции балтов уже заканчивался, в Пономонье только начинался.

¹⁹ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 178–186, 192.

4. Общий мирный характер: на славянизированных территориях сохранялась балтская топонимика и продолжительное время существовали острова балтского населения. О межэтнических конфликтах в письменных источниках нет сведений.

5. Устойчивость и стабильность результатов: процесс выявил слабую податливость влиянию политических факторов (их роль чрезмерно возросла только в XX в.). При наличии локальных особенностей результат везде был одинаков: территории, охваченные процессом, белорусизировались, расширяя этнический ареал белорусов.

Продолжительность и одновременно хронологически-географическая неравномерность процесса балто-славянских контактов стали причиной «разорванности» изучения отдельных его частей. До недавнего времени он не был объектом научного исследования как единое целое²⁰. Первые фазы от VI до X вв. изучались археологами и лингвистами; начиная с XII в. добавились письменные источники, а с конца XVIII – начала XIX в. процесс уже фиксировался «вживую» этнографами и языковедами.

По археологическим данным, славянские культурные элементы фиксируются в балтской среде с третьей четверти I тыс. н.э. От VI до X в. процесс балто-славянского взаимодействия развивался преимущественно в бассейне Днепра и Западной Двины. Этническая балто-славянская граница в VI в. проходила приблизительно по линии Припяти²¹. Славянизация местного балтского населения усилилась в VIII–IX вв., что создало условия для возникновения нового этноса²².

Балто-славянские отношения имели преимущественно мирный характер. Так, о его начальной фазе в Поднепровье исследователи пишут: «Повидимому, славянское движение проходило как натуральное постепенное проникновение с ассимиляцией балтийского элемента в разное время и в разных частях этой территории»²³. Балто-славянская граница в конце X в. проходила приблизительно по линии: озеро Освейское – Дисна – Плиса – Будславль – Заславль – Рубежевичи – Деревная – Белица – Слоним – Волковыск²⁴.

В конце Великого переселения народов (на рубеже X–XI вв.) уже можно было оценивать последствия расселения славян в южной и юго-восточной

²⁰ Краўцэвіч А.К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Жэшаў, 2000. С. 73–78, 82–98.

²¹ Зверуго Я.Г. Славяне и балты в междуречье Верхнего Днепра и Среднего Немана // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 67; Непокупный А.П. Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976. С. 63.

²² Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 434.

²³ Топоров В.Н., Трубаев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 173.

²⁴ Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989. С. 15.

Беларуси. Здесь как результат балто-славянского взаимодействия сформировались новые этнические образования – субэтноты, которые в последующие столетия слились в белорусский народ.

Зарождение летописной традиции в крупнейшем центре восточного славянства, Киеве, открыло новую страницу его истории. Первое летописное произведение восточных славян «Повесть временных лет» перечисляет племена, среди которых есть и протобелорусские субэтноты – кривичи, дреговичи, радимичи.

Этническую основу белорусского народа составили союзы именно этих трех крупных племен: кривичи (точнее, их ветвь с центром в Полоцке, отсюда название «полочане») на Двине, дреговичи (на Припяти, основные центры – Туров и Пинск) и радимичи, которые занимали преимущественно бассейн реки Сож (приток Днепра). В создании белорусского этноса принимали участие также представители других восточнославянских племен: северяне, волыняне, смоленские кривичи. Полоцк и Туров стали центрами первых государственных образований на территории Беларуси, известных как Полоцкое и Туровское княжества.

Кривичи – крупное племенное объединение, которое в IX–X вв. занимало территорию в верховьях Днепра, Западной Двины, Волги, к югу от Чудского озера. В конце I тыс. н.э. союз распался на три группы: полоцкую, смоленскую и псковскую (изборскую). Возникновение названия «полочане» летописец связывал с названием реки Полота²⁵. Полоцкое княжество образовалось в X в. и включало города: Полоцк, Витебск, Лукомль, Браславль, Менск, Изяславль, Логойск, Оршу, Копысь, Борисов.

Восточнославянское племенное объединение *дреговичей* занимало на рубеже I–II тыс. территорию Центральной и Южной Беларуси²⁶. На племенной основе дреговичей в конце X в. сложилось Туровское княжество. На территории дреговичей позже возникли города Туров, Пинск, Брест, Слуцк, Клецк, Рогачев, Мозырь, Дрогичин (над Бугом), Копыль, Давид-Городок.

Радимичи в конце X в. попали в политическую зависимость от Киева, а с XI в. земля радимичей находилась в составе Черниговского княжества. Города радимичей: Гомель, Кричев, Пропойск (теперь Славгород), Чечерск. Радимичи расселились в юго-восточной Беларуси, в основном в бассейне Сожа. Днепр был природной границей, отделявшей их от дреговичей²⁷.

Крупнейший белорусский археолог Георгий Штыхов так оценил результаты процесса балто-славянских контактов в конце Великого переселения: «В результате славяно-балтского синтеза в VIII–X вв. в Верхнем Подвине и Поднепровье сформировались новые восточнославянские этнические

²⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 11, 13.

²⁶ Лысенко П.Ф. Дреговичи. Минск, 1991. С. 100.

²⁷ Археалогія Беларусі. Мінск, 2000. Т. 3. С. 66.

сообщества (пранародности), которые названы в письменных источниках. В культуре и языке кривичей-полочан, дреговичей, радимичей переплелись славянские и балтские элементы. Это были новые протобелорусские образования, в которых преобладали славянские черты [...] Вобрав в свою культуру ряд балтских элементов, они отличались специфическими чертами славянской культуры, которые возникали под воздействием балтов. Три протонародности: кривичи-полочане, дреговичи, радимичи, а также разноэтническое население верхнего Побужья и Понеманья – постепенно втягивались в процесс формирования нового этнического образования – белорусского народа»²⁸.

На перекрестках Европы (X – середина XIII в.)

Географическое положение Беларуси уже со времен средневековья влияло на ее внутреннее развитие и характер международных связей. После нового разделения Европы на Запад и Восток (вместо античного разделения Юг – Север), образовавшегося в результате Великого переселения, Беларусь стала частью пограничного пояса между цивилизациями Византии и Западной Европы. В X – середине XIII в. на белорусских землях перекрещивались международные торговые пути и цивилизационные влияния.

В средневековье главными дорогами были водные: судоходные реки и издавна освоенные морские трассы. Наиболее важные европейские торговые пути со времен античности проходили через Средиземное море. Другая важнейшая торговая магистраль протянулась вдоль побережья Атлантики, далее – Северного и Балтийского морей. Северная и южная части Западной Европы соединялись также по суше через несколько горных перевалов в Альпах. Однако при примитивных транспортных средствах того времени сухопутные пути были не слишком пригодными для перевозки большого количества товаров. Странам северной части континента (в первую очередь немецким землям) связь с Восточной Европой удобнее было поддерживать через Балтику и реки балтийского бассейна. Натуральным продолжением этой трассы был речной «путь из варяг в греки» – к Византии, который проходил через Беларусь. Невысокие и поэтому несложные для преодоления местные водоразделы облегчали соединение между судоходными реками балтийской и черноморской систем.

В период развитого средневековья (XII–XIII вв.) сформировался основной ассортимент товаров, которыми обменивались восток и запад Европы. С востока вывозились лесные продукты (воск, мед, деготь, корабельный

²⁸ Штыхаў Г.В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск, 1992. С. 107.

лес), с запада на восток доставлялись изделия европейского ремесла (ткани, изделия из металлов, в первую очередь оружие, серебряные монеты), соль, сельдь, вино и другие товары.

Интенсивное развитие Полоцкой земли было связано с расположением на важных международных торговых путях, которые соединяли Южную Русь, Византию и арабский Восток с Северной Русью, Прибалтикой, Скандинавией и Западной Европой. Одновременно Беларусь была связана с Северной Европой посредством «пути из варяг в греки». Эта крупная торговая артерия огибала белорусские земли огромной дугой вдоль русел Западной Двины и Днепра. Она была продолжением одной из самых важных европейских магистралей – торгового пути вдоль побережий Северного и Балтийского морей.

В IX–XI вв. наибольшая концентрация поселений на белорусских землях отмечалась в зонах, соединяющих черноморскую и балтийскую водные системы: Днепр и Западную Двину, Припять и Неман. Самое большое значение имел знаменитый «путь из варяг в греки». Восточнославянский летописец описал одно из его ответвлений па Западной Двине, которым можно было попасть «к варягам и от варягов в Рим, от Рима же к племени Хамову...»²⁹. Водные пути, пролежавшие по рекам и озерам, в местах водоразделов соединялись волоками. Здесь останавливались суда, груженные товарами, имелась возможность заработать на обслуживании купеческих караванов (требовались катки для вытаскивания судов на берег, канаты, колеса – для перевозки, тягловая сила и т.д.). Поэтому места расположения волоков были плотно заселены, о чем свидетельствуют археологические находки и дошедшие до нашего времени топонимические материалы. Топонимические свидетельства, подкрепленные геоморфологическими исследованиями, дали основания для определения более двадцати мест древних волоков³⁰. На волоке жил официальный представитель князя, который собирал специальный налог под тем же названием – волок³¹.

Развитие товарно-денежных отношений требовало все большего количества серебряной монеты для их обслуживания. Поскольку своих месторождений серебра белорусские земли не имели, то пользовались привозным. И в этом смысле Беларусь была перекрестком Востока и Запада. В IX–X вв. «путь из варяг в греки» обслуживался монетами Арабского халифата. Находки арабских серебряных монет – дирхемов – в Беларуси концен-

²⁹ Повесть временных лет. Т. 1. С. 11, 12.

³⁰ Жучкевич В.А. Топонимические свидетельства древних волоков на водоразделах Днепра и рек бассейна Балтийского моря // *Топография на службе географии*. М., 1979. С. 50–56.

³¹ Алексеев Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М., 1966. С. 89.

трируются вдоль русел Западной Двины и Днепра³². Византийские монеты, как и чеканка в собственно восточнославянских землях, большого значения в денежном обороте не имели. Использование арабского дирхема в Беларуси – свидетельство ее связей не только с арабским Востоком, но и с Западной Европой, потому что арабская монета играла важную роль и в денежном обращении западноевропейских стран, поступая туда главным образом из земель Руси.

В начале XI в. прекратилась чеканка серебряной монеты в странах арабского Востока³³. Земли восточных славян должны были искать новые источники импорта серебра. В XI–XII вв. восточный импорт сменился западноевропейским. С начала XI в. уже в обратном направлении, из Западной Европы на Русь, пошел поток европейской серебряной монеты – сначала денария, затем стали преобладать германские пфенниги. Денарии, как и дирхемы, имели хождение главным образом в Верхнем Поднепровье и Подвинье. Однако этот поток быстро иссяк. В условиях экономического и демографического кризиса в западноевропейских странах возрос собственный спрос на серебряную монету. Белорусские земли импортировали денарий приблизительно до середины 1060-х гг.³⁴

Потом наступил так называемый безмонетный период, продолжавшийся до начала XIV в. В это время на землях Руси вместо монет в обороте находились слитки серебра определенного веса и формы. В Беларуси использовались главным образом местные «литовские» или «западнорусские» слитки весом 100–110 граммов³⁵.

Фактически уже в X–XIII вв. белорусские земли стали Пограничьем Европы, где перекрещивалось византийское и западноевропейское влияние. Более сильным было притяжение Византии вследствие географической близости и надежного сообщения водными путями по рекам черноморского бассейна.

Доминирование византийского влияния

С конца X в. на белорусских землях (в первую очередь в Поднепровье и Подвинье) выразительно проявлялось влияние византийской цивилизации. Наиболее явственно оно отразилось в принятии христианства по восточному – греческому – обряду. Первые христианские епархии в Беларуси с центрами в Полоцке и Турове возникли уже в конце X в. Вероятно, христианство восточного обряда было принято полоцкой аристократией следом за

³² Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. С. 109.

³³ Алексеев Л.В. Полоцкая земля... С. 103.

³⁴ Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. С. 119.

³⁵ Там же. С. 133–134.

его официальным введением в Киеве в 988 г. В Турове введение новой веры столкнулось с сопротивлением местных язычников. По преданию, один из христианских миссионеров по имени Дионисий был убит язычниками из соседнего с Туровом поселения³⁶.

Христианство постепенно распространялось на все более обширную территорию вслед за славянской колонизацией, однако, как показывают источники, с некоторым отставанием. Например, на Понеманье, которое активно колонизировалось славянами с конца X в., христианство дошло только во второй половине XI в., что убедительно подтверждают археологические материалы. Во время многолетних археологических раскопок в городах Понеманья специалисты обратили внимание на довольно позднее появление в культурном слое предметов христианского культа. Например, нательные литые, каменные, янтарные, костяные крестики, каменные иконки начали встречаться в культурном слое понеманских городов только со второй половины – конца XI в.³⁷ Первые же поселения в понеманских городах (Новогрудке, Гродно, Волковыске) датируются археологами концом X в. Они были заложены славянским населением, пришедшим с юга, – дреговичами и волянянами. Из сопоставления дат основания названных городов и введения христианства на Руси (988 г.) возникло предположение об основании древних городов Белорусского Понеманья восточными славянами-язычниками, которые переселились сюда, на самую окраину славянского мира, спасаясь от принудительной христианизации в конце X в.³⁸ Установленное археологами почти столетнее опоздание христианизации региона только подкрепляет это предположение.

Распространение новой веры сопровождалось освоением письменности на основе алфавита, изобретенного для славян византийскими миссионерами Кириллом и Мефодием. Результатом их деятельности во второй половине IX в. стало зарождение славянской письменной культуры в Болгарии. Оттуда она распространилась на земли южных и восточных славян. Первые известные надписи в восточнославянских землях относятся к X–XI вв., и обнаружены они на территории этнического ареала белорусов. Самая древняя надпись, датируемая первой четвертью X в., найдена в курганном могильнике Гнезново под Смоленском. Она выцарапана на корчаге (глиняный амфоровидный сосуд) и состоит из одного слова *гороухша* или

³⁶ Мельнікаў А.А. Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё. Спадчына. Светапогляд. Мінск, 1997. С. 18.

³⁷ Гуревич Ф.Д. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956–1977 гг. // Советская археология. 1980. № 4. С. 88–89; Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 196.

³⁸ Краўцэвіч А.К. Гарады і замкі Беларускага Панямоння 14–18 стст.: Планіроўка, культурны слой. Мінск, 1991. С. 60–61.

гороушина (возможно, обозначает горчицу)³⁹. Вторая из древнейших восточнославянских надписей (датируется последней четвертью XI в.) также найдена на этнических белорусских землях. Это имя полоцкого князя Изяслава (умер в 1001 г.), на висячей свинцовой печати, найденной в Великом Новгороде⁴⁰. Памятников эпиграфики XI в. на белорусских землях известно уже больше, а начиная с XII в. они становятся многочисленными. Некоторые надписи позволяют определить особенности местного полоцкого диалекта⁴¹. С XI в. в Беларуси распространяется традиция рукописной книги. Древнейшая из сохранившихся белорусских рукописей – Туровское евангелие XI в. (хранится в Библиотеке Академии наук Литвы в Вильнюсе)⁴². В XII–XIII вв. на восточнославянских землях начали распространяться иллюстрированные рукописные книги с изысканными рисунками-миниатюрами. Наиболее интересная из сохранившихся – так называемая Радзивилловская летопись, украшена более чем 600 рисунками, многие из которых посвящены событиям белорусской истории. Металлические заставки от рукописных книг найдены при археологических раскопках в Минске, Друцке, Волковыске, Новогрудке. Крупнейшим книгохранилищем страны была библиотека при Софийском соборе (XI в.) в Полоцке, где, по всей вероятности, хранились полоцкие летописи, до нашего времени не дошедшие. Софийская библиотека уничтожена пожаром в XVI в. во время Ливонской войны.

Христианство как явление общественной жизни наиболее активно втягивало население белорусских земель в контекст византийской цивилизации. Кроме того, белорусские земли поддерживали с Византией активные торговые отношения. Об этом свидетельствуют многочисленные артефакты X – первой половины XIII в., собранные в белорусских городах в ходе многолетних археологических раскопок (особенно интенсивных после Второй мировой войны). Кроме импортных товаров византийского происхождения (керамической и стеклянной посуды, стеклянных браслетов, иконок с изображением православных святых), ученые открыли большое количество артефактов, созданных по византийским образцам.

Среди них наибольшее впечатление производят руины каменных православных церквей XI–XII вв., построенных в соответствии с византийской традицией. Основой композиции этих строений является изображение креста – так называемая крестово-купольная система. Древнейший каменный храм страны – собор св. Софии в Полоцке был возведен с использованием

³⁹ Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 250–251; Можейко Н.С., Игнатенко А.П. Древнерусский язык. Минск, 1988. С. 34, 64.

⁴⁰ Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972. С. 172.

⁴¹ Археалогія Беларусі. Т. 3. С. 465.

⁴² Нікалаеў М. Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII ст. Мінск, 1993. С. 20.

византийской техники строительства и строительных материалов. К последним принадлежат: плинфа – тонкий (3,5–4,5 см толщиной) кирпич, по форме приближенный к прямоугольнику (мог иметь форму квадрата, трапеции), а также майоликовые плитки пола и оконное стекло. Кроме Полоцка, храмы Святой Софии были возведены еще только в двух крупнейших центрах восточного славянства – Киеве и Новгороде.

На протяжении XI–XII вв. византийские архитектурные образцы были в Беларуси (как и в других регионах Руси) творчески переработаны, что привело к возникновению собственных архитектурных школ: полоцкой, смоленской, гродненской. Всего в Беларуси в XII в. в было сооружено несколько десятков каменных храмов, но уцелели до наших дней (и то не полностью) только два: на северо-востоке страны – полоцкая Спасо-Преображенская (ее часто называют Ефросиньевской) и на западе – Борисоглебская (Коложская) церковь в Гродно.

Среди остальных памятников XII в. выделяется Благовещенская церковь в Витебске. По композиции внутреннего пространства и строительной технике она наиболее близка к собственно византийским образцам и значительно отличается от местных памятников. Это послужило основанием для возникновения версии о сооружении храма не местными, а византийскими строителями. Возможно, специалист (или специалисты) из Византии был привезен в Витебск полоцкими князьями, которые более десяти лет находились там в ссылке. Во время полоцко-киевского политического соперничества киевский князь Мстислав в 1129 г. пленил пятерых полоцких князей и вместе с семьями выслал в Византию. В 1140 г. домой из них вернулись только двое. Они, по всей вероятности, и привезли строителей из Византии.

Суммируя известные факты, можно прийти к заключению, что византийская культурная традиция хотя и была на Беларуси более влиятельной, чем западноевропейская, но также не получила здесь «глубинного» распространения. Этот вывод относится не только к традиционной народной, но и к элитарной культуре. Последняя как в материальной, так и в духовной сфере усваивала скорее формальные проявления византийской культуры. На это повлияли следующие обстоятельства: во-первых, значительная удаленность от византийских центров; во-вторых, пересечение с западноевропейским воздействием; в-третьих, ослабление и кризис византийского государства.

Связи с Западной и Северной Европой

Кроме византийского влияния, в X–XII вв. на белорусские земли заметно воздействовали связи со Скандинавией и западноевропейской цивилизацией, которая после завершения Великого переселения переживала период динамичного роста.

В первом летописном известии о Полоцке (862 г.) упоминается об участии в его местной жизни северных европейцев – варягов. Полоцк и Полоцкое княжество были хорошо известны составителям скандинавских саг⁴³. По всей вероятности, норманном был полоцкий князь Рогволод, о котором в летописи под 980 г. сказано, что он пришел «из-за моря»⁴⁴. В середине – второй половине X в. Полоцк был центром независимого восточнославянского княжества, которое захватил упомянутый варяжский князь Рогволод.

В XI в. Полоцкое княжество активно соперничало с Киевом, претендовавшим на доминирование над всей Русью. В вооруженных столкновениях обе стороны использовали норманнских наемников. Так, во время войны 1021 г. на стороне полочан воевал отряд варягов, которым командовал некий Эймунд. Сначала эти варяги служили князю Ярославу киевскому (1016–1019 гг.), потом при неизвестных обстоятельствах перешли на сторону Брячислава полоцкого. После возвращения норманнских воинов домой, в Скандинавию, скальдами была сложена сага, в которой повествовалось об упомянутых событиях⁴⁵.

Полоцкая и Витебская земли издавна имели контакты со скандинавской Европой через крупный торговый путь, который проходил вдоль почти всего побережья континента по Северному и Балтийскому морям. Меньшее значение имела дорога по Неману, которая соединяла белорусские земли с Прибалтикой. Через волоки на неманско-днепровском водоразделе можно было попасть в Черное море. На этом пути вырос и разбогател древнейший город на Немане – Гродно. В 1975 г. недалеко от исторического центра Гродно был найден фрагмент меча X в., изготовленного в Западной Европе и попавшего сюда, вероятно, из Скандинавии через Прибалтику⁴⁶.

Из Центральной Европы в Беларусь вела важная торговая магистраль по Бугу и Припяти. На ней возник второй по значимости после Полоцка экономический, политический и культурный центр раннесредневековой Беларуси – Туров. Первое летописное упоминание Турова (980 г.) содержит имя князя Тура – основателя города. В историографии высказывалось мнение о его скандинавском происхождении⁴⁷.

Кроме византийских монахов, на белорусских землях в X–XI вв. проповедовали миссионеры из Западной Европы. Известный по его участию в христианизации Исландии в конце X в. Торвальд Путешественник, вероятно, также занимался миссионерской деятельностью в белорусских зем-

⁴³ Катлярчук А. Шведы ў гісторыі і культуры беларусаў. Мінск, 2002. С. 37–39.

⁴⁴ Повесть временных лет. С. 54.

⁴⁵ Алексеев Л.В. Полоцкая земля. С. 241.

⁴⁶ Николаев Н.В. Меч X в. из Гродно // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвящ. 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 81–82.

⁴⁷ Мельнікаў А.А. Кірыл, епіскап Тураўскі... С. 17.

лях⁴⁸. Возвращаясь из путешествия в Палестину через Константинополь и Киев, Торвальд по Днепру попал в Беларусь, где и окончился его земной путь: «Торвальд умер в Руси, недалеко от Паллтескы⁴⁹. Там он похоронен в одной горе у церкви Иоанна Крестителя, и зовут они его святым», сказано в скандинавской саге⁵⁰. Христианский миссионер из Западной Европы, святой Бруно, погиб от рук язычников «на границе Литвы и Руси»⁵¹. Как известно, с Литвой граничили белорусские земли.

По средневековой Беларуси распространялись западноевропейские рукописи. Известный пример – кодекс Гертруды. Эта книга, написанная на латыни, появилась в Ирландии в конце X в. Ирландская княжна Ригеза вышла замуж за польского князя Мешко II и привезла с собой рукопись в Польшу. Дочь Мешко и Ригезы Гертруда в 1050 г. вышла замуж за туровского князя Изяслава Ярославича и перевезла кодекс в Туров. Здесь, похоже, к кодексу было добавлено еще пять миниатюр и молитва Гертруды за ее семью. Внучка Гертруды вышла замуж за польского короля Болеслава III и привезла книгу опять в Польшу. После долгого путешествия по Европе кодекс Гертруды осел в Италии, в национальном археологическом музее Чивидале дель Фриули⁵².

Знаменитая рукописная книга под названием «Полоцкое евангелие», созданная в конце XII в., принадлежала Троицкому монастырю в Полоцке (теперь рукопись поделена на две части, которые находятся в Петербурге и Москве). Рукопись иллюстрирована заставками с орнаментом старовизантийского типа, но созданным по технологии, совсем не присущей славянско-византийскому миру, зато распространенной в XII в. в немецких городах. Отсюда следует вывод специалиста о возможном участии немецких мастеров в иллюстрировании рукописи или знакомстве мастера-полочанина с европейскими технологиями использования красок⁵³.

В Смоленске обнаружен надмогильный камень с обозначенной датой – 1271 г. Это единственная известная в восточнославянском мире надпись, в которой год указан по западноевропейской традиции от Рождества Христова, а не от сотворения мира⁵⁴.

Из Западной и Центральной Европы на белорусские земли привозили железо и цветные металлы (уже упоминалось об экспорте европейской

⁴⁸ Гісторыя Беларусі: у 6 т. Старажытная Беларусь... Т. 1. С. 280.

⁴⁹ Древнескандинавское обозначение Полоцка.

⁵⁰ Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 102–103.

⁵¹ *Annales Quedlinburgenses // Monumenta Germaniae Historica Skriptorum. Hannoverae, 1839. Т. 3. Р. 80.*

⁵² Нікалаеў М. Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII стагоддзях. С. 29–30.

⁵³ Там жа. С. 29–30.

⁵⁴ Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. С. 253.

монеты), предметы вооружения, ювелирные изделия⁵⁵. На основе спектрального анализа изделий из железа, найденных археологами в городах Полоцкой земли, установлено существование импорта железных изделий из карпатских ремесленных центров в Чехии и Моравии. Наличие торговых связей обеспечило появление на территории Полоцкого княжества уже на раннем этапе (IX–XI вв.) не только готовых изделий, но и качественной стали⁵⁶.

В XI–XII вв. на белорусских землях стала широко известной игра в шахматы. Происходило это вопреки византийскому влиянию. Известно, что в средневековье как православная, так и католическая церковь активно выступали против шахмат, приравнивая их к игре в кости. Однако шахматы приобретали все большую популярность, в том числе среди восточных славян. Изучение археологических материалов из разных регионов восточнославянского ареала показало, что наибольшая концентрация находок шахматных фигурок наблюдается как раз на белорусских землях и на территории Новгородской и Псковской республик⁵⁷. Вероятно, это связано с активной международной коммуникацией этих земель, расположенных на крупных торговых путях, связывавших запад Европы с Востоком. Особенностью средневековых белорусских шахмат является их близость к западноевропейским образцам. Они производились местными мастерами под сильным влиянием европейской традиции⁵⁸. В специальной работе по истории шахмат на Руси отмечается появление в упомянутое время «нового древнерусского типа» шахматных фигур⁵⁹. Для обоснования этого тезиса автор использовал, главным образом, находки соответствующих шахматных фигурок в Беларуси. Поэтому для нового типа, вероятно, более подходит название «древнебелорусский». Из Скандинавии в Беларусь пришли шашки, они здесь производились из камня, янтаря, стекла, глины⁶⁰.

Само название страны – «Белая Русь» имеет западноевропейское происхождение (Russia Alba). Оно фиксируется в источниках начиная с XI в. В специальном исследовании этот географический термин признается как «уникальный памятник европейской (можно уточнить: латинской) культуры, который в определенном смысле можно сравнить с Домскими соборами в Кельне или Милане»⁶¹.

⁵⁵ Археалогія Беларусі. Т. 3. С. 452.

⁵⁶ Гурин М.Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли. IX–XIII вв. Минск, 1987. С. 106.

⁵⁷ Линднер И.М. Шахматы на Руси. М., 1975. С. 118.

⁵⁸ Гісторыя Беларусі: у 6 т. Старажытная Беларусь... Т. 1. С. 304.

⁵⁹ Линднер И.М. Шахматы на Руси. С. 76–77, 119.

⁶⁰ Гісторыя Беларусі: у 6 т. Старажытная Беларусь... Т. 1. С. 304.

⁶¹ Бель А. «Хроніка Беларускай Русі». Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000. С. 183, 185.

Главной магистралью, по которой осуществлялись связи с Западной Европой, была Западная Двина. Не случайно именно в бассейне этой реки состоялся первый непосредственный контакт белорусов с западноевропейским анклавом. Произошло это в начале XIII в., когда над устьем Двины появилась первая немецкая колония: Livland – Ливония – Инфлянты.

Самобытность

Говоря о внешних влияниях, проявлявшихся на белорусских землях, необходимо принимать во внимание комплекс факторов, которые определяли их эффективность. В условиях средневекового общества большинство таких факторов снижало, а не повышало эффекты воздействия на периферию развитых цивилизационных центров. Аграрный характер средневекового общества, его локальность, изолированность и значительная самодостаточность, когда основная масса материальной продукции производилась на месте, не благоприятствовали внешним контактам, а скорее их ограничивали. В Беларуси дополнительным препятствием коммуникации были крупные лесные массивы, а в некоторых регионах – болотные комплексы. Заселенность страны всегда была очень слабой по сравнению с Западной Европой. Средневековая урбанизация, которая уже в XIII в. привела к образованию густой сети городов и местечек во многих регионах Западной Европы, в Беларуси проявилась намного слабее (поэтому использование этого термина в отношении Беларуси не практикуется). В XII в. крупнейшие западноевропейские города насчитывали до 50 тыс. жителей, крупнейший город Беларуси Полоцк – около 7 тыс.⁶²

Нужно также помнить, что приведенные выше примеры международных связей белорусских земель касались главным образом элитарной культуры; это значит, внешнее влияние охватывало относительно небольшую часть населения, в первую очередь феодалов, духовенство и горожан. Большинство средневекового населения Беларуси, жившее в сельских поселениях в отдалении от крупных рек, было слабо охвачено международным товарным обменом либо вообще в нем не участвовало.

В то же время церкви, построенную, например, по византийскому образцу (каменную в городе или деревянную в деревне), посещали или хотя бы видели все. Непосредственные контакты с заграничными купцами имели крестьяне, которые обслуживали волоки или жили неподалеку. Деревенские жители приобретали за мелкую серебряную монету (заграничную) или посредством товарного обмена некоторые продукты, которые нельзя было получить в своем хозяйстве, например соль.

⁶² Археалогія Беларусі. Т. 3. Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). Мінск, 2000. С. 171.

Своеобразие Беларуси, особенная культура и ментальность ее народа, наиболее выразительной чертой характера которой сегодня считается знаменитая белорусская толерантность, формировались под воздействием ряда факторов.

Наиболее сильное воздействие на формирование белорусской ментальности оказал **процесс балто-славянских контактов**. Он имел универсальный характер и охватывал все слои общества, начиная с непосредственных ежедневных контактов жителей соседних деревень (смешанные браки, товарный обмен, военные дела) и кончая приглашением балтских князей на столы славянских городов (что имело место с XIII в.). Носители разных языков (балтского – литовского и славянского – белорусского), разных верований (христианства и язычества) постоянно поддерживали дружественные отношения, привыкали к мирному сожительству, учились толерантности (хороший пример: лояльность в отношении язычников, великих князей литовских со стороны христиан – славянских жителей городов Понеманья). Именно в этом многовековом сосуществовании видятся истоки религиозной толерантности белорусов.

Характерным явлением было распространение славянского (белорусского) языка в зоне непосредственного контакта двух этнических массивов. Через процесс балто-славянских контактов проявлялось влияние географического фактора (лесная полоса Европы) на формирование нового этноса. Славянские колонисты перенимали у местных балтов выработанные на протяжении столетий приемы и способы выживания и ведения хозяйства в лесных условиях.

Вторым по силе воздействия фактором на коллективное сознание было **христианство**, которое доходило до каждого жилища. Принятие именно византийской его версии (православная доктрина и обрядность, монашеские традиции, просветительство, отношение к светской власти) наложило сильный отпечаток на развитие белорусской культуры, в том числе через распространение кириллического письма.

Следующим по спектру охвата общества фактором, повлиявшим на формирование белорусского менталитета, были **международные торговые контакты, которые прокладывали дорогу культурному влиянию**. Денежно-товарный обмен охватывал значительную часть общества, так как кроме предметов роскоши торговцы доставляли в страну широко востребованные продукты (например, соль, сельдь, мелкую серебряную монету). Вместе с купцами часто путешествовали и духовные лица – миссионеры.

Среди перечисленных факторов, влиявших на формирование белорусской ментальной специфики, можно выделить два наиболее важных:

- многовековое сосуществование с местными балтами;
- перекрестное влияние цивилизаций Востока и Запада Европы.

Последний фактор реализовывался через **активное движение по международным торговым путям**, которое медленно, но неуклонно втягивало страну в экономику обмена.

Своеобразием белорусских земель был синтез языческой и христианской традиций. Такое явление известно во всей Европе, но в Беларуси оно отличалось исключительной живучестью. Христианские обычаи в Беларуси продолжительное время соседствовали с языческими, что хорошо прослежено археологами при изучении погребального обряда. Языческий обычай ритуальной кремации покойников и погребения в кургане постепенно сменился христианской ингумацией, когда покойника клали в курган в вытянутом положении. Однако языческие элементы обрядности сохранялись, например выжигание почвы перед насыпкой кургана, помещение в курган ритуальной еды, тризна, положение рук покойника вдоль туловища, а не на животе⁶³. Выразительные следы языческих верований содержатся в летописной характеристике знаменитого полоцкого князя Всеслава Брючиславовича.

Во время раскопок Нижней церкви XII в. в Гродно на Старом замке был расчищен фрагмент полихромного майоликового пола. По фрагменту удалось восстановить рисунок пола подкупольного квадрата храма. В орнаменте пола ощутимы древние космологические представления, появившиеся задолго до возникновения христианства. Идеограмма в виде пяти дисков – одного в центре и четырех вокруг него означала солнце и четыре его положения. Такой орнамент был ассимилирован христианским искусством и широко использовался в европейском церковном строительстве XI–XIII вв. В западноевропейской историографии такая структура называется *Quincunx* – распределение деталей по углам квадрата с пятым элементом посередине. Декоративные элементы рисунка также представляют аграрно-магические символы, которые «являются своеобразными заговорами, материализованными в орнаменте»⁶⁴. Необычная художественность и цветное богатство внешнего декора гродненских каменных храмов XII в. можно также объяснить влиянием местной языческой традиции.

Элементы языческого мировоззрения в виде обычаев, различных магических действий сохранились в жизни белорусов до новейшего времени. Например, по этнографическим описаниям в середине XIX в. при закладке нового дома выполнялся следующий обряд: всю площадку под будущей усадьбой очерчивали большим квадратом и делили его на четыре части кре-

⁶³ Гісторыя Беларусі. Т. 1. Старажытная Беларусь... С. 281.

⁶⁴ Дубінін А.Б. Хрысціянская і паганская сімволіка ў арнаменце маёлікавай падлогі Ніжняй царквы XII ст. у Гродне // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: Матэрыялы міжнар. навук. канф. (Мінск, 18–19 сакавіка 2003 г.). Мінск, 2004. С. 68–72.

стовидной фигурой. Потом хозяин направлялся на «все четыре стороны» и приносил с четырех полей четыре камня, которые складывались в центрах малых квадратов. В результате на месте будущей усадьбы появлялась идеограмма урожайности, известная еще с начала неолита⁶⁵.

Элитарная духовная и массовая материальная культура восточнославянского ареала (в первую очередь городская) в X–XIII вв. характеризовалась значительной однородностью, что стало одним из оснований для версии о существовании единой древнерусской народности. Однако даже немногочисленные сохранившиеся источники дают основание заметить региональные белорусские отличия. Так, особенности белорусского языка видны в сохранившихся памятниках эпиграфики (например, надпись полочанина на стене храма в Киеве).

Российские археологи разработали археологически-топографические критерии дефиниции восточнославянского средневекового города.

Приметами раннего города (IX – первая половина X в.) являются:

1. Укрепленное поселение, крупнее других в округе, которое включало две части – **детинец** (град) и **окольный город** (ремесленно-торговый посад). Окольный город на первых порах мог быть неукрепленным.

2. Исполнение административных функций (политической и военной).

3. Основные занятия жителей – ремесло и торговля⁶⁶.

Белорусский археолог Георгий Штыхов модифицировал эту дефиницию, в соответствии со спецификой белорусских городов. Для отличия города от сельского поселения он предложил следующие критерии:

– исполнение поселением (известным из летописей) функции центра определенной округи;

– наличие системы «детинец – посад» (ремесленно-торговое поселение), в котором площадь посада должна быть больше детинца;

– ремесленно-торговые занятия значительной части жителей⁶⁷.

* * *

Начало белорусской государственности связано с Полоцким княжеством. Полоцк вырос на основе международной торговли на пути «из варяг в греки». В «Повести временных лет» город впервые упоминается под 862 г. как центр племенного объединения кривичей-полочан. Из всех крупных восточнославянских центров Полоцк выделялся наибольшей независимостью.

⁶⁵ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 465.

⁶⁶ Седов В. Начало городов на Руси // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. 1, Вып. 1, М., 1987. С. 12–31.

⁶⁷ Белорусская археология: Достижения археологов за годы Советской власти. Минск, 1987. С. 85.

стью от Киева. Только в начале X в. Полоцк на короткое время попал в политическую зависимость от киевского князя. Известная история с новгородским (позже киевским) князем Владимиром и полоцкой княжной Рогнедой, когда Владимир в 970 г. штурмом взял Полоцк, не завершилась прочным политическим подчинением Киеву. Сын Владимира и Рогнеды Изяслав был выслан из Киева в Полоцкую землю и основал династию, активно соперничавшую с киевской.

Киевская Русь представляла собой крупное раннефеодальное государство, которое сравнивают с империей Карла Великого. Относительно единую государственную структуру эта «лоскутная» империя имела в конце X–XI вв., а потом она распалась на несколько самостоятельных княжеств. Полоцк принадлежал к крупнейшим политическим и культурным центрам и стоял в одном ряду с Киевом и Великим Новгородом. Именно в этих трех городах в XI в. были возведены крупнейшие христианские храмы с одинаковым названием – собор Святой Софии.

Полоцкое княжество находилось в составе Киевского государства всего несколько десятилетий, начиная с 980 г. После распада Киевской Руси во всех удельных княжествах правили представители одного княжеского рода, потомки Ярослава Мудрого (Ярославичи). Единственным исключением была Полоцкая земля, которой владела отдельная династия Рогволодовичей, что подчеркивало ее независимость и обособленность. Наивысшей политической значимости Полоцкое государство достигло в XI в. при князе Всеславе Брючиславовиче (1044–1101), когда оно стало основным конкурентом Киева.

Туровское княжество более прочно, чем Полоцкое, входило в политическую систему Киевской Руси. После смерти главы правящего княжеского рода в Киеве на его место приходил следующий по иерархии представитель рода, который княжил в Турове. С конца 50-х гг. XII в. Туровская земля окончательно отделилась от Киева и управлялась собственной династией.

Значительную роль в этногенезе белорусов сыграла восточная ветвь кривичей с центром в Смоленске. Смоленское княжество, возникшее в 1054 г., также входило в киевскую политическую систему. До этого Смоленская земля, расположенная на пути «из варяг в греки», полтора века с лишним платила дань варягам⁶⁸.

Специфическим регионом будущей Беларуси в средневековье было Верхнее и Среднее Понеманье. Здесь в конце X в. активизировался процесс балто-славянских контактов в результате активной колонизации этих территорий восточными славянами с юга и востока. Исследователи считают, что пришедшие сюда в довольно большом количестве восточные славяне убежали от принудительной христианизации Руси, проводимой киев-

⁶⁸ Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 255–256.

ским князем Владимиром с 988 г. Именно в это время – в конце X в. были основаны главные понеманские города: Новогрудок, Гродно, Волковыск, Слоним. Летописи засвидетельствовали существование в XII в. отдельного Гродненского княжества, которое находилось в сфере политического влияния Киева.

Поселение Гродно было основано восточными славянами (дреговичами и волынянами) в конце X в. на территории балтских племен ятвягов и развивалось как типичный город Пограничья. Сначала это было этническое Пограничье на стыке трех крупных культур: восточнославянской (белорусской), западнославянской (мазовецкой) и балтской (ятвяжской). Другой понеманский город, сыгравший важную роль в истории страны – Новогрудок, первая столица ВКЛ, – был заложен восточными славянами также в конце X в. и вырос в крупный торгово-ремесленный центр. Он поддерживал торговые связи с Северной, Центральной и Западной Европой, Византией и мусульманским Ближним Востоком⁶⁹.

О древней истории Новогрудка собрана обширная информация благодаря многолетним археологическим исследованиям, которые велись высококвалифицированными специалистами. Тридцатилетняя деятельность новогрудской экспедиции (1956–1986 гг., руководитель Фрида Гуревич) привела к важным открытиям, изменившим прежние представления о городе и всем регионе. Длительное время Верхнее Понеманье считалось периферийной и отсталой областью на крайнем рубеже Руси с языческим балтским миром. Выявленные в ходе раскопок богатство и разнообразие материальной культуры, подтверждавшие бывшие прочные и широкие торговые связи средневекового Новогрудка, впечатлили даже специалистов-археологов.

Именно территория Верхнего и Среднего Понеманья, которая от пограничного со славянами балтского племени получила название «Литва», стала местом возникновения и центром Великого Княжества Литовского – государства, сыгравшего решающую роль в формировании белорусского народа.

В XII в. в Полоцкой, Туровской, Смоленской землях, как и во всей Киевской Руси, развивался процесс децентрализации. Возникло большое количество мелких княжеств, которые часто враждовали между собой. Только в середине XIII в. под воздействием чрезвычайных угрожающих международных событий, важнейшим из которых было монголо-татарское нашествие, создались предпосылки для консолидации и создания нового мощного государственного объединения. В процессе создания нового государства приняли участие все перечисленные земли.

На XII в. пришлась деятельность выдающихся представителей средневековой белорусской культуры: Ефросиньи Полоцкой, Кирилла Туровского,

⁶⁹ Гурэвіч Ф.Д. Летапісны Новгарадок (Старажытнарускі Наваградак). СПб., 2003. С. 205–230.

Климента Смолятича и Авраамия Смоленского. Полоцкая княжна Предслава, известная как Ефросинья Полоцкая, основала возле Полоцка женский и мужской монастыри и открыла школу для обучения детей письму. Она также заказала искусному мастеру-ювелиру Лазарю Богше крест, который стал главной национальной святыней Беларуси. По своим художественным достоинствам этот полуметровый деревянный крест, обложенный золотыми пластинами с изображениями христианских святых, оценивается как настоящий шедевр. После нескольких столетий хранения в Полоцке святыня в советское время была передана в музей Могилева, откуда исчезла во время Второй мировой войны (в 1941 г.). Найти крест до сих пор не удалось.

Белорусская культура в X–XIII вв. формировалась как синтез культурных традиций славянских колонистов и местного балтского населения (традиции балтов-автохтонов были обусловлены географическо-климатическими особенностями страны), а также влияния со стороны более развитых цивилизаций: византийской и западноевропейской.

В целом, несмотря на все их самобытные особенности, белорусские земли в средневековье развивались в контексте общеевропейской эволюции. Беларусь, как и остальная Европа, в XII – первой половине XIII в. переживала демографический подъем и соответственно расцвет культуры. Характерный для истории Европы период феодальной раздробленности в XII в. в полной мере проявился и на белорусских землях.

Лицом к Западу. Смена цивилизационной ориентации (1240–1385)

Хронологические рамки великих перемен в белорусской жизни очерчены достаточно условно (как и почти каждый хронологический рубеж в периодизации истории). Однако два события описываемого времени, которыми мы предлагаем их обозначить, принадлежат к наиболее заметным на фоне других. Они прочно зафиксированы в памяти не только современников, но и следующих поколений:

- 1. 1240 г. – захват и уничтожение Киева монголо-татарами.**
- 2. 1385 г. – Кревская уния Великого Княжества Литовского и Польского королевства.**

Известие о падении Киева широко разнеслось по Европе, о Кревской унии вспоминали и ссылались на нее еще в 1569 г. при заключении Люблинской унии, а также и в более поздние времена. Обе названные даты неизменно отмечаются в современных учебниках истории.

Первое событие привело к осознанию жителями (в первую очередь элитами) западных и южных земель Руси окончания периода старого внутрен-

него и международного порядка, второе завершило неустойчивый период колебания между Востоком и Западом в пользу стабильного последнего.

Вызов Истории

Эволюция человеческих сообществ время от времени с большей или меньшей регулярностью прерывается катаклизмами природного или социального (экономическо-политического) характера. Такие катаклизмы вынуждают как отдельных людей, так и их сообщества искать выходы из невыгодной ситуации, а именно искать новые формы организации сообщества. Согласно терминологии, введенной английским историком Арнольдом Тойнби, история бросает человеческому сообществу вызов, на который необходимо найти ответ. Концепцию **Вызов-и-Ответ** Тойнби использовал в исследовании генезиса цивилизаций: «Общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов».

Иными словами, функция «внешнего фактора» заключается в том, чтобы превратить «внутренний творческий импульс в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций»⁷⁰. В своей глобальной по географическому охвату работе Тойнби обратился и к нашему примеру из XIII в.: «Это неожиданное давление, начавшись в 1237 г. знаменитым походом на Русь монгольского хана Батые, оказалось очень сильным и продолжительным. Этот случай еще раз доказывает, что чем сильнее вызов, тем оригинальней и созидательней ответ»⁷¹.

Когда какая-либо цивилизация (сообщество) не сможет найти ответа на вызов, то, вероятно, она попадет в кризис или придет в упадок (например, южноамериканские доколумбовы цивилизации или ближе к нам расположенное племенное объединение ятвягов в Прибалтике).

Развивая мысль Тойнби, который свою теорию относит к цивилизациям, можно прийти к выводу, что вызовы могут отличаться масштабом – от глобальных (например, ледниковые периоды или современное глобальное потепление) до региональных. Универсальность концепции подтверждается еще и тем, что ее можно использовать для анализа функционирования первоначальной ячейки человеческого общества – семьи и даже отдельного человека.

XIII век – время больших перемен, точнее, вызревания больших перемен в жизни всей Европы. Закончилась поражением первая крупная заграничная экспансия западноевропейского мира – христиане-латинники утратили все ранее завоеванные земли в Палестине. В Западной Европе происходили

⁷⁰ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 108.

⁷¹ Там же. С. 140.

важные политические перемены: большинство преобразований, обозначивших приход эпохи Нового времени, начало проявляться уже во второй половине XIII в., хотя заметными они стали только на рубеже XIV–XV вв. Прежде всего, создавались все более крупные государственные образования, в том числе государства, ставшие позже национальными – наиболее полно этот процесс реализовывался в Англии, но также был заметен во Франции. В границах немецкой империи стабилизировались государства имперских князей, а в Италии крупные городские центры, такие как Милан, Венеция и Флоренция, аннексировали соседние города⁷². В середине XIII в. на территории современного Белорусского Понеманья возникло новое балто-славянское государство – Великое Княжество Литовское.

Достиг своего пика европейский демографический рост (начался с конца X – начала XI в.). При всей разнице (иногда огромной) в населенности отдельных регионов континента этот подъем был заметен практически везде. В Беларуси каждый археолог знает, что наибольшее количество сельских поселений (селищ, по археологической терминологии) эпохи средневековья датируется XII–XIII вв. (В XIV в. их количество в Беларуси, как и во всей Европе, сильно сократилось.) Средневековые города переживали наибольший рост также в это время⁷³.

Хотя общеевропейский демографический подъем был очевиден и в Беларуси, однако существовала большая разница в масштабах. В Западной Европе возникла проблема перенаселенности (вызов истории), в то время как на востоке континента такой проблемы не существовало вследствие малочисленности населения. Реакцией западноевропейцев, в первую очередь немцев, было переселение на восток, что создало проблему (вызов) не только для племен, на чьих землях оседали немцы, но и для более отдаленных от Западной Европы государств, например белорусских феодальных княжеств. Немецкая колонизация на востоке (*Drang nach Osten*) в то время оказалась самой крупной среди всех миграций населения Западной Европы⁷⁴.

Возникновение нового государства на востоке – Великого Княжества Литовского – с перспективы сегодняшнего дня мы можем определить как ответ на вызов истории, поставленный перед жителями белорусского Понеманья. Вызов был сформулирован в виде двух важных, имевших внешний источник событий, которые нарушили устоявшийся порядок, принесли ощущение реальной угрозы и сделали невозможным продолжение прежнего эволюционного развития региона.

⁷² Mundy John H. *Europa średniowieczna. 1150–1309*. Warszawa, 2001. С. 285.

⁷³ Например, крупнейший белорусский город того времени Полоцк в свои границы с XII–XIII вв. вернулся только в начале XX в.

⁷⁴ Ле Гофф Жак. *Цивилизация средневекового Запада*. М., 1992. С. 64.

1. *Появление и активная экспансия немецких анклавов в Восточной Прибалтике в конце XII – первых десятилетиях XIII в. (в Ливонии и Пруссии)*. В начале XIII в. белорусские земли, точнее Полоцкая и Витебская (наиболее тесно связанные с Западной Европой), непосредственно столкнулись с европейским ответом на проблему (вызов) перенаселенности. В устье Западной Двины в 80-е гг. XII в. возникло первое немецкое поселение, а в скором времени был заложен город Рига (1201). По инициативе рижского епископа для большей эффективности борьбы с окрестными язычниками был создан Орден Меченосцев (1202)⁷⁵.

Почти сразу возникший немецко-белорусский конфликт создал серьезные проблемы, в первую очередь для Белорусского Подвинья и Поднепровья (начало XIII в. – Полотчина, Витебщина и Смоленщина), потом для Понеманья (с 1283 г.).

Полоцкое княжество с начала XIII в. было вынуждено бороться за свободную торговлю по Западной Двине и сохранение своего влияния в Прибалтике с оседлавшими устье реки немцами – горожанами Риги, Рижским архиепископством и Орденом меченосцев. Ослабленное политической раздробленностью первое белорусское государство проиграло войну с ливонскими немцами и постепенно утратило свои опорные пункты в нижнем Подвинье: сначала Кукейнос (1208), потом Герцику (1209). Давний соперник Полоцка в контроле над днепровско-двинским торговым путем, Смоленск, также оказался ослабленным в период раздробленности XII в. В конце концов оба эти государства были вынуждены примириться с присутствием немцев на Двине и заключить торговые договоры с Ригой.

Государство Тевтонского ордена в Пруссии, возникшее в 30-е гг. XIII в., к 1283 г. закончило покорение местных племен и сразу же перешло в атаку на соседние белорусские и жемайтийские земли.

2. *Погром южной и восточной Руси монголо-татарами в 1238–1240 гг.* Опустошение южной и восточной Руси монголо-татарами вызвало в Беларуси ощущение реальной угрозы. По косвенным свидетельствам летописей, жертвой монгольских войск стало соседнее с Понеманьем Берестье (Брест). Видимо, белорусские земли спасло то, что они остались в стороне от главного направления монгольского похода на запад в 1241–1242 гг.

Монголо-татарское нашествие прервало традиционные торговые связи на юге и востоке. Археологические исследования показали, что после монгольского похода на Русь (1238–1240) в Беларусь перестала поступать продукция ювелирных и стеклодельческих мастерских из Киева, Великого Новгорода, Византии и с Ближнего Востока. Археологические исследования засвидетельствовали общее обеднение материальной культуры начиная со

⁷⁵ Manteuffel G. Zarzysy z dziejów krain dawnych inflanckich. Kraków, 2007. S. 19.

второй половины XIII в. Прекратилось производство поливной керамики и смальты – после разгрома Киева. В культурном слое белорусских городов со второй половины XIII в. исчезла выразительная хронологическая примета городов XI – первой половины XIII в. – фрагменты разноцветных стеклянных браслетов, которые ранее массово завозились с юга. Исчезли также характерные шиферные пряслица, производимые ранее в Овруче (Украина). В XIII в. приостановилось каменное строительство, активно развивавшееся в XII в. на основе византийской архитектурной традиции. В то время в Полоцке, Смоленске, Витебске, Гродно, Турове были возведены десятки каменных церквей и несколько княжеских дворцов⁷⁶.

XIII в. Формулировка Ответа

В начале XIII в. Беларуси, как и в большинстве стран Европы, продолжался период политической раздробленности. Два крупнейших феодальных государственных образования – Полоцкое и Турово-Пинское княжества были разделены на многочисленные уделы. В XII в. из Полоцкого государства выделились Изяславльское, Витебское, Друцкое, Логойское и Менское княжества⁷⁷. Туровская земля разделилась на княжества: Туровское, Клецкое, Пинское (было одним из наиболее сильных, что дало основание для появления в историографии термина Турово-Пинская земля), Дубровицкое, Слуцкое, Берестейское, Дрогичинское (два последних попали в зависимость от Галицко-Волынского княжества)⁷⁸.

В XII в. летописи зафиксировано существование на Понеманье Гродненского княжества, связанного родственными и политическими узами с династией, правившей в Киеве. К XIII в. относятся отрывочные сведения о Новогрудском, Волковысском, Слонимском, Свислочском княжествах, которые входили в Новогрудскую землю и находились под политическим влиянием Галицко-Волынского государства.

Таким образом, в начале XIII в. будущая Беларусь представляла собой конгломерат политически разрозненных земель, расположенных на пространстве от реки Десны на востоке до Нарева на западе. Все они располагались в зоне балто-славянских контактов. Южная граница ареала контактов в основном соответствовала линии Припяти, на севере и северо-западе его границей являлась довольно широкая (около 150–200 км) контактная

⁷⁶ До наших дней на поверхности земли сохранились в первозданном виде только два шедевра зодчества XII в.: Спасо-Преображенская церковь в Полоцке и Борисоглебская в Гродно.

⁷⁷ Штыхаў Г. Полацкае княства // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1999. Т. 5. С. 525.

⁷⁸ Гісторыя Беларусі: у 6 т. Старажытная Беларусь... Т. 1. С. 193.

балто-славянская зона, расположенная в пространстве приблизительно между Минском и Вильно.

На всем этом пространстве происходило формирование основных черт традиционной (народной) культуры белорусского этноса⁷⁹. Кроме общей этнической основы земли объединяло наследство Киевской Руси – традиции политической и культурной жизни.

Термин «Беларусь» не имел еще определенной географической привязки, и на средневековых картах Белая Русь могла быть показана на территории Московии либо Великого Новгорода (она «кочевала» по картам Восточной Европы до XVII в., пока не «закрепилась» на восточных землях ВКЛ).

Упомянутый процесс балто-славянских контактов (ассимиляция местных балтов славянами и формирование нового этноса) в XIII в. был практически завершен на большей части страны (в бассейнах Припяти, Днепра и Западной Двины). На северо-западе (Гродненщина, Виленщина, Браславщина) этот процесс еще находился в активной фазе⁸⁰.

Культура белорусских земель в XIII в. развивалась как продолжение традиций Древней Руси. К XIII в. относятся первые известные памятники собственно белорусской письменности на кириллице с характерными признаками белорусского языка. Это договоры смоленских князей с Ригой и Готландом (около 1230 г.) и грамота полоцкого князя Изяслава (около 1265 г.)⁸¹.

Археологические исследования свидетельствуют о распространенности письменности среди горожан (находки бытовых вещей с надписями, писал, берестяных грамот).

Можно полагать, что характер исторического процесса на белорусских землях в это время соответствовал общеевропейскому. Период феодальной раздробленности и развитие региональных центров, наиболее значительный за все средневековье демографический рост в XII–XIII вв., первые проявления демографического спада, а также тенденция к политической децентрализации – все эти общеевропейские явления имели место и в Беларуси.

«Формулировка ответа на вызов истории» – современная историографическая конструкция. Понятно, что неправомерно предполагать сознательный поиск средневековыми людьми ответа на вызов истории. Осмысление подобных поисков в средневековом обществе происходило на уровне реагирования элит и остального населения на непосредственные события и реальные насущные угрозы. Однако совокупность общественных действий, направленных на приспособление к новым историческим условиям, а также

⁷⁹ Археалогія Беларусі. С. 317, 433–434.

⁸⁰ Краўцэвіч А. Працэс балта-славянскіх кантактаў на Панямонні і ўтварэнне Вялікага Княства Літоўскага // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 1998. № 9. С. 5–25.

⁸¹ Шакун Л. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1963. С. 73, 74; Полоцкие грамоты. М., 1977. Вып. 1. С. 36.

последствия этих действий современные историки могут (и должны) рассматривать в контексте общего развития исторического процесса.

Сегодня можно сделать вывод, что в Беларуси результатом совокупности реакций на вызов истории в XIII в. ответом стало, во-первых, *возникновение нового государства – Великого Княжества Литовского* (его деятельность стала решающим фактором формирования белорусского народа), и, во-вторых, *цивилизационная переориентации – присоединение Беларуси к странам западноевропейской цивилизации (регион Центрально-Восточной Европы)*. Создание государства нового типа было непосредственной и быстрой реакцией на серьезные внешние угрозы (татары и немцы). Цивилизованная переориентация заняла намного больше времени: от постепенного расширения западноевропейского влияния (заметного со второй половины XIII в.) до сознательного политического выбора: принятия и государственной поддержки католицизма великим князем Ягайло (1386 г.).

Здесь представляется необходимым пояснить, что понимается под термином «Центрально-Восточная Европа». Сегодня исследователи трактуют его по-разному (термин имеет немецкое происхождение – от понятия *Mitteleuropa* – Центральная Европа), часто принимая во внимание лишь реалии XX в., а именно разделение Европы на коммунистическую и капиталистическую части. Однако в контексте процессов, происходивших на континенте на протяжении последнего тысячелетия, более точной представляется дефиниция люблинского сообщества историков во главе с профессором Ежи Ключовским: Центральная-Восточная Европа «в принципе обозначает части Европы, которые на протяжении ряда веков входили в состав Речи Посполитой Обоих Народов, это значит, Польского королевства и Великого Княжества Литовского, а также исторических королевств Чехии и Венгрии»⁸².

Возникновение и деятельность Великого Княжества Литовского

Непосредственным и в определенной степени осознанным современниками ответом на вызов истории было создание государства – Великого Княжества Литовского. Монголо-татарская угроза на юго-востоке и тевтонская – на севере ускорили организацию нового государства со столицей в Новогрудке. На протяжении XIII – первой половины XIV в. это государство объединило в своих границах почти все белорусские земли. В качестве организационных образцов она приняла местные государственные организмы (Гродненское и Новогрудское княжества), а старобелорусский язык – в каче-

⁸² Historia Europy Środkowo-Wschodniej / red. J. Kłoczowski. Lublin, 2000. T. 1. S. 7.

стве официального, что в последующие столетия определило успешный ход процесса этногенеза белорусского народа.

Развитие нового государствообразующего центра на территории Верхнего и Среднего Понеманья началось около середины XIII в. В это время Понеманье представляло собой зону смешанного балто-славянского населения. В этой зоне городские центры (Новогрудок, Гродно, Волковыск, Слоним) были славянскими, а сельское окружение состояло как из славянских, так и балтских поселений. В русских летописях эта территория получила название «Литва» (от одной из пограничных балтских земель; такое же происхождение имеют термины «Пруссия» и «Ливония»).

Началом нового государства (ВКЛ) на Понеманье стал приход на княжение в Новогрудок балтского князя Миндовга около 1248 г. Точно неизвестно, каким образом Миндовг обосновался в Новогрудке. Однако от ответа на этот, казалось бы, не самый важный вопрос зависит общая интерпретация дальнейшей истории ВКЛ, а именно: оценка этнического характера государства, взаимоотношений между литовцами и белорусами, наконец, определение роли ВКЛ в формировании белорусского и литовского народов.

С XIX в. в историографии закрепилась версия завоевания Миндовгом Новогрудка и других белорусских земель и присоединения их к раннефеодальному литовскому государству, объединившему в конце XII – начале XIII в. все литовские земли⁸³. Альтернативный вариант реконструкции генезиса ВКЛ предложил белорусский историк Микола Ермалович в 80-е гг. XX в. По его мнению, Миндовг был принят на службу новогрудчанами как князь-изгой, потерпевший поражение в Литве и нашедший в Новогрудке убежище (явная аналогия с Довмонтом – князем псковским). Получив от новогрудчан деньги и войско, Миндовг завоевал для них Литву, которую Ермалович видел островом балтского населения на этнической территории белорусов⁸⁴.

Обе названные версии не имеют прямого подтверждения в письменных источниках, кроме того, они находятся в противоречии с результатами специальных исследований процесса балто-славянских контактов.

Традиционная «балтская» концепция генезиса ВКЛ, так же как и версия Ермаловича, опирается на тезис *балто-славянской конфронтации* (разница только в определении победителя), в то время как многолетние комплексные исследования, проведенные лингвистами, археологами, этнографами, доказали *общий мирный характер балто-славянских контактов*⁸⁵. Письменные источники не зафиксировали случаев межнациональных конфликтов между балтскими и славянскими жителями Понеманья, так же как

⁸³ Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990. S. 43–46.

⁸⁴ Ермаловіч М. Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1991. С. 58–60.

⁸⁵ Краўцэвіч А. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Rzeszów, 2000. С. 98–103.

и наличия балтского (литовского) государства до прихода Миндовга в Новогрудок. Также неизвестно ни одного случая вооруженного прихода (а только по приглашению) на стол русского города балтского князя в XII–XIII вв.

По всей вероятности, начало государству положил союз двух главных политических сил в Понеманье: белорусских городов-государств и сильнейших вождей балтских племен, а точнее, союз богатейшего города региона Новогрудка и сильнейшего балтского конунга Миндовга. По ближайшим аналогиям (источники описывают факты прихода других князей балтского происхождения на столы восточнославянских городов-государств: Довмонт в Пскове – 1265 г., Товтивил в Полоцке – между 1258 и 1262 гг.), можно судить, что, вероятно, имело место приглашение Миндовга на новогрудский стол в качестве служилого князя. Произошло это около 1248 г. (к этому году относится первое свидетельство летописи о заключении союза Новогрудка с Миндовгом)⁸⁶.

В первый же год своего существования новое государство было вынуждено обороняться от Галицко-Волынского княжества, которое стремилось сохранить свое влияние в Понеманье путем ликвидации местного государственного центра. В первой войне (1248–1254) от полного разгрома молодое государство спасла дипломатия. Миндовгу удалось перетянуть на свою сторону союзника волынян – Ливонский орден, пообещав креститься по католическому обряду, что и произошло в 1251 г. Через два года с согласия папы римского в Новогрудке была проведена церемония возведения Миндовга в королевский сан.

Эти события, которые сопровождались активной перепиской главы государства с католическим первосвященником, фактически стали первым этапом сближения страны с западноевропейским культурно-историческим ареалом (цивилизацией). Правда, продолжался он недолго – около десятилетия. Достигнув своих ближайших целей и временного ослабления Ордена в результате поражения от жемайтов в битве у озера Дурбе (1260), Миндовг отрекся от христианства и не передал наследникам королевский титул.

После нескольких лет смуты, вызванной убийством Миндовга (1263 г.) и другими политическими убийствами, в том числе сына Миндовга, Войшелка (1267 г.), во главе государства в начале 1270-х гг. стал великий князь Тройден (правил примерно между 1270 и 1282 гг.). Ход событий в это время, а именно активная поддержка, оказанная Тройдену белорусскими городами Понеманья, указывает на развитие прежней политической ситуации – союза важнейшего города региона и сильного балтского конунга. Источники сообщают о местонахождении родового владения Тройдена, центром которого было Керново. Союз двух этнических объединений на начальном этапе

⁸⁶ Краўцэвіч А. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. С. 143–145.

развития ВКЛ дал основание новейшей белорусской историографии оценить это княжество как белорусско-литовское государство.

Великий князь Тройден проводил активную внешнюю политику, боролся против Галицко-Волынского княжества и Ливонского ордена, организовывал походы на польские земли. Около 1276–1277 гг. он принял и поселил в окрестностях Гродно и Слонима пруссов, которые оставили свои земли, спасаясь от крестоносцев.

Турово-Пинская земля, как и Побужье (Берестейская земля), с последних десятилетий XII в. находилось в политической зависимости от Галицко-Волынского княжества, которое в XIII в. постепенно выросло в крупнейшее государство Руси и проводило активную политику в Центральной и Восточной Европе. Турово-Пинская земля, стремившаяся освободиться от этой зависимости, проявляла доброжелательное отношение к понеманскому государству с самого начала существования последнего. Волынский летописец отмечал, что вольняне «неволею» заставляют пинчан участвовать в походах против ВКЛ. В 1263–1264 гг. Пинск открыто вмешался в понеманские дела, сначала дав политическое убежище Войшелку, а потом послав с ним войска на Понеманье, чтобы ликвидировать беспорядки, начавшиеся после смерти Миндовга.

В это же время усиливалось политическое влияние ВКЛ в Полоцкой земле. Между 1258 и 1262 гг. полочане пригласили на княжение племянника Миндовга Товтивила, а после его смерти ВКЛ вынудило Полоцк принять своего ставленника.

С начала 80-х гг. XIII в. главной внешнеполитической задачей ВКЛ стала оборона от Тевтонского ордена, который к 1283 г. закончил покорение Пруссии и сразу же начал наступление на Жемайтию и ВКЛ (Аукштайтию и Белорусское Понеманье). Последние десятилетия XIII в. остаются самым «темным» периодом истории государства вследствие малочисленности письменных источников. К сожалению, не сохранились полоцкие летописи, о существовании которых уверенно высказываются специалисты. Известно даже, кто руководил государством между 1282 и 1292 гг. Немногочисленные отрывочные сведения орденских хроник свидетельствуют об упорной борьбе, постоянных походах орденских рыцарей на Литву, а также ответных походах литвинов на территорию Пруссии и Ливонии. На основании скупой военной хроники событий можно прийти к выводу, что государство в этот период не только боролось за выживание, но и набирало силу.

В конце XIII в. государство возглавила династия, по всей вероятности, балтского происхождения, известная в истории как династия Гедимины. Ее начало не выяснено историками, а первый представитель только единжды упомянут: в «Хронике Прусской» земли Петра Дюсбурга он назван Пукувером (Pukuverus). Считается, что его сын и преемник великий князь

Витень (1295–1316) был братом следующего за ним великого князя Гедимина. Именно во времена правления последнего (1316–1341) государство не только внутренне окрепло, но и значительно расширило свою территорию, объединив все основные белорусские земли.

XIV в. по многим причинам можно считать одним из важнейших периодов в истории Беларуси. События этого времени оказали решающее влияние на процесс формирования белорусского народа и определили направление дальнейшего развития страны. К важнейшим из этих событий относятся, во-первых, объединение всех белорусских земель в едином политическом организме (эту задачу выполнили Гедимин и Ольгерд); во-вторых, определение стратегической ориентации страны на западноевропейскую цивилизацию (Ягайло и Витовт).

Основная внешнеполитическая задача ВКЛ на протяжении всего XIV и начала XV в. (до Грюнвальдской битвы) заключалась в противостоянии Тевтонскому ордену. Непродолжительные перемирия только на короткое время приостанавливали военные действия, поэтому можно говорить о почти непрерывном состоянии войны. Стратегическая инициатива была на стороне Ордена, который сумел создать в Пруссии небольшое, но хорошо организованное государство. Кроме основной территории в Пруссии, Орден имел еще филиал в Ливонии (правда, весьма самостоятельный), владел значительным имуществом в Западной Европе и пользовался постоянной материальной и военной поддержкой западноевропейского рыцарства. Борьба с мощной, прекрасно отлаженной орденской военной машиной требовала от ВКЛ мобилизации сил и средств всей страны. Хотя Орден имел общее преимущество (военные экспедиции крестоносцев в Жемайтию, Аукштайтию и белорусское Понеманье проходили чаще и были крупнее по количеству участников, чем ответные походы литвинов), задача обороны в ВКЛ решалась, в общем, успешно. Великий князь Гедимин организовал строительство крупного оборонительного пояса на западе страны, который состоял как из модернизированных старых замков, так и нововозведенных в Лиде, Крево, Медниках, Вильно и Ковно. Войска ВКЛ помогали обороняться Жемайтии, которая была основным объектом атак крестоносцев и часто просила у ВКЛ помощи.

В борьбе с Орденом Гедимин активно использовал дипломатические средства, а именно: проводил *демонстрацию готовности вхождения в идейно-политическую систему Запада*. Он декларировал желание принять католичество (как когда-то Миндовг), чтобы лишить крестоносцев идеологического основания для продолжения экспансии; налаживал контакты с Западной Европой (известные «письма Гедимина»); вступал в союзнические отношения с Польшей (брак сына Владислава Локетка с дочерью Гедимина Альдоной). Наконец, определенная стабилизация положения на западной

границе позволила государю заняться внутренними делами и направить свой взгляд на восток.

На этот раз, как и в случае с Миндовгом, дело не дошло до прочного политического входа в западноевропейскую систему и по той же причине: великие князья, инициаторы процесса вхождения, не увидели в нем быстрого результата, выгодного для них и страны. Как засвидетельствовано в одном из документов, советник великого князя (кстати, католический монах) убедил его, что римский папа не сможет защитить страну от экспансии орденских рыцарей, и Гедимин отказался от крещения⁸⁷.

Гедимин перенес свою столицу в Вильно (город основан полоцкими кривичами в XI–XII вв. на месте бывшего балтского поселения⁸⁸). При Гедимине произошло объединение в едином политическом организме основных белорусских земель, в первую очередь – присоединение к ВКЛ Полоцка и Витебска, что дало основание включить в официальный титул государя наименование «Русь»⁸⁹. Эти древние центры белорусской государственности вошли в ВКЛ на правах широкой автономии с сохранением их давних культурных и государственных традиций. Каждый новый великий князь подтверждал особые привилегии названных земель. Персоналии великокняжеских наместников и воевод обязательно согласовывались с полочанами и витеблянами. Сохранялся древний общественный институт веча как важного органа местного самоуправления с компетенцией выбора местных властей, организации воинской службы, решения хозяйственных вопросов. Местные бояре владели монопольным правом на занятие земских должностей. В начале XIV в. в состав ВКЛ вошли Турово-Пинская и Берестейская земли. Некоторым историкам такое раннее их присоединение дало основание для распространения на них названия центральной области государства «Литва».

Дело Гедимины продолжил его сын – великий князь Ольгерд (1345–1377). *Во время правления Ольгерда окончательно определился двухвекторный характер внешней политики ВКЛ, а именно: оборона от крестоносцев на западе и территориальные приобретения на Руси (на востоке и юге).* Эта двухвекторность нашла отражение в организации внутренней жизни государства и его территориально-административном делении. Ольгерд создал дуумвират, разделив обязанности правления с братом Кейстутом. Объединенными силами братья осуществили государственный переворот

⁸⁷ Gedimino laiškai. P. 116–145.

⁸⁸ Голубовичи В. и Е. Кривой город Вильно // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., 1945. Вып. 11. С. 114–125.

⁸⁹ В последующие века именно Полоччина, Витебщина и Смоленщина будут называться «Русью» в отличие от центральной области государства «Литвы», а также «Москвы», «Новгорода» и др.

(1345), низложив младшего брата Явнута, которого Гедимин назначил своим преемником. Дуумвират сильнейших в стране князей Гедиминовичей обеспечил сохранение сильной центральной власти в государстве, разделенном Гедимином на ряд крупных уделов, которыми руководили его сыновья.

Ольгерд и Кейстут поделили государство на две части: Виленскую (Ольгерда) и Троцкую (Кейстута), не приняв во внимание сложившиеся в стране этнические различия и границы. Все новые территориальные приобретения делились поровну. Кейстут отвечал за западное направление: в первую очередь занимался войной с Орденом, Ольгерд держал титул великого князя и проводил восточную политику.

При Ольгерде к ВКЛ были присоединены: Волынь (1352), Брянск и Смоленск (1357), Киев (1362), часть Подолья (1363–1364 гг., после победы над татарами на Синих Водах в 1362 г.), земли Чернигова и Новгорода-Северского (конец 60-х – середина 70-х гг. XIV в.). Украинские земли были добыты не только в противостоянии с татарами, но и в борьбе с Польским королевством за наследство Галицко-Волынского княжества (продолжалась от 40-х до 60-х гг. XIV в.), закончившейся разделом последнего. Галицкую Русь заняла Польша, к ВКЛ отошла большая часть Волыни, а другая часть этой земли (Белз, Холм, Владимир) осталась под властью князей Гедиминовичей, признавших себя ленниками короля Польши. Ольгерд распространил влияние ВКЛ на Новгородскую и Псковскую республики и проводил активную антимосковскую политику. В историографии восточная политика Ольгерда часто оценивается как реализация крупной политической программы объединения всех русских земель.

На западной границе Кейстут (иногда с помощью великого князя) организовывал довольно успешную оборону от Ордена. Военное противостояние с крестоносцами оставалось главной государственной задачей на протяжении почти полутора веков и оказало значительное влияние на развитие и формирование внутреннего устройства белорусско-литовского государства. Необходимость концентрации сил в этой упорной борьбе обусловила формирование в течение XIII и XIV вв. сильной центральной власти во главе с династией, которая стала главным организатором обороны страны. Способность к активному сопротивлению такому грозному противнику, как Тевтонский орден, значительно повышала авторитет ВКЛ в глазах жителей соседних русских земель, которые видели в этом родственном и сильном государственном организме надежного защитника от татарского ярма. Видимо, этим можно объяснить быстрый территориальный рост государства путем присоединения русских земель даже в самые напряженные периоды борьбы с Орденом.

Важные для дальнейшей судьбы страны политические события и решения были приняты во время правления князей Ягайло и Витовта. Наиваж-

нейшая из них – сознательный выбор культурно-политической ориентации на западноевропейскую цивилизацию через возвышение католической религии в государстве (начатое по инициативе Ягайло и продолженное Витовтом).

Для дальнейшего развития страны важнейшее значение имела централизация власти путем ликвидации удельной системы, проведенная великим князем Витовтом.

Великий князь Ольгерд оставил своим преемником Ягайло, с чем согласился Кейстут. Однако сохранить систему дуумвирата не удалось. В скором времени Ягайло вошел в конфликт со своим дядей Кейстутом и его сыном – гродненским князем Витовтом. Конфликт перерос в войну, в которой Кейстут погиб. Обе стороны пользовались поддержкой Ордена и в конце концов Витовт и Ягайло пришли к соглашению (Островское соглашение 1392 г.), по которому власть в ВКЛ переходила к Витовту Кейстутовичу.

Важные исторические последствия в дальнейшем имела уния ВКЛ и Польши, заключенная Ягайло в 1385 г. в Крево. Ягайло имел альтернативу – выбор между Востоком и Западом. С одной стороны, брак с дочерью московского князя и соответственно ориентация на восток. С другой – женитьба на польской королеве Ядвига и ориентация на запад. В государстве Ягайло численно преобладали православные, поэтому восточный проект рассматривался достаточно серьезно. Однако связи с Западом и влияние последнего были уже достаточно сильны, чтобы предопределить решение.

Влияние на выбор имели также личные интересы и амбиции Ягайло. Королевский титул и соответствующее место в западноевропейской иерархии оказались для Ягайло Ольгердовича более привлекательными (в отличие от его деда Гедимина или основателя государства Миндовга), чем положение великого князя. Определенность и настойчивость Ягайло в достижении цели подтверждается и тем, что получение королевской короны было обусловлено сложными политическими и финансовыми уступками. Кроме обязательства вернуть Польскому королевству все утраченные им земли, Ягайло должен был подвергнуть испытанию свою мужскую гордость – выплатить отступное австрийскому конкуренту, прежнему жениху королевы Ядвиги, который, вроде бы, уже имел с ней интимное свидание.

Кроме прочего, Ягайло обещал в обмен на польскую корону присоединить ВКЛ к Польскому королевству. И вскоре уже вводил в города княжества польские гарнизоны, назначал поляков на государственные должности, чем вызвал недовольство боярства. Политический соперник Ягайло, Витовт, возглавил борьбу за независимость ВКЛ, которая завершилась его победой, закрепленной Островским соглашением. Великим князем литовским стал Витовт (1392–1430), оказавшись, однако, в формальной вассальной зависимости от Ягайло.

Деятельность нового государя показала, что он не ставил под сомнение стратегический цивилизационный выбор, сделанный Ягайло, и продолжил курс сближения с Западом.

С княжением Витовта связано появление на землях Беларуси (в последние десятилетия XIV в.) еврейской и татарской диаспор. В городах и местечках западной Беларуси возникли еврейские и татарские районы, началась постепенная интеграция новых этнических групп в белорусскую культуру.

Лицом к Западу – цивилизационная переориентация (1240–1385 гг.)

Выбор Ягайло в пользу Запада был обусловлен не только его личными амбициями, а реальным приоритетом западноевропейской цивилизации, осознанием ее политической и культурной силы (и вытекающей отсюда притягательности) Запада. Западноевропейское влияние на страну постепенно возрастало с середины XIII в., однако во времена Миндовга и Гедимина оно не было достаточно сильным, чтобы выбор в пользу Запада определился окончательно.

Цивилизационная теория Арнольда Тойнби органически дополняется понятием «мир-экономика»⁹⁰, предложенным французским историком Фернаном Броделем в контексте истории экономики. Абстрактные теоретические конструкции Тойнби хорошо иллюстрируются Броделем на примере развития материальной культуры и функционирования «экономики обмена».

Вхождение белорусских земель в европейскую цивилизацию (или мир-экономику) осуществлялось во времена средневековья, в поздней его фазе, т.е. во второй половине XIII–XIV в. Однако оно происходило не путем расширения сферы влияния западноевропейской цивилизации на варварскую периферию Европы, как, например, в Пруссии, а как изменение цивилизационной ориентации. Усиление присутствия Запада в Беларуси началось со второй половины XIII – начала XIV в. Переориентация происходила параллельно в сфере материальной культуры (принятие западноевропейских образцов материальной атрибутики) и культуры духовной (католическое миссионерство, обряды крещения великих князей), как эволюционный процесс,

⁹⁰ «Мир-экономика» – понятие, предложенное Фернаном Броделем. Этот исследователь отличает понятие «мир-экономика» от «мировой экономики». Последняя распространяется на весь мир, а «мир-экономика» «затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный, в основном, быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» (Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* М., 1992. С. 14).

через накопление и переход в новое качество. Новые явления закреплялись не на пустом месте: белорусские земли уже имели давние традиции контактирования с Западной Европой.

Как раз на Пограничье цивилизаций, где находилась (и сегодня расположена) Беларусь, такие явления наиболее выразительно сказываются на сужении ареала слабейшей и расширении пространства сильнейшей цивилизации. В XIII в. Восточноримская (Византийская) империя уже утратила прежнюю силу. Монгольский погром южной и восточной Руси в 1238–1240 гг. и владычество в причерноморских степях Золотой Орды прервали давние культурные связи с византийскими землями. Захват крестоносцами Константинополя в 1304 г. привел к распаду империи на несколько частей.

В то же время западноевропейская цивилизация укреплялась и расширяла границы своего влияния. Значительный демографический рост в Западной Европе вызвал миграционное движение западноевропейцев, в первую очередь из немецких земель, в слабо заселенные страны Центральной и Восточной Европы. Одним из последствий этой миграции было возникновение немецких колоний в Прибалтике (Ливония и Пруссия). Эти немецкие анклавные, сумевшие создать в XIII в. собственные довольно сильные (Орденское государство в Пруссии) государственные организации, стали активными проводниками западноевропейского влияния на соседние территории Литвы и Беларуси. Одновременно на землях северо-восточной Руси (Московское государство) заметно проявлялось влияние Золотой Орды как в государственно-политической жизни, так и в материальной культуре.

Приметы влияния западноевропейской цивилизации на землях Беларуси появились в середине XIII в., в XIV в. они стали уже хорошо заметными, а относительно XV в. можно говорить о полной переориентации земель Беларуси с византийской на западноевропейскую цивилизацию. Основные причины такой культурно-экономической и политической переориентации – ослабление Востока (Византии) и укрепление Запада.

Возникшее в середине XIII в. Великое Княжество Литовское объединило в своих границах зону цивилизационного Пограничья и вместе с ней получило важнейшую дилемму: выбор между Востоком и Западом.

Ориентация на западноевропейскую цивилизацию проявлялась с самого начала существования ВКЛ. Решающим фактором здесь было соседство с Орденским государством и Польшей. Цивилизационные перемены происходили одновременно как в сфере культуры, так и в политике. В середине XIII в. произошло важное событие, свидетельствовавшее об усилении западноевропейского влияния на белорусские земли. В 1251 и 1253 гг. в Новогрудке состоялось крещение, а через два года коронация с санкции папы римского, первого государя ВКЛ Миндовга. И хотя через несколько лет великий князь отрекся от католичества и не пользовался королевским

титолом, традиция была заложена. Почти каждый очередной великий князь литовский (Витень, Гедимин, Ольгерд, Ягайло⁹¹) декларировал свою волю принятия христианства по западному обряду. **Сознательный политический выбор присоединения страны к западноевропейской цивилизации сделал великий князь Ягайло в 1385 г. посредством Кревской унии.** В 1386–1387 гг. великий князь сам крестился в католичество, крестил своих подданных-язычников, многих православных и ввел государственную протекцию новой церкви. **Таким образом был реализован сознательный выбор западноевропейской ориентации**⁹². В средневековье, как известно, «религия была критерием гражданства того времени как в Европе, так и повсеместно»⁹³.

О том, что этот выбор был проявлением реальных тенденций, имевших место на белорусско-литовских землях, свидетельствует активное распространение западноевропейского влияния на местную материальную культуру. Важным показателем значимости этого явления было то, что она затронула не только элитарную материальную культуру (монументальная архитектура, оружие, дорогие бытовые атрибуты, предметы роскоши), но и массовую (керамика, изделия из стекла и железа)⁹⁴.

Белорусские и украинские земли имели давние связи с соседними Польшей и Венгрией – странами, которые присоединились к западноевропейской цивилизации раньше. Именно оттуда происходят первые заметные материальные свидетельства западноевропейского влияния на Беларусь. Это архитектурные памятники готического стиля – так называемые башни волынского типа, сооруженные во второй половине XIII в. в Бресте, Гродно, Каменце, Новогрудке и Турове. В начале XIV в. аналогичное сооружение появилось и в Полоцке. До наших дней уцелели только знаменитая Белая вежа в Каменце (от нее происходит название Беловежской пуши) и руины башни «Щитовка» Новогрудского замка. Сооружение этих объектов, использование при этом строительных техник и материалов западноевропейского образца дали основание специалистам для вывода о «стилистической перерождения архитектуры Беларуси, которая началась во второй половине XIII в.»⁹⁵.

⁹¹ Chodynicki K. Próby zaprowadzenia chrześcijaństwa na Litwie przed r. 1386 // Przegląd Historyczny. 1914. T. 18. S. 215–319.

⁹² Кравцевич А. Вхождение Беларуси в европейскую мировую экономику // Optimum. Studia ekonomiczne. Białystok, 2005. N 3(27). С. 100–105.

⁹³ Mundy John H. Europa średniowieczna. 1150–1309. Warszawa, 2001. С. 59.

⁹⁴ Краўцэвіч А.К. Гароды і замкі Беларускага Панямоння XIV–XVIII стст.: планіроўка, культурны слой. Мінск, 1991. С. 108–148, 152.

⁹⁵ Кушнярэвіч А.М. Культывае дойдства Беларусі XIII–XVI стст.: гіст. і архіт.-археал. даслед. Мінск, 1993. С. 23.

От XIV в. все культовые сооружения разных христианских и нехристианских конфессий возводились по образцам европейских архитектурных стилей – готики, ренессанса, барокко.

Белорусские земли издавна контактировали с Западной Европой через древние международные торговые пути по рекам Буг и Нарев, а также по Западной Двине. Последняя дорога была одним из ответвлений важнейшего общеевропейского торгового пути, который проходил вдоль побережий Северного и Балтийского морей. От XIII в. возросло значение торгового пути по Неману, а именно: от Новогрудка и Гродно к Кёнигсбергу. Главными продуктами экспорта были лесные товары, а импорта – ремесленная продукция, в первую очередь железные изделия. В XV–XVII вв. по Западной Двине и Неману в Западную Европу вывозили зерно.

Немецкие анклавы в Пруссии и Ливонии стали активными проводниками западноевропейского влияния на белорусские земли. Орденское государство своей активной и успешной территориальной экспансией заставило местные восточнославянские княжества, а также ВКЛ организовать военное сопротивление и перенимать западные способы ведения войны и образцы вооружения. Свидетельства этого заимствования сегодня еще видны на западнобелорусских и летувиских землях в виде руин готических замков-костелов орденского образца в Лиде, Крево, Медниках, Трокае, Вильнюсе, Каунасе. Они были сооружены в XIV в. специально для защиты от прусских крестоносцев⁹⁶.

Кроме того, в культурном пласте этих замков, а также укрепленных городов найдено большое количество предметов вооружения и снаряжения, которые попали сюда во время нападений крестоносцев или были сделаны по немецким образцам. Это наконечники арбалетных стрел, шпоры, фрагменты доспехов. От немцев в ВКЛ пришли многие атрибуты воинского снаряжения и оружия, о чем свидетельствуют, в частности, их названия в белорусском языке. Специальные исследования показывают, что от XIV в. выразительно проявляется западная ориентация в эволюции видов вооружения ВКЛ⁹⁷. В белорусский язык прочно вошли названия ремесленных изделий и инструментов, меры веса и длины, такие как «кафля» (*die Kachel*), «гэблік» (*der Hobel*), «цясляр» (*der Tischler*), «шнур» (*die Schnur*), «лашт» (*die Last*), «штаб» (*der Stab*).

Археологические исследования выявили огромное количество артефактов, позволили изучить хронологию появления в Беларуси категорий материальной культуры, заимствованных из западноевропейского историко-

⁹⁶ Krawcewicz A. Zamki Giedymina przy zachodniej granice Litwy // *Zamki i przestrzeń społeczna w Europie Środkowej i Wschodniej*. Warszawa, 2002. S. 269–274.

⁹⁷ Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мінск, 2002. С. 267–270.

культурного ареала. В качестве примера можно привести распространение в Беларуси такого предмета материальной культуры, как печной изразец. После его изготовления в Европе, уже через два десятилетия, в начале XIV в., он появился в Беларуси. Самые ранние изразцы (начало XIV в.) археологи нашли в регионах, наиболее тесно связанных с Европой, а именно в Полоцке (путь по Западной Двине), на западе страны – в Лидском замке, Новогрудке и Гродно⁹⁸. Для сравнения: в Московском государстве (с еще более холодными зимами) производство изразцов началось только в XVII в., под руководством белорусских мастеров⁹⁹.

В XIV в. Беларусь, как и вся Европа, испытывала хозяйственный и демографический кризис. Пока нет свидетельств для увязки этого периода с так называемой «черной смертью», навесившей Европу в середине столетия, тем не менее археологические исследования показывают снижение интенсивности городской жизни, уменьшение городской территории, в первую очередь за счет неукрепленных посадов. Наиболее активная жизнь концентрировалась в замках, особенно расположенных недалеко от прусской и ливонской границ. Археологические раскопки показали, что в городских посадах над культурным слоем XIII в. почти отсутствуют наслоения XIV – первой половины XV в., а залегают сразу слои второй половины XV в. – начала нового демографического роста.

Одновременно с общим обеднением массовой материальной культуры уже с начала XIV в. в ней все более явно обнаруживается западноевропейское влияние. В городах и замках появляются новые материалы и предметы, завезенные с запада (крупноформатный кирпич, изразцы, черепица, образцы вооружения). Организованное Гедимином строительство новых каменных замков (в Лиде, Креве, Медниках) проходило уже полностью в соответствии с готическими традициями и по образцу орденовских замков Пруссии.

С конца XIV в. начался процесс наделения белорусских городов магдебургским правом, обозначившим начало нового этапа в их экономическом развитии и содействовавшим формированию новой (европейской) планировочной структуры.

Выразительным материальным свидетельством европейской ориентации является монетная система ВКЛ. В XIV в. основой денежного хозяйства государства стала чешская монета – пражский грош (GROSSI PRAGENSES – по обозначению на реверсе). Распространение этой монеты на белорусских землях вызвало закрепление счетно-денежных понятий «капа» (60 грошей), «паўкапы», «грош» и «палціна». Два столетия – XIV и XV вв. – в белорусской

⁹⁸ Трусаў А.А. Беларускае кафлярства. Мінск, 1993. С. 4.

⁹⁹ Там жа. С. 16–17.

нумизматике определяются как «период пражского гроша»¹⁰⁰. Красноречивый факт – в современном белорусском языке название денег – «грошы» происходит именно от этой монеты.

Таким образом, начиная со второй половины XIII в. на белорусских землях, как и в других составных частях ВКЛ, происходило переключение цивилизационной ориентации от византийской к западноевропейской традиции. На протяжении последующих XIV и XV вв. местная материальная культура приобрела европейский характер. Белорусские земли все более втягивались в торговый обмен с Западной Европой и постепенно становились периферийной частью европейского «мира-экономики».

Обусловленная политическими решениями, ориентация на Запад создала основание для цивилизационного конфликта между сторонниками старой и новой традиций. Этот конфликт имел последствия как позитивные (столкновение – синтез культур), так и негативные (религиозная борьба, использованная в политических целях).

Беларусь как часть Центрально-Восточной Европы (XV–XVIII вв.)

Расцвет страны Пограничья (XV–XVI вв.)

В XV–XVI вв. белорусские земли как в экономическом, так политическом и культурном отношении продолжали «вращаться» в западноевропейскую цивилизацию. Многолетнее изучение белорусскими археологами массовой (народной) материальной культуры показало, что начиная со второй половины XIII–XIV в. она приобрела четко выраженную ориентацию на западноевропейский историко-культурный ареал¹⁰¹. Начиная с XV в. также по европейским образцам развернулось местное производство стеклянной посуды, распространилась глазурированная керамическая посуда, расширился ассортимент наиболее массовой (вследствие дешевизны) неглазурированной посуды. Происходила дальнейшая, подобная европейской, эволюция изготовления печных изразцов и строительных материалов. Перенимались и творчески перерабатывались европейские архитектурные и художественные традиции (белорусская готика и ренессанс), литература и музыка.

Несколько благоприятных факторов, совпавших по времени (в XV–XVII вв.), оказали наибольшее за всю истории Беларуси влияние на развитие и укрепление белорусской самобытности. Благодаря совпадению раз-

¹⁰⁰ Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. С. 149.

¹⁰¹ Краўцэвіч А.К. Гароды і замкі Беларускага Панямоння 14–18 стст.: планіроўка, культурны слой. С. 152.

личных исторических факторов белорусский этнос приобрел в этот период культурный потенциал и запас прочности, которого оказалось достаточно, чтобы пережить несколько веков кризиса и сохранить до новейшего времени основные элементы национальной культуры. К этим совпавшим по времени факторам принадлежали:

- *общеευропейский экономический и демографический подъем (начался во второй половине XV в. и продолжался до середины XVII в.);*
- *сильное, стабильное государство (XV в. – период гегемонии Великого Княжества Литовского в Восточной Европе);*
- *государственный статус белорусского языка и культуры в Великом Княжестве Литовском.*

Европейский экономический подъем также охватил белорусские земли. Мощь государства, как внутренняя, так и международная, обеспечивала спокойное и успешное развитие страны. Доминирование в государственной жизни и культуре белорусского языка обеспечивало его развитие и распространение на все этнические группы и гражданские сословия.

Экономика

После продолжительного тяжелого кризиса, который начался в XIV в. и продолжался почти до середины XV в., Европа вошла в очередную фазу циклического развития – экономического и соответственно демографического подъема¹⁰².

Во второй половине XV в. в Беларуси, как и во многих других европейских странах, началось оживление экономической жизни. В сельскохозяйственное производство втягивались новые земли, главным образом за счет бескрайних белорусских лесов. Возникло большое количество новых сел и деревень. Внутренняя колонизация не сопровождалась какими-либо значительными изменениями в организации земледелия, как это происходило в Центральной Европе (так называемая лановая реформа, или реформа на немецком праве). Сельское хозяйство в Беларуси развивалось экстенсивно на традиционной основе, а ее реформирование произошло только в XVI в. («валочная памера»).

В земледелии использовалось архаичное трехполье, когда поле разделялось на три части (под пар, озимую рожь и яровые), но засеивались не две трети, как при классическом трехполье, а лишь половина (иногда меньше) пахотной земли. Выращивались зерновые (рожь, овес, ячмень, пшеница, гречиха), зерновые бобовые (горох, чечевица) и прядильные (лен, конопля) культуры. Средний урожай зерновых составлял приблизительно «сам тре-

¹⁰² Второй цикл XV–XVII вв. (XV в. – начало роста, XVI в. – вершина, XVII – спад). Первый происходил в IX–XIV вв. (IX–X вв. – начало роста, XIII в. – наивысший пункт подъема, вторая половина XIV в. – спад).

тей» (во всей Европе – «сам четыре–пять»; в Нидерландах – «сам десять»)¹⁰³. Выращивались также огородные культуры, такие как свекла, морковь, лук, чеснок. На западе Беларуси в качестве тягловой силы использовались в основном волы, на востоке – лошади. Кроме волов и лошадей, разводили коров, свиней, овец, коз, домашнюю птицу (кур, гусей, уток).

Пищевой рацион белорусов дополняли продукты охоты, рыболовства, бортничества. Лес обеспечивал дешевым и качественным строительным материалом. В XV–XVII вв. все постройки в стране, за исключением крупных замков и немногих культовых построек, были деревянными – от крестьянских хат до княжеских дворцов. На эту особенность материальной культуры обращали внимание все путешественники из Западной Европы¹⁰⁴.

В 30-е гг. XVI в. жена великого князя Сигизмунда, Бона Сфорца, начала на своих землях аграрную реформу, которая получила название «валочная»¹⁰⁵ памера». Ее сутью было упорядочение крестьянского землевладения и выплаты феодальных повинностей. Цель – повышение доходов феодальных поместий¹⁰⁶. Начатая на государственных землях, она охватила и частные владения и продолжалась еще в первой половине XVII в. В проведении реформы на белорусских землях заметно значительное отставание во времени по сравнению с «классическими» странами Центральной и Восточной Европы: Польшей, Чехией, Венгрией, где лановая реформа проводилась в XIII–XIV вв. Такое отставание можно объяснить наличием в Великом Княжестве Литовском обширных площадей свободной земли и низкой плотностью населения.

По подсчетам специалистов, численность населения Великого Княжества Литовского около 1528 г. составляла более 2,7 млн человек¹⁰⁷. Основная масса населения (около 2 млн) проживала на белорусских землях. Даже после крупных территориальных утрат первой половины XVI в. в пользу Москвы Великое Княжество Литовское оставалось крупнейшей страной Европы – его территория составляла около 520 тыс. кв. км (в то время Испания занимала около 490, Франция – около 440, Священная Римская империя – 420 тыс. кв. км). Однако по сравнению с Западной Европой плотность населения в Великом Княжестве Литовском была намного меньшей. Во второй половине XVI в. она составляла в Речи Посполитой около 9,2 человека на

¹⁰³ Rondo Cameron. *Historia gospodarcza świata*. Warszawa, 1996. S. 122.

¹⁰⁴ Грыцкевіч В., Мальдзіс А. Шляхі вялі прыз Беларусь: нарыс. Мінск, 1980. С. 38–39.

¹⁰⁵ Волока – основная единица измерения земельных наделов и единица налогообложения, равнялась 21,36 га.

¹⁰⁶ Спиридонов М.Ф. *Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.)*. Минск, 1993. С. 73–77.

¹⁰⁷ Łowmiański H. *Zaludnienie państwa litewskiego w wieku XVI*. Poznań, 1998. S. 210.

кв. км (при этом в собственно Короне Польской этот показатель был 16,8, в Италии – 38, Франции – 36, Испании – 15,5 человека на кв. км)¹⁰⁸.

На основе развития сельского хозяйства в XV–XVI вв. оживилась городская жизнь, расширялась внутренняя и внешняя торговля. Беларусь с давних времен экспортировала на запад мед, воск, меха и другие продукты лесных промыслов. В результате роста спроса в Западной Европе на сельскохозяйственные и лесные продукты увеличился их экспорт, главным образом из бассейнов балтийских рек: от Западной Двины к Риге, Немана – к Кёнигсбергу и Буга и Вислы – к Гданьску. «А в обратном направлении (в Восточную и Северную Европу. – А.К.) обязательным ответом были соль, сукна, вина»¹⁰⁹. Специализация на производстве зерновых (как проявление так называемого аграрного дуализма Европы), вызвавшая значительные экономические и общественные перемены в странах Центрально-Восточной Европы, касалась также и Беларуси. Прежнее господское хозяйство, которое было предназначено главным образом для обеспечения личных нужд феодала, стало превращаться в фольварк, производящий сельхозпродукцию в основном на рынок.

Демографический подъем был особенно заметен в западной (Гродненщина, Новогрудчина, Виленщина) и северо-восточной (Полотчина, Витебщина) частях страны, связанной ее водно-речной системой с Балтийским морем. Именно на этих территориях, как грибы после дождя, в XV–XVI вв. появлялись многочисленные местечки – форма поселений промежуточная, между деревней и городом.

Активизация экономической жизни и демографический подъем XV–XVI вв. четко зафиксированы современными археологическими исследованиями городов и местечек. Культурные наслоения в них начиная с конца XV в. становятся все более интенсивными и занимают значительную площадь вокруг исторического центра. Возросла насыщенность культурного слоя различными предметами, ассортимент которых значительно расширился по сравнению с XIV в. Как уже упоминалось, в XV–XVI вв. началось производство глазурованной, мореной (дымленной), майоликовой, стеклянной посуды, развивалось производство (по европейским образцам) печных изразцов, черепицы, кирпича, кузнечных и иных изделий. В XVI–XVII вв. ассортимент посуды домашней хозяйки был богаче, чем у современной.

В городах и местечках возникали ремесленные цехи и купеческие объединения. В большинстве белорусских городов насчитывалось не более трех тысяч жителей, редко – около 10 тысяч и более. В грамоте великого князя от 1444 г. среди «лучших» городов государства названы Брест, Вильно, Ви-

¹⁰⁸ Wyczański A. Polska w Europie XVI stulecia. Poznań, 1999. S. 12.

¹⁰⁹ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1992. С. 99.

тебск, Гродно, Дрогичин, Минск, Новогрудок, Полоцк, Слуцк. Постепенно в городах распространялось самоуправление по магдебургскому праву. Древние традиции городской жизни позволили некоторым белорусским городам создать свои органы городского самоуправления задолго до официального введения магдебургского права¹¹⁰. Как и по всей Европе, в органах городской власти главную роль играли богатые купцы и цеховые мастера. Города стали центрами не только экономической, но и культурной жизни. Удельный вес городского населения был не многим меньше, чем в других европейских странах. Однако в отличие от Западной Европы мещанское сословие городов ВКЛ не сумело организовать и вырасти в самостоятельную политическую силу государства.

Государство

В XV в. Велико Княжество Литовское было крупнейшим государством Восточной Европы и всего континента. Наибольшего политического возвышения оно достигло во время правления великого князя Витовта (1392–1430). После продолжительной (1380–1392) борьбы с двоюродным братом, Ягайло за власть в стране Витовт добился победы и получил единоличную власть в Великом Княжестве Литовском (Островское соглашение 1392 г.), формально признав сюзеренитет польского короля. Союзные отношения с Польшей основывались на необходимости решения важнейшей для обеих стран внешнеполитической задачи – обороны от экспансии Тевтонского ордена. Этот союз полностью себя оправдал во время Великой войны 1409–1411 гг., когда (15 июля 1410 г.) объединенные войска Польши и Литвы нанесли крестоносцам решающее поражение под Грюнвальдом. Основную часть войск, приведенных на поле битвы Витовтом, составляли белорусские хоругви, среди которых особенно отличились полки Мстиславский, Оршанский и Смоленский.

После Грюнвальда Витовт продолжал проводить активную международную политику, составной частью которой было сохранение ослабленного Орденского государства как противовеса Польше. По Мельникскому договору с Орденом в 1422 г. к Великому Княжеству Литовскому была присоединена Жемайтия (главная область Летувы). Витовт вывел свое государство на орбиту большой европейской политики. Когда в 1422 г. восставшие чешские сословия предложили Витовту корону Чешского королевства, тот согласился и выслал туда в качестве своего наместника князя Сигизмунда Корибута с отрядом в пять тысяч всадников. Корибут несколько лет ак-

¹¹⁰ Макараў М. Мейскія ўлады Віцебска да ўвядзення Магдэбургскага права (канец 15 ст. – 1597 г.) // Гістарычны Альманах. Гародня, 2004. С. 156–168.

тивно действовал на чешской политической сцене¹¹¹. Витовт поддерживал постоянные контакты с германским императором и получил его согласие на принятие королевского титула. Однако этому помешало противодействие Польши. Витовт, не успев преобразовать великое княжество в королевство, умер в 1430 г.

Успешную восточную политику Витовта не прервало даже серьезное военное поражение от татар в битве на Ворскле (1399). Витовт окончательно присоединил к Великому Княжеству Литовскому Смоленскую землю (1395, 1404 гг.) и «поставил» там своих наместников. Его дочь вышла замуж за великого князя московского Василия, который считал за лучшее поддерживать союз с Литвой и в официальных письмах называл Витовта отцом. При Витовте Литва, несомненно, стала гегемоном во всей Восточной Европе.

Политический подъем белорусско-литовского государства был вызван установившимся на некоторое время равновесием между давлением с Запада и Востока. Если в XIV в. Великое Княжество Литовское оборонялось на Западе (главным образом от Тевтонского ордена) и расширялось на востоке, поглощая раздробленные земли Руси, то в XV в. ситуация изменилась. Западный вектор был стабилизирован после победы польско-литовской армии над крестоносцами в Грюнвальдской битве и включения в состав Великого Княжества Литовского Жемайтии. Союзное Польское королевство большую часть этого столетия было связано с Литвой персональной унией.

На востоке татарское государство Золотая Орда, грозное в XIII в. и ослабленное в XIV в., распалось на несколько частей, поэтому не создавало большой опасности для Литвы. Московское княжество только еще набирало силу и боролось за лидерство на этнических российских землях со своими местными претендентами (Владимиром, Тверью, Рязанью), оставаясь в вассальной зависимости от татар (до 1480 г.). Великое Княжество Литовское в это время объединяло в своих границах большинство восточнославянских земель – Беларусь и Украину.

Не менее значимыми были результаты внутренней политики Витовта. В конце XIV – начале XV в. великий князь осуществил централизацию государства путем ликвидации крупных княжеских уделов. Существование больших, обладавших значительной политической самостоятельностью уделов внутри страны создавало постоянную угрозу ее целостности. Вместо удельных князей рода Гедимина, которые по их происхождению могли претендовать на лидерство в стране и даже успешно бороться за него вооруженным путем (как Кейстут с Ольгердом), Витовт создал себе политическую опору из богатого боярства – будущих магнатов. Уже в самом конце

¹¹¹ См.: Čechura J. *České země v letech 1378–1437. Lucemburkové na českém trůně*. Praha, 2000; Grygiel J. *Kniže Zikmund Korybutovič a Praha // Prazsky sbornik historický*. 1990. 23. S. 7–27.

XIV в. бояре из окружения Витовта выступали как политическая сила не равне с князьями и порой их превосходили¹¹². Новая аристократия заняла главные должности в государстве, отгнав князей Гедиминовичей и Рюриковичей. Щедро одаренные должностями и землями из государственного фонда паны, однако, не могли и мечтать о соперничестве с государем ни по праву принадлежности к династическому роду, ни как владельцы крупных земель-княжеств. В результате Великое Княжество Литовское стало одним из первых централизованных государств в Европе.

Важнейшие и далеко идущие последствия для Беларуси и Литвы имело начатое Ягайло и продолженное Витовтом признание католичества главной религией страны, а также политические привилегии боярам-католикам (Городельская уния 1413 г.). Государственная протекция католицизму (привилей Ягайло 1387 г., Городельский привилей 1413 г.) и дискриминация православного большинства заложили основу внутреннего конфликта между новой (западноевропейской) и древней (местной) традициями. В качестве позитивного итога разрешения этого конфликта можно признать создание на белорусских землях уникальной по ее толерантности модели культурной и религиозно-церковной жизни. К отрицательным последствиям ее можно отнести использование цивилизационного конфликта отдельными группами феодалов для реализации собственных политических целей (например, восстание Свидригайло, мятеж Глинского).

Правление следующего за Витовтом великого князя Свидригайло Ольгердовича (1430–1432) привело к обострению внутреннего политического конфликта в государстве и гражданской войне, которая закончилась победой католической партии во главе с братом Витовта Сигизмундом Кейстутовичем (1436–1440). Во время этого противостояния православным феодалам удалось добиться от великого князя Сигизмунда уравнивания в некоторых правах с католиками.

В соответствии с актуальной и теперь историографической традицией, сформированной под влиянием национально-освободительных движений XIX в., борьба между партиями феодалов, проходившая под религиозными лозунгами, сегодня часто неправомерно квалифицируется как межнациональный конфликт в Великом Княжестве Литовском между литовцами, с одной стороны, и белорусами с украинцами – с другой¹¹³.

¹¹² Semkowicz W. Braterstwo szlachty polskiej z bojarstwem litewskim w unii Horodelskiej 1413 r. // Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa; Lublin; Łódź; Kraków, 1914. S. 413, 435.

¹¹³ Основатель научной историографии Великого Княжества Литовского Владимир Антонович определил конфликт как «борьбу двух народных начал», (см.: Антонович В. Очерк истории Великого Княжества Литовского до половины 15 ст. Киев, 1878).

После убийства Сигизмунда (организованного княжеской оппозицией) в 1440 г. великим князем был избран Казимир Ягайлович, правление которого оказалось самым продолжительным в истории страны (1440–1492). В 1447 г. польская аристократия избрала Казимира своим королем, что положило начало так называемой персональной унии Литвы и Короны.

Долгое княжение Казимира Ягайловича было периодом стабильности государства. Укрепилось право собственности феодалов на землю, повысился экономический и судебный иммунитет (например, в 1434 г. – отмена налога «дзякла», в 1447 г. – ликвидация государственного военного налога «серебцизны»). Крупнейшим земельным собственником было государство в лице государя. Абсолютное большинство вассальной шляхты составляли мелкие феодалы (по военной переписи 1528 г. 81% шляхты выставлял на войну одного всадника). Около двух десятков магнатских родов занимали важнейшие государственные посты и руководили страной во время отсутствия (отъезда в Польшу) великого князя. Крупными земельными собственниками были церковные организации – православная церковь и особенно католический костел, получивший значительные земельные владения из государственного фонда.

Постепенно углублялся процесс закрепощения крестьян: принуждение к отработочной ренте – «служба тяглая» или «панщина», ограничение личной свободы крестьян – «неволя». В этом проявлялась специфика развития стран Центральной и Восточной Европы в отличие от Западной Европы, где аграрные отношения складывались иначе. На Западе крестьяне пользовались личной свободой, имели право собственности на землю, отработочная рента заменялась денежным оброком, широко использовался труд наемных работников. Все это создавало предпосылки капитализма. Восточнее реки Эльбы (Лабы), наоборот, укреплялись феодальные отношения: усиливалась личная зависимость крестьян от помещиков, отсутствовало право собственности крестьян на землю, которую они обрабатывали, увеличивалась отработочная рента. Два этих направления развития сельского хозяйства исследователи называют аграрным дуализмом Европы.

Год смерти Казимира Ягайловича стал памятным хронологическим рубежом в истории страны. Получив известие о его смерти, великий московский князь Иван III начал первую открытую войну Москвы против Великого Княжества Литовского, которая стала началом длительного вооруженного противостояния и кардинально изменила международную ситуацию в регионе.

Сын Казимира, великий князь Александр (1492–1506 гг. – одновременно польский король), был вынужден воевать с Москвой. Военный конфликт с восточным соседом превратился в важнейшую внешнеполитическую проблему государства. Войны с Москвой продолжались с небольшими перерывами

вами до 1537 г. и привели к утрате Великим Княжеством Литовским крупных территорий на востоке.

Позже крупномасштабное московское наступление возобновилось во время так называемой Ливонской войны (1558–1583). В результате Великое Княжество Литовское, которое уже не могло самостоятельно сдерживать московской агрессии, было вынуждено пойти на принятие реальной унии с Польским королевством – Люблинской унии 1569 г. Великому Княжеству удалось сохранить значительную самостоятельность в новом государственном образовании (Речь Посполитая обоих народов), которое, вопреки инкорпорационным устремлениям поляков, получило характер конфедерации.

Под конец XVI в. из-за внутреннего кризиса Московского государства его наступление временно приостановилось и Литва получила передышку.

На протяжении XVI в. сформировалось и стабилизировалось административное деление Великого Княжества Литовского на воеводства и поветы. Кроме прежних Виленского и Троцкого воеводств и особой административной единицы – Жемайтской земли, на территории современной Беларуси возникли новые воеводства: Полоцкое, Витебское (на основе прежних земель-княжеств), Новогрудское, Брестское, Менское и Мстиславское.

Культура

В условиях стабильной ситуации на государственных границах экономические и социальные ресурсы уже не затрачивались на оборону страны, а направлялись на ее внутреннее развитие.

Все европейские социально-политические движения, такие как Ренессанс, Реформация и Контрреформация, затронули и Беларусь. Однако религиозная конфронтация здесь проходила намного спокойнее, чем в Западной Европе: в Беларуси никогда не было религиозных войн.

Возрождение в Беларуси имело специфические особенности. Культурно-типологически оно относилось к региону Северного Возрождения. Культура Ренессанса закреплялась в Беларуси с определенным опозданием по сравнению с Западной Европой. Характерными особенностями общественно-духовной жизни XVI–XVII вв. в Великом Княжестве Литовском были:

- преемственная связь с древней культурно-философской традицией белорусской и украинской культур;
- явное воздействие на национально-культурное развитие белорусов и украинцев восточного христианства, греко-византийской культуры;
- незавершенность процесса национально-культурной дифференциации и консолидации белорусского, украинского и литовского народов. Этим обусловлена и еще одна особенность культурного возрождения –

полилингвизм и неоднозначность национальной принадлежности ряда культурных деятелей. Культура Беларуси развивалась не только на белорусском и церковнославянском, но и на латинском и польском языках. С одной стороны, полилингвизм расширял возможность присоединения к западноевропейскому культурному пространству, с другой же – сдерживал процесс развития белорусской, украинской и литовской культуры на национальной языковой основе¹¹⁴.

Собственную специфику имел также белорусский вариант ренессансного гуманизма. В нем идея индивидуальной свободы была в большей степени, чем в западноевропейском, ограничена интересами общего блага и определялась тесной связью с Реформацией, главным образом ее радикальными течениями. Гуманизм и Реформация не противостояли здесь так четко, как в западноевропейских странах. Одной из ведущих тенденций в белорусской культуре было просветительно-демократическое течение с идеей «служения интеллигенции интересам народа, его просвещению»¹¹⁵.

В XV в. начали создаваться на белорусском языке летописные произведения общегосударственного назначения. С конца XV в. в Великом Княжестве Литовском под влиянием Запада закрепился обычай оформления юридических документов, количество которых со временем все более увеличивалось. Известные сегодня историкам акты в абсолютном большинстве создавались на белорусском языке. Как компонент высокого уровня общей культуры эпохи Возрождения, а именно юридической культуры, исследователи оценивают знаменитые Статуты Великого Княжества Литовского от 1529, 1566 и 1588 гг. В области кодификации права Великое Княжество Литовское опередило все страны Центрально-Восточной Европы. Одним из стимулов такой активной правотворческой деятельности (обычно своды законов создавались и действовали веками, а здесь на протяжении 60 лет произошли три кодификации) надлежит отнести многонациональный и поликонфессиональный характер государства. Организаторы кодификации стремились достигнуть политического единства белорусских, литовских и (до 1569 г.) украинских земель в составе Великого Княжества Литовского. Статут создавал общее правовое поле для всего населения государства, неоднородного как этнически, так и конфессионально. Первый Статут отмечал свою универсальность – от князей до крестьян. О юридической правомочности Статутов свидетельствует продолжительность их действия – более 400 лет (официально отменены российскими властями в Витебской и Могилевской губерниях в 1831 г., в остальных западных губер-

¹¹⁴ Падокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. Мінск, 1990. С. 44–46.

¹¹⁵ Там жа. С. 51–53.

ниях – в 1840 г.¹¹⁶), а также влияние, среди прочего, на правовую практику Короны. Статуты можно считать проявлением знаменитой белорусской толерантности.

Кроме того, литовские магнаты, опасаясь объединительной экспансии со стороны Короны, закрепили в статьях Статутов территориальную нерушимость государства и обязанности государя раздавать должности и земли в стране только ее уроженцам.

Созданный на основе белорусского обычного права под влиянием, с одной стороны, древней восточнославянской юридической традиции – «Русской правды», с другой – римского права¹¹⁷, Статут является также выдающимся памятником белорусского языка и культуры. Для современных исследователей это ценный источник по изучению лексики, стиля, государственно-правовой терминологии белорусского языка того времени¹¹⁸.

Многие молодые люди из Беларуси получили возможность обучаться в лучших европейских университетах. Одним из выдающихся представителей Возрождения европейского уровня признан Франциск Скорина из Полоцка (около 1490 – около 1541 г.). Восточнославянский первопечатник и мыслитель-гуманист был всесторонне образованным человеком: окончил Краковский университет (со степенью доктора вольных наук) и получил степень доктора медицины в Падуанском университете. Скорина опубликовал и прокомментировал 25 библейских книг (из них 23 ветхозаветные и 2 новозаветные), «Малую подорожную книжицу». Только три книги были изданы им на старославянском языке (с переводом некоторых слов на белорусский), остальные – в собственном переводе на белорусский язык. Это было первое в Европе серийное издание библейских книг на живом народном языке¹¹⁹.

Дело Скорины продолжили Сымон Будный, Василь Тяпинский и другие мыслители, как правило, связанные с Реформацией. В XVI – середине XVII в. в 12 населенных пунктах Беларуси функционировало 18 типографий. На протяжении XVI в. белорусское кириллическое книгопечатание занимало ведущее место в издательской деятельности восточнославянских народов по разнообразию и количеству изданий – составляло более 60% всей их печатной продукции¹²⁰.

Белорусская художественная культура XV–XVI вв. представляла собой многоцветный мозаичный образ, созданный на основе местной (поствизан-

¹¹⁶ Шыбека З.В. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002). Мінск, 2003. С. 50.

¹¹⁷ Bardach J. Statuty Litewskie a prawo rzymskie. Warszawa, 1999.

¹¹⁸ Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 1992. С. 165.

¹¹⁹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 306.

¹²⁰ Голенченко Г.Я. Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI–середине XVII в. Минск, 1989. С. 97.

тийско-русской) и западноевропейской традиций. Она развивалась в трех основных направлениях:

- поствизантийском;
- по линии усвоения западноевропейских образцов;
- по так называемой линии ассимиляции и синтеза – интегрирования западных образцов и традиционных идейно-художественных принципов белорусской культуры¹²¹.

Поствизантийское направление превалировало в тех отраслях, где древнерусские и византийские традиции были наиболее устойчивыми: в монументальной живописи, иконописи, иллюминировании рукописей, миниатюрной пластике.

Западноевропейское влияние проявлялось, прежде всего, в создании позднеготических, ренессансных произведений. При этом конфессиональная мозаичность страны способствовала богатству стилистического разнообразия белорусского искусства. Как местные, так и заграничные мастера развивали новые для Беларуси виды художественной деятельности и жанры с преобладанием новой, светской, тематики: портрет, надгробные памятники, книжные гравюры, портретные изразцы, скульптурные алтарные композиции и алтарные картины.

Третья линия наглядно представлена скорининской гравюрой «Троица», где известная композиция Дюрера преобразована в соответствии с восточнославянской идейно-художественной традицией¹²². Эта линия оценивается специалистами как наиболее плодотворная. В архитектуре «из набора классических черт готики и ренессанса белорусскими зодчими были выбраны и переосмыслены только те, которые наиболее выразительно совмещали рациональность и декоративность, например, нервюрные и цилиндрические своды, контрфорсы»¹²³.

В XVI в., особенно после Люблинской унии 1569 г., в сословиях магнатства и богатой шляхты усилилось влияние польского языка и культуры, а принятие польской формы общественной организации – шляхетской демократии – ускорило культурную полонизацию.

¹²¹ Скарына і яго эпоха. Мінск, 1990. С. 469–470.

¹²² Там жа. С. 470: «... Апокалипсическое содержание дюреровской гравюры переработано так, чтобы не только в образе Саваофа, но и в образах трех ангелов воплотить идею Троицы: скорининский художник переделывает западноевропейский образец в сторону соответствия его восточнославянским идейно-художественным традициям».

¹²³ Там жа. С. 471.

Реформация

Реформационное движение в Великом Княжестве Литовском получило широкое распространение. Если в странах Западной Европы Реформация знаменовала переход от средневековья к капиталистическому обществу Нового времени, то в Беларуси причины ее успехов были другими.

Реформационные идеи распространялись здесь сначала среди горожан немецкого происхождения, которые, равно как часть шляхты и магнатов, начали усваивать учение Лютера. Среди белорусов и литовцев идеи Реформации пропагандировали местные студенты – слушатели европейских университетов. Попытки остановить проникновение новых религиозных идей с помощью запретных эдиктов (запрет на привоз и издание еретических книг, запрещение исповедания неправых взглядов) успеха не принесли: эти эдикты попросту не выполнялись.

Великий князь Сигизмунд Август не препятствовал деятельности реформаторов. Со времени его коронации (1544) на великокняжеском дворе проповедовали священники-реформаторы. Однако основной причиной быстрого и широкого распространения идей и практик Реформации была поддержка магнатов, в первую очередь Радзивиллов. Один из высших государственных чиновников – виленский воевода Николай Радзивилл «Черный» был тесно связан с Малопольшей, где и увлекся идеями Кальвина. В 1550 г. он пригласил в страну известного деятеля Реформации из Малопольши, харизматического Яна Ласского (находился в Литве до 1556 г.). Тремя годами позже Николай Радзивилл окончательно порвал с католицизмом и основал первый в Беларуси кальвинский собор (в Бресте). Короче говоря, пример Радзивиллов и других магнатов, тесные контакты с Малопольшей привели к перевесу в Великом Княжестве Литовском кальвинизма над лютеранством. Кроме католиков, на исповедование кальвинизма переходила православная шляхта.

В отличие от других европейских стран, в том числе Польши, в распространении Реформации на белорусской территории не имело существенного значения имущественное благосостояние католического костела (как и церкви). В Великом Княжестве костельное и церковное имущество было намного скромнее, нежели в Короне, и не вызывало заинтересованности у магнатов. Кроме того, в начале Реформации католицизм в Литве насаждался более чем полтора столетия, поэтому не был глубоко укоренен в обществе. Литовские магнаты хотели оказывать решающее влияние на назначение церковных иерархов (литовский костел подчинялся польскому примасу), их не удовлетворял интеллектуальный уровень католического духовенства¹²⁴. Местным отличием было сильное влияние радикальных реформационных

¹²⁴ Liedke M. Od prawosławia do katolicyzmu. Ruscy możni i szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec wyznań reformacyjnych. Białystok, 2004. S. 66–72.

движений – антитринитариев и социниан. Реформация сыграла определяющую роль в становлении отечественной этической мысли XVI–XVII вв.¹²⁵

XVI в. был периодом наибольшей религиозной терпимости в стране. Давние традиции Пограничья, в первую очередь опыт совместного добрососедского проживания славян и балтов, язычников и христиан, помогли сформировать особенную белорусскую толерантность. В исторической Литве, которая в средневековье была контактной зоной между двумя этносами, с самого начала существования государства толерантность была возведена в ранг государственной политики. Великие князья могли оставаться язычниками в христианском окружении, и подданные-христиане сохраняли им верность. Протекция католицизму, которую ввел Ягайло, имела значение цивилизационного выбора. Без поддержки государства католицизм не мог бы выжить в стране с огромным православным большинством. Правда, протекция католицизму проводилась через официальную декларацию дискриминации православных. Однако она не имела репрессивного характера¹²⁶.

Политическая и соответственно культурная ориентация Великого Княжества Литовского на западноевропейскую цивилизацию обеспечила создание особенной национальной модели культурно-общественной организации на Пограничье восточноевропейской и западноевропейской цивилизаций. В научной литературе ее называют либерально-плюралистической либо ренессансно-гуманистической моделью религиозно-интеллектуальной жизни¹²⁷.

Эта модель охватывала все слои белорусского общества и в значительной степени повлияла на создание особого белорусского менталитета, стереотипа общественного поведения. Время конца XV–XVI в. считается «золотым веком» белорусского народа, когда он имел возможность полноценного культурно-государственного развития.

В ходе войны между Свидригайло Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстутовичем (1432–1436) последний привилеем от 1434 г. уравнил в правах православных с католиками. Православные и протестантские магнаты заседали в Сенате Речи Посполитой. Принцип религиозной толерантности стал доминирующим в период правления Сигизмунда II Августа (1544–1572). Важную роль в его реализации сыграло реформационно-гуманистическое движение, которое охватило не только католическое, но и православное население Великого Княжества Литовского¹²⁸. Незадолго до Люблинской унии

¹²⁵ Падокшын С.А. Этычная думка ў культуры Беларусі XVI–XVII стст. Мінск, 2004. С. 8.

¹²⁶ Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мінск, 2001. С. 154.

¹²⁷ Падокшын С. Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз). Мінск, 1998. С. 38–39.

¹²⁸ Там жа.

дело дошло до формального уравнивания в правах католиков и православных (1563).

Форпост Европы (конец XV–XVI в.)

О темпах распространения происходящих на восточной границе европейской цивилизации польский историк искусства Станислав Кот заметил: «Если около 1500 г. пограничные столбы Европы в культурном смысле не переходили за Вислу, то около 1600 г. они могли быть поставлены на восточной границе Речи Посполитой. Потому что даже до Днепра и Двины распространялась заинтересованность, а часто и восхищение теми самыми идеями, которые руководили лучшими умами Рима и Парижа»¹²⁹. Нужно, однако, принять во внимание, что польский историк связывает распространение европейской культуры со шляхетской колонизацией Великого Княжества Литовского, которая действительно во второй половине XVI в. достигла значительных успехов. На самом деле, усиление европейского влияния и процесс цивилизационной переориентации белорусских земель, как уже упоминалось, начался значительно раньше: на два с лишним века.

Рубеж между цивилизациями Запада и Востока длительное время проходил по государственной границе Великого Княжества Литовского с Московским государством. Историческую границу между европейской и российской цивилизациями можно визуальнo проследить и сегодня благодаря разнице в планировочной структуре белорусских (также украинских) и российских городов. В XV–XVI вв. под влиянием европейской традиции произошло изменение планировки белорусских городов. Рядом с посадом XI–XIII вв. с радиально-кольцевой структурой улиц сформировалась новая уличная сеть в соответствии с европейской ренессансной традицией и направлением главных торговых путей. Такое изменение убедительно иллюстрируется планом-реконструкцией крупнейшего города Понеманья – Гродно (с 1560). Главное отличие новой городской планировочной структуры – наличие двух центров: замка и рынка с ратушей. Замок был резиденцией представителя центральной власти (в частных городах – магната), ратуша на рынке (обязательно в некотором отдалении от замка) – местом размещения органов местного самоуправления.

Эта европейская особенность – два городских центра – была обусловлена наличием в княжестве двух органов власти в отличие от городов соседнего Московского государства, не имевших права самоуправления. Они имели один центр – замок (кремль), под защитой стен которого размещался

¹²⁹ Kot S. *Polska Złotego Wieku a Europa*. Warszawa, 1987. S. 193–194.

торг¹³⁰. Городская планировка – явление устойчивое и, как правило, сохраняется на протяжении многих столетий. Сегодня, приняв в качестве критерия разницу между планировочной структурой старых белорусских и российских городов, можно довольно точно определить историческую границу между Европой и Россией.

XVI век, получивший в белорусской историографии название «золотого», закончился с распространением экспансии Московского (Российского) государства на Беларусь. Она стала главной причиной длительного кризиса белорусской культуры, продолжавшегося несколько веков. Впервые этот деструктивный фактор проявился уже в начале экономического и культурного расцвета страны Пограничья. Московское государство в конце XV в. (1492) впервые начало открытую вооруженную конфронтацию с Великим Княжеством Литовским.

Московскую опасность явно недооценивало руководство Великого Княжества Литовского, которое позволило московским князьям перехватить стратегическую инициативу в Восточной Европе. Важнейшей ошибкой во внешней политике страны оказалась пассивная защита независимости своих союзников во Владимирской Руси, в первую очередь Новгородской республики и Тверского княжества.

Завоевание Новгорода Москвой и включение его земель в состав Московского государства сразу изменило соотношение сил и положило конец гегемонии Великого Княжества Литовского на Руси. Под военным напором Москвы в 80-е – 90-е гг. к ней «на службу» перешли вместе со своими землями князя Воротынские, Белявские, Мерецкие, Вяземские¹³¹.

Кроме политического соперничества между Москвой и Вильно, претендовавших на роль единственного центра объединения восточнославянских земель, в усилении конфронтации важную роль сыграли существенные идеологические отличия. По оценке известного российского историка XIX в. Павла Милокова, Московское государство строилось по татарско-турецким образцам, а Великое Княжество Литовское – в соответствии с образцами европейскими: «Феодальные элементы с тех времен начали быстро укрепляться и в западнорусском обществе. Создался компактный класс местной аристократии, который специальным “привилеем” 1447 г. окончательно освободился от княжеского суда и княжеских податей. Таким образом, на литовско-русском западе политическая эволюция вошла в западноевропейскую колею»¹³².

¹³⁰ Мокеев Г.Я. Черты своеобразия в структурах городов восточных и западных славян // Архитектурное наследие. М., 1975. Вып. 23. С. 6, 12.

¹³¹ Кром М. Меж Русью и Литвой: Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца 15-первой половины 16 в. М., 1995.

¹³² Милоков П. Очерки по истории русской культуры. М., 1918. С. 146.

В Московском государстве доминирующее положение постепенно занимала самодержавно-великодержавная идеология. В Великом Княжестве Литовском формировалась иная система ценностей: «Менталитет белорусско-украинско-литовского общества существенно отличался от менталитета общества московского. Его основой была либеральная идея в ее первоначальной конкретно-исторической форме, именно: признание конституционной монархии в качестве оптимальной модели политической системы власти (это значит, королевской власти, ограниченной законом и представительскими учреждениями). Другой характерной чертой общественного менталитета Великого Княжества Литовского являлся плюрализм религиозно-церковной жизни, который вынуждал светскую власть проводить политику относительной веротерпимости»¹³³.

В ходе борьбы с татарами Москва превратилась в централизованное деспотическое государство (по монгольско-татарскому образцу), которое ценой безжалостной эксплуатации своего народа (кроме государственных налогов, московский великий князь собирал со своей страны еще дань для татар) накопила значительный военный потенциал. Борьбу Москвы против татарского владычества иногда сравнивают с испанской и португальской реконкистой. После изгнания мавров испанские и португальские дворяне остались не у дел и направили свою энергию на завоевание заморских земель. Московское боярство совместно с дворянством после победы над татарами устремилось на запад – на завоевание Беларуси. Великий князь московский в конце XV в. впервые провозгласил себя наследником Киева, приняв титул «государя Всея Руси» и заявив претензии на земли Беларуси до линии днепровской Березины (приблизительная граница между регионами Великого Княжества Литовского – «Литва» и «Русь»).

Великое Княжество Литовское, в первую очередь белорусские земли, выполняло роль европейского бастиона перед российской экспансией так же, как бастионом перед наступлением Турции было Венгерское королевство. Наступление России закончилось победой и глубоким перемещением ее границ на запад (три раздела Речи Посполитой в 1773, 1793 и 1795 гг.).

Московские властители, а также часть аристократии Великого Княжества Литовского стремились использовать в своих интересах формальную дискриминацию православия в этой стране. Известным примером попытки разыграть «православную карту» является «восстание Глинского» (1508). Князь Михаил Глинский – магнат, утративший влияние при великокняжеском дворе, организовал мятеж и намеревался создать на восточных землях Великого Княжества Литовского Великое Княжество Русское. Глинский принял московское подданство и военную помощь от великого князя москов-

¹³³ Падокшын С.А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура. С. 30–37.

ского, который воспользовался ситуацией, чтобы развернуть масштабную агрессию против Беларуси (войском в количестве 50–60 тыс.). Эта война окончилась, однако без особых успехов для Москвы, Глинский же был принят на московскую службу. В 1514 г. он был схвачен при попытке вернуться в Великое Княжество Литовское, брошен в острог, где и окончил свои дни¹³⁴.

Проблемой для руководителей Великого Княжества Литовского было незнание и непонимание целей врага. На протяжении нескольких десятилетий литвины пробовали решить дело с помощью переговоров и уступок. Дипломатия Великого Княжества Литовского не понимала, что москвиты признают аргументом только силу, а не договоры, особенно если последние им невыгодны. Литвины выглядели учениками по сравнению с московской дипломатией, которая два столетия шлифовала свое мастерство в отношениях с Золотой Ордой. Московские князья как вассалы татарских ханов должны были одновременно решать несколько сложных задач: укреплять свое государство и в то же время убеждать хана в его слабости, подчинять соседние русские княжества и доказывать сюзерену, что это делается в его интересах; очернять перед ханом своих соперников и убеждать его в собственной верности. Ошибка в этой сложнейшей игре стоила дорого: вызванный в ханскую ставку русский князь часто не был уверен, что вернется живым.

В отношении Великого Княжества Литовского Москвой был разработан четкий и продуманный стратегический план, который целенаправленно реализовывался с середины XV в. Постепенно были приведены в покорность Москве все союзники Великого Княжества Литовского во Владимирской Руси. Для прикрытия и обеспечения тыла с Великим Княжеством Литовским в 1449 г. был заключен так называемый «вечный мир». Затем Москва одну за другой захватила земли Северо-Восточной Руси, сначала расположенные в «своей», определенной договором 1449 г. зоне влияния, потом разгромила союзников Великого Княжества Литовского, наконец, убедившись в нежелании (или неготовности) Литвы воевать, начала против нее открытую широкомасштабную войну.

Десятилетия подготовки к открытой войне, когда Московское государство подчиняло соседние русские земли и ликвидировало любые проявления их самостоятельности, проходили при невероятной беспечности Литвы. Важнейшим событием, приведшим к смене лидера в Восточной Европе, была ликвидация самостоятельности Новгородской республики (1478) и Тверского княжества (1485), которые напрасно ожидали военной помощи от союзного Великого Княжества Литовского. Десятилетия укрепления Москвы были периодом дипломатических поражений Литвы. В 1480 г. совместный

¹³⁴ Шэйфер В. Мяцеж ці паўстанне? Выступ Міхала Глінскага падчас вайны Маскоўскай дзяржавы з ВКЛ у 1507–1508 г. // Гістарычны Альманах. Гародня. Т. 2. С. 149–162.

поход на Москву войск Великого Княжества Литовского и Великой Орды, инспирированный литвинской дипломатией, сорвался, потому что литвинское войско попросту не появилось на месте сбора. В результате Московское княжество формально избавилось от татарского владычества.

Блестящая победа войск Великого Княжества Литовского в 1514 г. под Оршей только временно задержала московское наступление. В том же году москвичи захватили Смоленск – один из крупнейших городов страны.

От 1492 до 1537 г. серия войн, инициатором которых почти неизменно выступала Москва, привела к утрате Великим Княжеством Литовским огромных территорий и сокращению владений государства примерно на 1/3. Москва выбила Вильно с позиции гегемона в Восточной Европе. Московское государство присоединило так называемые Верховские княжества, довольно слабо связанные с Вильно и пользовавшиеся широкой автономией. Имея возможность выбора, они, как правило, предпочитали подчинение Литве и признавали верховенство Москвы только под угрозой вторжения ее войск¹³⁵.

В ходе так называемой Ливонской войны московским войскам в 1563 г. удалось захватить старейший город Беларуси – Полоцк и удерживать его до 1579 г. При штурме Полоцка сгорела библиотека Софийского собора, которая собиралась с XI в., – неоценимая утрата белорусской культуры.

Война, как уже упоминалось, проходила с переменным успехом, но она привела к очень важному изменению исторической судьбы Беларуси, знакомым событием которой стала Люблинская уния с Польшей (1569). Для Великого Княжества Литовского это был вынужденный союз, вызванный тяжелым, а в восприятии современников, почти катастрофическим положением государства в войне с Москвой. Люблинская уния часто оценивается как попытка выхода из политического кризиса, но фактически она оказалась его проявлением. Принятая под давлением, с одной стороны, польских магнатов во главе с королем, с другой – шляхты самого Великого Княжества Литовского, уния вызвала далеко идущие последствия не только политического, но и национально-культурного характера.

Посредством унии шляхта Великого Княжества Литовского надеялась не только получить военную помощь от Короны, но и весь комплекс польских шляхетских прав и привилегий. Литвинские магнаты, несмотря на отчаянное сопротивление, не смогли помешать утрате государством огромных территорий (Украины), перешедших к Польше. Они сумели только де-факто преобразовать федерацию в конфедерацию.

Трагическими оказались последствия Люблинской унии для белорусской культуры. Объединение в едином государстве ускорило процесс поло-

¹³⁵ Кром. М. Меж Русью и Литвой...

низации аристократии и мещанства. После унии наметился явный раскол белорусского общества на полонизированную социальную элиту и крестьянство, которое стало основным хранителем (консервантом) традиционной культуры и белорусского языка. Хотя процесс превращения белорусов в «крестьянскую нацию» обозначился уже в период «золотого века».

В конце столетия усилился натиск на Беларусь контрреформации и начался отход от принципа религиозной толерантности. Знаковым явлением этого периода стала Брестская церковная уния 1596 г. – создание греко-католической церкви. Это была уже контрреформационная модель организации церковной и общественной жизни. Наступали новые времена. «Золотой век» Беларуси остался в прошлом, о котором сожалеют современные исследователи: «Именно “золотой век” относительной религиозной свободы и общественного равновесия предложил нации в качестве альтернативы унитарской модели религиозно-церковной жизни модель плюралистическую, гуманистическую, либерально-демократическую, основой которой должна быть религиозная толерантность, интеллектуальная свобода, отказ от духовного, в том числе и религиозного, принуждения»¹³⁶.

Системный кризис белорусской культуры (XVII–XVIII вв.)

Последние полтора столетия существования Речи Посполитой оказались для Беларуси периодом глубокого кризиса, который проявился во всех сферах общественной жизни: экономической, политической и культурной. Признаки такого же общего кризиса имели место и в других странах – составных частях Речи Посполитой (Украине и Литве), за исключением Польши. Однако при наличии явного экономического и политического кризиса в Короне польская культура расширялась географически, охватив шляхетское сословие Беларуси, Литвы, Украины, она подпитывалась за счет опояченной шляхты и горожан. Постепенно шляхетский «политический народ» превращался в основу, стержень формирования современного польского народа. Именно польская и полонизированная шляхта стала опорой польскости после разделов Речи Посполитой. Шляхта была организатором и главной действующей силой всех польских восстаний XIX в. После окончания Первой мировой войны шляхта украинского, белорусского и литовского происхождения вместе с этническими поляками построила новое, уже исключительно польское государство, которое вооруженной рукой присоединило к себе половину украинских, белорусских и литовских земель.

В XVII в. кризисные явления были характерны для всей Европы. Начался заключительный этап очередного (второго) цикла развития континента, что

¹³⁶ Падокшын С.А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура. С. 38.

хорошо иллюстрируется данными демографии. После роста численности населения, начавшегося около середины XV в., а в XVI в. достигшего своего пика, в XVII в. рост народонаселения остановился и начался его застой, а потом и спад. Непосредственными причинами демографического кризиса стали неурожаи, эпидемии и войны, особенно Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.

Для Беларуси же самой тяжелой оказалась Тридцатилетняя война 1654–1667 гг. между Россией и Речью Посполитой. Великое Княжество Московское (от 1547 г. – царство), преодолев внутренний кризис конца XVI – первого десятилетия XVII в., активизировало наступление на запад. Воспользовавшись польско-украинскими (так называемыми казацкими) войнами, которые начались в 1648 г. и привлекли все силы Короны, Московское государство в 1654 г. напало на Великое Княжество Литовское. На протяжении 1654–1655 гг. была оккупирована практически вся территория государства.

Боевые действия, оккупация страны московскими войсками, голод, эпидемии, многотысячные вывозки в Россию ремесленников и крестьян привели к потере около половины населения Беларуси. Массовый вывоз пленных белорусов в Россию засвидетельствовали документы того времени¹³⁷. В Москве за счет пленных белорусов разрослась Мещанская слобода, само название которой происходит от белорусского слова «места».

В войну против Речи Посполитой в 1655 г. вступила и Швеция. Шведские войска действовали на землях Короны, но заходили и на территорию северной и западной Беларуси. Часть литвинских магнатов и шляхты пробовали спасти государство посредством разрыва союза с Польшей и заключения унии со Швецией. Главными инициаторами этой акции были протестанты – крупные магнаты – Януш и Богуслав Радзивиллы, поддержанные частью протестантской и православной шляхты. Подписанная в 1655 г. литовско-шведская Кейдановская уния поделила шляхетское сообщество Великого Княжества Литовского, но так и не была реализована¹³⁸. Война с Москвой окончилась компромиссным Андрусовским соглашением, последствия которого оказались выгодными для Москвы.

В полосу глубокого кризиса в это время попала и экономическая система фольварочно-барщинного хозяйства. Отличительной особенностью Речи Посполитой, как и других государств Центральной и Восточной Европы, была система общественно-экономических отношений, основанная на зависимости крестьян от своих помещиков: экономической (не были хозяйемы земли, которую обрабатывали) и личной (не могли свободно уйти от помещика). Крестьяне подлежали юрисдикции шляхтича-собственника

¹³⁷ Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654–1667. Мінск, 1995. С. 74–75.

¹³⁸ Катлярчук А. Шведы ў гісторыі й культуры беларусаў. Мінск, 2002. С. 74–87.

и должны были обеспечивать господину отработочную ренту через системы барщины (панщины). Ее размеры постоянно возрастали и в XVII в. достигли 5–6 рабочих дней в неделю. Кроме барщины, крестьяне должны были исполнять многочисленные виды иных феодальных повинностей. Землевладельцы стремились таким образом компенсировать общее ухудшение конъюнктуры на европейских рынках и сохранить свой высокий уровень потребления, а крестьянские хозяйства тем самым доводились до упадка.

Кризисные явления отразились также на массовой материальной культуре. Современные археологические исследования (особенно интенсивные в Беларуси во второй половине XX в.) принесли богатый материал, который позволяет проследить этапы развития материальной, в первую очередь массовой, культуры XIV–XVIII вв. Например, начальный этап экономического кризиса XVII в. практически не отразился на массовой материальной культуре. В первой половине XVII в. продолжался расцвет материальной культуры белорусских городов и местечек. Особенным разнообразием отличалась керамическая посуда. Именно культурные наслоения второй половины XVI – первой половины XVII в. выделяются необычными как для предыдущих, так и последующих периодов мощностью и насыщенностью фрагментами керамической посуды разных видов, форм и технологий.

Заметное обеднение ассортимента и количества атрибутов массовой материальной культуры во второй половине – конце XVII в. является следствием губительной московской оккупации, подвергшей страну большим в ее истории демографическим жертвам. Исчезло богатство форм и декоративных элементов, ухудшилось качество изделий.

Контрреформация и полонизация

Практически сразу после Люблинской унии – в 70-е гг. XVI в. – во всей Речи Посполитой усилилось влияние контрреформации.

В XVII в. магнатские и шляхетские роды (в том числе и перешедшие в протестантизм из православия¹³⁹) постепенно стали принимать католичество. К основным причинам, которые приводили протестантов в костел, принадлежали: развертывание иезуитами качественной системы образования (обучали на высоком уровне представителей всех конфессий), политика монарха, конъюнктура и брачные союзы шляхты¹⁴⁰. Войны, которые вела Речь Посполитая начиная с 1648 г., способствовали ухудшению атмосферы религиозной толерантности. Начались поиски виновных – внутренних врагов. В Речи Посполитой ими стали представители некатолических конфессий, в первую очередь так называемые схизматики и диссиденты – право-

¹³⁹ Kłoczowski J. Europa Środkowo-Wschodnia w XIV–XVII wieku // Historia Europy Środkowo-Wschodniej. Lublin. T. 1. S. 216.

¹⁴⁰ Liedke M. Od prawosławia do katolicyzmu... S. 198–200.

славные и протестанты. На протяжении второй половины XVII – первой половины XVIII в. диссиденты лишались прав и привилегий, возможности участвовать в политической жизни страны. В сознание шляхты целенаправленно внедрялось убеждение о враждебном отношении некатоликов к государству, о их особенной склонности к соглашению с протестантами и православными других стран, например Швеции, России или Семиградья. «Постепенно создавались основы стереотипа поляк-католик, который так много значил в следующие века»¹⁴¹.

Под флагом контрреформации происходил отказ от толерантности и веротерпимости в пользу принуждения и насилия в сфере вероисповедания. В конце XVI в. дело дошло до реализации локальной церковной унии – создания в Речи Посполитой Греко-католической церкви посредством Брестской унии 1596 г. Это исключительно важное для Беларуси событие по-разному оценивается исследователями. Специалист по истории униатской церкви Светлана Морозова отмечает ее важную роль в защите белорусской культуры и языка: «В целых, условиях и местной практике она в той или иной степени имела характер этнозащиты и сохранения духовного тождества»¹⁴². Даниель Бевуа не менее аргументированно пишет о «римском походе в униатской маске»¹⁴³. Несомненно, однако, что принятие унии и практика ее распространения обозначали отказ от ренессансно-гуманистической модели религиозно-интеллектуальной жизни¹⁴⁴.

В XVII в. распространение униатства в стране происходило нередко с использованием насилия. Однако религиозная конфронтация проходила в более мягких формах, чем в Западной Европе. Источники сохранили свидетельства о многочисленных случаях насильственных действий, но в стране никогда не доходило до религиозных войн и разгула инквизиции. К исключениям принадлежит случай с Казимиром Лещинским, осужденным на аутодафе за атеистические взгляды. Сначала приговор атеисту (смертный) вынес епископский суд, но он был опротестован шляхтой и отменен. Представитель шляхты обвинил католическое духовенство в намерении ввести в стране инквизицию по испанскому образцу. Окончательный смертный приговор вынес сейм Речи Посполитой, поскольку Лещинский был шляхтичем и пользовался всеми привилегиями своего сословия. Король Ян III Собеский заменил сожжение на костре отсечением головы¹⁴⁵.

¹⁴¹ Kłoczowski J. Europa Środkowo-Wschodnia... S. 215.

¹⁴² Марозава С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады). Гродна, 2001. С. 256.

¹⁴³ Beauvois Daniel. Rzeczpospolita polsko-litewska w XVIII wieku i pięć narodów na jej obszarach w wieku XIX // Historia Europy Środkowo-Wschodniej. T. 1. S. 273.

¹⁴⁴ Падокшын С. Унія. Дзяржаўнасць. Культура... С. 38–39.

¹⁴⁵ Прокошина Е.С., Шалькевич В.Ф. Казимир Лыщинский. Минск, 1986. С. 63, 75.

Религиозно-идеологическая конфронтация вызвала всплеск интеллектуальной жизни, а именно широкое распространение полемической религиозно-политической литературы. Контрреформация и инспирированное ею искусство барокко наложили заметный отпечаток на внешний облик и планировочную структуру белорусских городов и местечек. Со второй половины XVII в. по всей стране активизировалось строительство костелов в стиле барокко. Костелы размещались в лучших местах – ключевых для пространственной композиции поселения. Постепенно изменялось направление улиц, которые приобретали форму плавно изогнутых дуг. До конца XVIII в. все крупные города страны имели барочную планировку с сеткой закругленных улиц и громадами костелов, которые доминировали над невысокой застройкой. Говоря современным языком, реализовывалась хорошо продуманная визуальная реклама, когда перед глазами пешехода все время, куда бы он ни направлялся, был виден какой-нибудь костел.

С наступлением контрреформации все более проявлялся **системный кризис белорусской культуры**. Как известно, в Речи Посполитой рядом с контрреформацией шла колонизация. «Начиная от времен контрреформации, римско-католическая религия однозначно ассоциировалась с польскостью, доминирующей на интересующем нас пространстве, создавая характерный для нее ритуал. Сеймики вообще собирались в костелах, прозаические и многословные заседания начинались со святой литургии. На этнических польских и литовских землях костел поддерживал крепостное право, там же, где крестьяне были православными, углублял пропасть между ними и господами»¹⁴⁶. Со второй половины XVII в. польский язык все чаще звучал и в униатской церкви¹⁴⁷.

В XVII в. в Беларуси начался процесс «культурной эмиграции», который приобрел массовый характер в XVIII–XIX вв. Интеллектуально-творческие силы белорусского народа из-за отсутствия собственной государственности и неадекватного самосознания «эмигрировали» в польскую или русскую культуру¹⁴⁸.

К периоду войны 1654–1667 гг. относится известный персонифицированный пример «эмиграции» способного белоруса в российскую культуру. Греко-католик Симеон Полоцкий в условиях российской оккупации Беларуси превратился в горячего приверженца православия и российского самодержавия и сделался их идеологом. «Он положил начало этому губительному для белорусской национальной культуры процессу»¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Beauvois Daniel. Rzeczpospolita polsko-litewska w XVIII wieku... S. 250.

¹⁴⁷ Марозава С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі. С. 258.

¹⁴⁸ Падокшын С.А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура... С. 96, 98.

¹⁴⁹ Там жа. С. 98.

Страна Пограничья оказалась «между двух огней». С востока вело вооруженную экспансию деспотическое Московское государство, с запада шло идеологическое наступление Контрреформации в паре с колонизацией. Беларусь теряла свою элиту, белорусская культура постепенно ограничивалась до традиционной этнической, носителем которой оставалось наиболее консервативное (правда, и самое многочисленное) сословие – крестьянство.

В условиях традиционного общества с доминированием в нем земельных отношений и значительным количественным перевесом крестьянства над всеми остальными социальными группами такая консервация могла продолжаться столетиями. В Беларуси, как во многих других странах Центрально-Восточной Европы, национальная «расконсервация» и процесс оформления современной нации на основе традиционной культуры начался в XIX в.

Белорусская историография рассматривает ход событий в XVIII в. как почти непрерывный кризис. Не успев полностью оправиться после катастрофы середины XVII в., Беларусь попала в зону боевых действий Северной войны (1700–1721). По стране проходили вражеские шведские войска, а войска союзника Речи Посполитой – России – вели себя, как на оккупированной территории. В частности, взрыв российского порохового склада, устроенный в Софийском соборе в Полоцке, уничтожил самый древний памятник белорусской архитектуры (построен в середине XI в.). Численность населения страны за время войны сократилась приблизительно на 1/3.

В политической жизни все больше проявлялись тенденции, которые позволили оценить XVIII в. как «**соглашательско-конфронтационное столетие**» [...] в белорусской истории, как и истории всей Речи Поополитой»¹⁵⁰. Обозначилась главная проблема шляхетской демократии в руководстве страной – партикуляризм. Шляхетские сеймики редко возвышались до жертвенности ради пользы всего государства, они больше заботились о местных интересах. Главной политической силой было магнатство, которое использовало маргинальную шляхетскую массу для проведения нужных решений на местных сеймиках и общегосударственных сеймах. Великое Княжество Литовское терпело от конфронтации (часто вооруженной) магнатских группировок. Однако ни одна из них не смогла победить и захватить власть в государстве. Система шляхетской демократии при значительном ослаблении центральной власти привела к анархии, децентрализации власти и усилению влияния соседних государств, особенно России и Пруссии. Использую так называемую проблему диссидентов, Россия и Пруссия постоянно вмешивались во внутренние дела страны, не останавливаясь перед введением в нее войск.

¹⁵⁰ Нарысы гісторыі Беларусі. Т. 1. С. 231.

В то время как в Западной Европе начался экономический и демографический подъем, белорусская экономика после войн середины XVII в. (1648–1667 гг.) с трудом сумела восстановиться до прежнего уровня¹⁵¹.

Продолжался процесс полонизации шляхты и мещанства. В это время «[...] шляхетский народ уже полностью польский или полонизирован. [...] Это наиболее четко видно на севере Великого Княжества – в Беларуси и этнической Литве – несмотря на сохранение чисто формальной региональной административной обособленности и отдельных шляхетских структур, каждый шляхтич гордится, что он *natione Polonus, gente Lituanus* [...] Великое Княжество имеет свою казну, армию, собственное право, с 1673 г. один из трех сеймов проходит в Гродно. Но употребление в документах локального русского языка (белорусского или украинского), уже очень редкое в местных канцеляриях, было без сопротивления запрещено сеймом в 1696 г. Польский язык и латынь нераздельно господствуют в шляхетском мире, который является единственной основой активной и сознательной польскости»¹⁵².

Утрата белорусским языком статуса официального языка Великого Княжества Литовского, исчезновение традиции создания литературы на белорусском языке, полонизация (языковая, культурная, ментальная) белорусской шляхты и мещанства привели к тому, что Беларусь на довольно продолжительное время перестала быть субъектом собственной истории. Однако при поражении и общем отступлении белорусскости в высших социальных стратах, на белорусско-литовском этническом Пограничье (контактной зоне) происходило явление, которое можно определить как крестьянскую белорусизацию летувисов. В то время, когда пространство высокой белорусской культуры катастрофически сокращалось, расширялось географическое пространство белорусской традиционной культуры и языка. «На протяжении ряда столетий до самого начала XX в., а местами и позже, происходило постепенное перемещение этой контактной зоны в северо-западном направлении. Во-первых, в прилегающих к ней районах литовское население усваивало белорусский язык и становилось двуязычным. Во-вторых, во многих местах этой зоны литовский язык постепенно уступал свои позиции белорусскому»¹⁵³.

Начатый в раннем средневековье, процесс балто-славянских контактов не изменил направления и сущности. Белорусский этнический ареал продолжал расширяться за счет летувисского. Его результаты выявились в XIX в. во время активного развития этнографических исследований. В конце концов, в начале XX в. известный польский исследователь Александр Брюк-

¹⁵¹ Нарысы гісторыі Беларусі. Т. 1. С. 253.

¹⁵² Beauvois Daniel. Rzeczpospolita polsko-litewska... S. 248.

¹⁵³ Климчук Ф.Д. К истории распространения белорусских говоров // Балто-славянские исследования. М., 1980. С. 214.

нер констатировал: «Сегодня в Виленской губернии в давней Аукштайте огромное преимущество имеют белорусы, летуvisы составляют там только двадцать процентов, а “гудов” там почти в три раза больше»¹⁵⁴.

Беларусь – Великое Княжество Литовское. Взаимоотношения этноса и государства

Генезис ВКЛ и участие в нем белорусского фактора

Проблема генезиса ВКЛ относится к одной из дискуссионных. Существует три концепции возникновения этого государства. Первая, традиционная или балтоцентристская, возникла в XIX в. и сегодня широко распространена. При наличии разных модификаций ее сущность сводится к двум основным тезисам: 1. *ВКЛ – результат эволюции летуvisского общества от родового строя к государству.* 2. *Возникновение этого летуvisского государства происходило вместе с завоеванием летуvisами белорусских (русских) земель.*

Начало этой версии положила работа польского историка Юлиуша Лятковского «Миндовг – литовский король»¹⁵⁵. Российские историки XIX в. добавили к этой концепции собственное видение проблемы, а именно тезис о доминировании в княжестве русской культуры, поэтому ВКЛ они называли литовско-русским или русско-литовским государством.

История ВКЛ активно разрабатывалась в межвоенный период в Летуве и Польше. Государственная идеология Летувы строилась на концепции ее великой истории, отождествленной с историей ВКЛ. Польская историческая литуанистика особенное внимание уделяла польско-литовским униям ради обоснования присоединения ко Второй Речи Посполитой значительной части земель бывшего ВКЛ. Известные и популярные до сего дня реконструкции генезиса ВКЛ авторства Генрика Пашкевича и Генрика Ловмяньского¹⁵⁶ представляют собой только версии концепции XIX в. (автором которой был Юлиуш Лятковский) и также опираются на две приведенные выше аксиомы.

После Второй мировой войны эта концепция усилиями российского советского историка Владимира Пашуто окончательно стабилизировалась.

¹⁵⁴ Brückner A. Polacy a Litwini. Język i literatura // Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa-Lublin-Łódź-Kraków, 1914. S. 362–363.

¹⁵⁵ Latkowski J. Mendog, król litewski // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Filozoficzno-Historyczny. Kraków, 1892.

¹⁵⁶ Paszkiewicz H. Litwa a Moskwa w 13–14 wieku // Jagiellonowie a Moskwa. Warszawa, 1933; Łowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Wilno, 1931–1932. T. 1–2.

Главный тезис Пашуто имеет следующий вид: «Захват Белоруссии литовскими феодалами положил начало превращению небольшого Литовского государства в Литовское великое княжество»¹⁵⁷.

Белорусы в той ситуации не имели права голоса вследствие отсутствия собственного независимого государства. Белорусские историки были вынуждены работать в рамках официальной советской концепции. Только во время горбачевской «перестройки» во второй половине 80-х гг. XX в. появилась возможность представления белорусского взгляда на место и значение ВКЛ в истории белорусского народа. Первой попыткой такого представления (вторая концепция генезиса ВКЛ) были работы историка-любителя Миколы Ермаловича «Па слядах аднаго міфа» и «Старажытная Беларусь»¹⁵⁸. Этот исследователь выступил с критикой тезиса о завоевании летуvisами белорусских земель. По Ермаловичу, древняя Литва находилась вне границ современной Летуvis, на территории Беларуси (в треугольнике между Новогрудком, Минском и Слономом) и была островом балтского населения среди белорусских земель. Создатель ВКЛ литовский князь Миндовг был вынужден покинуть эту Литву после поражения в междоусобной войне. Принятый в Новогрудке на службу, он завоевал для него свою родину. Таким образом, с помощью особенной локализации исторической Литвы XII–XIII в. Ермалович представил генезис ВКЛ и само государство как внутреннее дело истории Беларуси. Концепция Ермаловича сегодня критикуется в научной среде (в том числе белорусскими историками) прежде всего за весьма сомнительную локализацию древней Литвы.

Общим фундаментом обеих названных концепций является тезис о *балто-славянской конфронтации*, разница только в определении победителя. В первом случае им считаются летуvisы, во втором – белорусы. Однако проведенные в течение послевоенного пятидесятилетия крупные специальные исследования археологов, лингвистов и этнологов выявили мирный характер балто-славянских контактов в Понеманье – месте возникновения ВКЛ¹⁵⁹. В результате возникла ситуация, когда опровержение тезиса балто-славянской конфронтации разрушает обе названные концепции (если не было борьбы, то и не было явных победителей).

Автор этих строк сделал попытку привести взгляды на генезис ВКЛ в соответствие с современным уровнем исторического знания и пришел к концепции биэтнического начала ВКЛ, которая сводится к следующим выводам.

¹⁵⁷ Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 368.

¹⁵⁸ Ермаловіч М.І. Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1989; Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. Мінск, 1990; Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд. Мінск, 1994.

¹⁵⁹ Краўцэвіч А.К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Жэшаў, 2000. С. 73–128.

1. ВКЛ возникло в балто-славянской контактной зоне (историческая Литва – бассейн Верхнего и Среднего Немана).

2. Начало ВКЛ положил созданный около 1248 г. союз белорусского города Новогрудка с балтским нобилом Миндовгом.

3. ВКЛ с самого начала было биэтническим белорусско-летувисским государством с доминированием восточнославянского (белорусского) элемента¹⁶⁰.

Великое Княжество Литовское в этногенезе белорусов

Эта проблема слабо разработана как в отечественной, так и зарубежной историографии. Белорусские историки не занимались ею по политическим причинам. История ВКЛ была для них табуированной тематикой на протяжении почти всего времени существования БССР (за исключением короткого периода белорусизации в 20-е гг. и горбачевской «перестройки» во второй половине 80-х гг. XX в.). По официальной советской концепции истории Беларуси, разработанной российскими историками и навязанной белорусам, ВКЛ было почти исключительно явлением летувисской истории. Белорусам в этой концепции отводилась роль завоеванного летувисами народа, который во все время существования ВКЛ – от середины XIII до конца XVIII в. – боролся за воссоединение с российским народом.

Это государство провозглашалось делом рук летувисских феодалов, которые захватили и присоединили к нему белорусские земли. Возникновение белорусского народа объяснялось как результат отрыва западнорусских земель от единого территориально-культурного пространства Древней Руси. Таким образом, в советской историографии возникновение белорусского народа представлялось как следствие негативного явления, а именно иностранной интервенции. Соответственно сам процесс этногенеза белорусов приобретал негативную окраску. Зато соединение с российским народом выглядело как восстановление исторической справедливости и возврат к общим истокам.

Понятно, что в такой ситуации никак не могло исследоваться и влияние ВКЛ на этногенез белорусов. Однако даже советская историография не отрицала наличия такого влияния, хотя и придавала ему негативный оттенок. Признавая хронологическое соответствие завершения «формирования белорусской народности» (XIV–XVII вв.) со временем нахождения белорусских земель в составе ВКЛ, советская историография негативно оценивала роль этой государственной организации («литовских феодалов») в этногенезе белорусов. Однако историческая реальность показала нечто иное, а

¹⁶⁰ Краўцэвіч А. К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. С. 180.

именно: «под социальным и национальным гнетом литовских и польских феодалов» белорусский этнос сформировался, а в составе государства «братского русского народа», наоборот, подвергся денационализации.

При попытке выявить взаимоотношение между этнической и государственной организациями надлежит помнить о необходимости коррекции восприятия исторического времени. Люди эпохи средневековья в отличие от современных исследователей не могли знать результатов исторического процесса на рубеже II и III тысячелетий. Однако довольно распространенной ошибкой сегодня является приписывание жителям ВКЛ современного знания о возникновении белорусского и летувисского народов. Отсюда происходит ненаучная политизация исторических реконструкций, когда организаторам и деятелям ВКЛ приписываются намерения и цели современных белорусских или летувисских государственных деятелей.

Отношения между понятиями «этнос» и «государство» могут быть рассмотрены на основании их общей дефиниции. Этнос и государство объединяет одна и та же главная задача – *организация функционирования крупных человеческих сообществ*. Государство – более поздняя и более совершенная форма такой организации – выполняет свои функции намного эффективнее, чем этническая организация. При перекрещивании этнических и государственных структур преимущество получают вторые. В подтверждение можно привести множество примеров из истории. Ближайший к нам – конфликт между российской государственной и белорусской этнической структурами в так называемом Северо-Западном крае стал причиной глубокого кризиса белорусского этноса и поставил под знак вопроса само его существование.

Однако государство всегда строится на какой-либо приоритетной этнической основе. В мировой истории почти невозможно найти моноэтническое государство. История свидетельствует, что та генеральная этническая основа, на которой строится государственная организация, становится жизнестойкой и доминирует над негосударственной народностью.

Из исторической практики народов известно, что в средневековье и Новое Время именно государственные организации сыграли главную роль в формировании современных европейских наций. Этническая основа, на которой строилась государственная жизнь (язык, культура, обычное право и пр.), становилась доминирующей, и многонациональные европейские государства постепенно превращались в моноэтнические. В Британии англосаксонское государство привело к ассимиляции местных кельтов. Сильное государство с центром в Иль-де-Франс объединило конгломерат разноэтнических территорий и привело к созданию единого французского народа.

А как же выглядели взаимоотношения между государственной организацией ВКЛ и белорусскими этническими структурами? Ответ на этот вопрос и является определением роли ВКЛ в этногенезе белорусов.

В развитии белорусского этноса можно выделить несколько этапов: 1) VII–XII вв.; 2) XIII – середина XVI в.; 3) вторая половина XVI–XIX в.; 4) вторая половина XIX в. – первые десятилетия XX в.

На первом этапе этническая основа белорусов формировалась в *процессе балто-славянских контактов*. Этот процесс продолжался полторы тысячи лет – от VI–VII вв. до середины XX в. и охватил всю территорию современной Беларуси вместе с прилегающими районами соседних стран: Украины, России, Латвии, Литвы, Польши. Его особенности проявились в значительной хронологической и географической неравномерности. В Верхнем Поднепровье и Подвинье он в основном завершился в XII–XIII вв. В Понеманье вступил в активную фазу в конце X в. и продолжался до середины XX в. Результат везде одинаков – через балто-славянское взаимодействие создавались фундаментальные черты нового этноса, который сегодня называется белорусами.

Современная наука считает, что в этногенезе белорусов решающую роль сыграли два фактора: *процесс балто-славянских контактов* и *государственная организация ВКЛ*. Балто-славянское взаимодействие создало этническую основу белорусов, помогло выработать отличительные этноопределяющие черты народа: язык, особую материальную и духовную культуру. Балто-славянские этнокультурные контакты на землях Беларуси можно однозначно оценить как крупнейшее историческое явление в истории страны. Возникновение белорусского этноса является главным результатом этого процесса. Однако *окончательный успех этногенеза белорусов оказался возможным только благодаря совпадению на определенном этапе (середина XIII в.) процесса балто-славянских контактов с другим важнейшим фактором – деятельностью государственной организации ВКЛ*. Последняя строилась на этой этнической основе и тем самым поддерживала и укрепляла ее.

Период XIII–XV вв. занимает особое место в истории белорусского этноса, потому что к этому времени относится решающий этап этногенеза, который окончательно определил его успех. Именно в это время произошло объединение нескольких соседних регионов (Верхнего Понеманья, Верхнего Подвинья, Верхнего Поднепровья и Полесья) в едином политическом организме, последствием которого явилось их этническое целое. Именно в этот период сформировались основные этнические черты народа, определилась основная этническая территория белорусов, вырисовались ее границы, которые в основном сохранились до новейшего времени.

Совпадение на определенном этапе двух важнейших факторов этногенеза белорусов – процесса балто-славянских контактов и деятельности государственной организации ВКЛ обеспечило успех формирования белорусского народа, создало запас прочности, которого хватило, чтобы пережить несколько столетий кризиса до начала национального возрождения.

Именно в ВКЛ со второй половины XIII до середины XVI в. происходило наиболее активное формирование белорусского этноса. Государственный статус белорусского языка благоприятствовал созданию национальной социальной элиты, в которую вошли также представители балтских родов. На основе народной культуры развивалась белорусская профессиональная элитарная культура. На протяжении этого периода белорусская культура охватывала все социальные слои общества, чего позже не удалось повторить вплоть до нашего времени. Конец XV–XVI в. считается «золотым веком» белорусского народа, временем, когда он имел возможность полновесного культурно-государственного развития. Именно в это время белорусский этнос приобрел потенциал (запас прочности), который позволил ему выживать на протяжении нескольких столетий кризиса, даже после утраты национальной элиты, почти полностью ассимилированной (полонизированной или русифицированной). Этот хронологический период точно укладывается в хронологию истории остальной Европы. Здесь после кризиса XIV в., который затронул и Беларусь, в XV–XVI вв. возобновился экономический и демографический рост.

Этническая принадлежность ВКЛ

Наиболее дискуссионной является летуви́сская или белорусская версии этничности ВКЛ. Самая важная проблема в определении этнической принадлежности государства – выбор критерия. Такой критерий видится нам в определении степени влияния ВКЛ на традиционную культуру белорусов и летуви́сов. В течение двух последних столетий народы ВКЛ, белорусы и летуви́сы, утратили социальную элиту и вошли в новейшую историю как «крестьянские». Именно крестьянская или традиционная культура стала основой развития национальных движений летуви́сов и белорусов в XIX–XX вв. Поэтому этническая характеристика ВКЛ может быть определена через изучение влияния этого государства на состояние традиционной крестьянской культуры белорусов и летуви́сов.

Важнейший реально доступный исследователям критерий в определении этнической характеристики ВКЛ – изменение (расширение или сужение) этнических ареалов белорусов и летуви́сов за время функционирования данного государства. В условиях долговременного соседства увеличение ареала обитания одного этноса возможно только за счет территории второго. Проследив изменения этнической границы между белорусами и летуви́сами за время существования ВКЛ, мы можем выяснить, кому из них наиболее благоприятствовало полутысячелетнее функционирование ВКЛ. Ответ на этот вопрос будет также этнической характеристикой ВКЛ и одновременно покажет на первоочередное (а может, и равное) право белорусов или летуви́сов на историческое наследие Великого Княжества.

Многолетние исследования археологов, лингвистов и этнологов последних лет, опубликованные в сотнях трудов, однозначно установили, что за время существования ВКЛ произошло значительное расширение этнического ареала белорусов за счет этнической летувисской территории.

Кроме того, белорусские земли составляли большую часть территории ВКЛ, богатейшее документально-письменное наследие ВКЛ, созданное на официальном старобелорусском языке, составляет историко-культурный потенциал в первую очередь белорусского, а не летувисского народа.

Функционирование государственной организации ВКЛ больше благоприятствовало традиционной белорусской, чем традиционной летувисской культуре, поэтому с современной точки зрения ВКЛ больше принадлежит белорусской, чем летувисской государственной традиции.

ВКЛ в историческом самосознании белорусов

Отсутствием собственной государственности на протяжении почти всего XX в. можно объяснить значительную «оторванность» наследия ВКЛ от массового сознания белорусов. Восприятие ВКЛ как исторического наследия белорусского народа характерно только для патриотически настроенной элиты белорусского общества. Массовое сознание еще придерживается советского стереотипа о летувискости ВКЛ и летувисском завоевании белорусских земель в XIII–XIV вв.

Советский стереотип исторического восприятия ВКЛ удалось частично разрушить за несколько лет независимости (в 1991–1994 гг.) в процессе реформирования системы гуманитарного образования, но для формирования нового стереотипа не хватило времени. В 1994 г. высшую власть в стране возглавил Александр Лукашенко. За время его правления произошли возврат к советским историографическим воззрениям и отлучение белорусских историков от влияния на государственную систему образования. Не печатаются новые, а фактически переписываются старые советские учебники, преподавателей заставляют использовать их в процессе обучения. Как следствие – в сегодняшней Республике Беларусь углубляется раскол между научной и официозной историографией ВКЛ.

ГЛАВА 2. БЕЛОРУСЫ В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕРНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ НАЦИЙ (XIX – НАЧАЛО XX в.)

Теоретические аспекты проблемы

Большинство современных европейских наций сформировалось в XIX в. Этот тезис совсем не противоречит тому утверждению, что национальные идеологии возникли значительно раньше, а множество людей на нашем континенте имело национальное самосознание задолго до XIX в. Однако, как справедливо заметил известный польский социолог Флориан Знанецкий, «в конце восемнадцатого века большинство жителей разных регионов Италии от Пьемонта до Сицилии не осознавали того факта, что все они являются итальянцами. Подобно тому люди, которые жили на территории от Пруссии до Рейнской области и южной Баварии, не считали себя немцами. Даже в двадцатом веке крестьяне некоторых европейских регионов не имели понятия, что они принадлежат к какому-либо этническому сообществу, большему, нежели их локальное сообщество»¹. Таким образом, в значительной степени процессы формирования современных наций являлись процессами распространения национального самосознания, которое прежде было своеобразной прерогативой дворянских элит общества среди широких слоев мещанства и крестьянства.

Многие авторы, исследовавшие развитие национальных движений в Европе, обращали внимание на специфику формирования современных народов на западе и востоке Европейского континента. Один из наиболее известных исследователей процессов нациообразования британский антрополог Эрнест Геллнер считал, что формирование современных наций самым непосредственным образом обусловлено

¹ Znaniecki, F. Współczesne narody. Warszawa, 1990. S. 123.

индустриализацией традиционных аграрных обществ². Э. Геллнер выделял в Европе четыре «временных пояса», на пространстве каждого из которых эволюционный процесс создания современных наций имел свои отличительные черты. Первый пояс – это запад Европы, где мощные династические государства с политическими центрами в Лондоне, Париже, Мадриде и Лиссабоне последовательно и успешно осуществляли политику централизации и культурной унификации общества, создавая тем самым современные нации англичан, французов, испанцев и португальцев. На территории второго пояса вначале происходили процессы унификации «высоких» национальных культур – немецкой и итальянской, – а уже потом, на основе единства языка и культуры, создавались мощные централизованные государства. Третий пояс охватывал пространства еще далее на восток и достигал западных границ Российской империи, включая, по мнению Э. Геллнера, также Польшу и Финляндию. Здесь процесс нациообразования основывался на «низовых» народных культурах, носителями которых являлись активисты национальных движений – «будители», «возрожденцы» и т.д., – целенаправленно пытались «разбудить» национальные чувства в крестьянских этнических сообществах, лишенных волею истории своей «высокой» культуры и дворянских элит. Геллнер выделял здесь «исторические» (имели раньше собственную государственность) и «неисторические» (не имели собственной государственности и выделялись только благодаря этнокультурным отличиям) народы. И для первых и для вторых была обязательной «этнографическая» фаза развития национального движения, когда на основе низовой народной культуры происходила выработка рациональной, кодифицированной «высокой» национальной культуры. Впрочем, сам Геллнер не придавал отличиям между «историческими» и «неисторическими» народами существенного значения. Эти отличия влияли в первую очередь на характер культуры, создаваемой «будителями» национальной идеологии: «Так, чехи или литовцы могут предаваться воспоминаниям о своем славном средневековом прошлом, а эстонцы, белорусы или словаки не имеют такой возможности. В их распоряжении – только крестьянский фольклор да рассказы о благородных разбойниках, но нет жизнеописаний монархов и победоносных завоевательных эпопей. Впрочем, и это не имеет значения»³.

По мнению польского исследователя Юзефа Хлебовчика, в Западной Европе главную роль в развитии национально-образовательных процессов сыграла государственная идентичность индивидов. Фактически, как утверждал польский автор, на Западе существовала практика отождествления понятий «государство» и «народ». Процесс образования наций в странах За-

² Gellner E. *Narody i nacionalizm*. Warszawa, 1991.

³ Цит. по: Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004. С. 135.

падной Европы Ю. Хлебовчик характеризует с помощью следующей схемы: государственная общность – языковая общность – национальная общность⁴. В Центральной же Европе (польский исследователь включал в этот регион территорию современных Польши, Чехии, Словакии и Венгрии) наблюдались существенные отличия от вышеописанной схемы. Здесь национальное самосознание возникало как раз не благодаря целенаправленной государственной политике, а скорее вопреки ей. Хлебовчик разделил народы в этой части Европейского континента на следующие группы: 1) государственные нации (немцы и венгры); 2) народы, лишенные собственной государственности (поляки); 3) этноязыковые сообщества, преимущественно крестьянские по своему социальному составу (чехи, словаки, лужицкие сербы и др.); 4) сообщества, находящиеся в состоянии диаспоры, с четкими культурно-цивилизационными и расовыми отличиями от своих соседей (евреи)⁵. Согласно схеме Ю. Хлебовчика процесс образования наций в данном случае развивался следующим образом: языковая общность – национальная общность – государственная общность. Причем первый этап нациотворческого процесса принадлежит почти исключительно культурно-языковой сфере. А уже следующим шагом было зарождение среди представителей крестьянских этноязыковых групп чувства общности исторической судьбы и попытка реконструкции собственной истории. На основе этого осознания принадлежности к определенной этноязыковой общности, связанной также общей исторической судьбой и культурным наследием, формировались уже национальные связи как идеологические категории.

Хлебовчик разделял процесс нациообразования «крестьянских» народов на две основные фазы: культурно-языковую и политическую⁶. Главная задача первой фазы – обработка и стандартизация литературного языка для данной этнической общности. Содержание второй фазы – пропаганда национальной идеи и распространение исторического сознания среди широких масс населения, и в первую очередь – крестьянского. Идеи Ю. Хлебовчика оказали большое влияние на дальнейшее развитие исследований национальных движений в Центральной и Восточной Европе.

Польский исследователь Петр Вандыч выделял в Центрально-Восточной Европе три основные модели процессов нациообразования – польскую, венгерскую и чешскую. Хорватское, литовское, украинское, словацкое и белорусское национальные движения он считал близкими к чешской модели,

⁴ Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie środkowej w dobie kapitalizmu (od shyłku XVIII do początków XX w.). Warszawa, 1975. S. 18.

⁵ Chlebowczyk J. O prawie do bytu małych i młodych narodów. Kwestia narodowa i procesy narodotwórcze we wschodniej Europie środkowej w dobie kapitalizmu (od shyłku XVIII do poszatków XX w.). Warszawa, 1983.

⁶ Chlebowczyk, J. Procesy narodotwórcze... S. 56.

для которой характерными, по его мнению, являются следующие черты: отдаленная и прерванная традиция своей государственности или тип государственности, связанный с иным народом; очень высокая степень мифологизации прошлого; наконец, факт, что национальное возрождение часто являлось «пробуждением» лишь потенциально существовавшей народности, для которой процесс формирования целостного национального самосознания иногда так и не был завершен в XX в.⁷ Проблемность отождествления своей государственности с традицией и малочисленность интеллигенции вкуче с запаздальностью промышленной революции вызывали, по мнению П. Вандыча, необходимость апеллирования к «героическому прошлому» в куда большей степени, чем это наблюдалось в истории национальных движений других типов. Именно эта мифологизация истории была характерной чертой процессов образования наций для группы народов Центральной и Восточной Европы, к которым П. Вандыч относил также белорусов. При этом польский исследователь утверждал: «Факт, что белорусы и словаки не растворились среди великих народов, как бретонцы во Франции, удивляет более, нежели то, что они создали эфемерную государственность»⁸.

Среди современных исследователей особенной популярностью пользуется теоретическая модель формирования современных наций чешского историка Мирослава Гроха. Он различает «государственные» и «малые» народы, которые проходили различные пути нациообразования. «Малые» народы формировались на основе сообществ, для которых, по мнению М. Гроха, наилучшим определением является «недоминирующая этническая группа» (*non-dominant ethnic group*). Такие группы в начале нациообразовательного процесса имели слабую традицию «высокой» или элитарной культуры и «неполную» социальную структуру (состояли преимущественно из крестьянского населения), заселяли окраины великих полиэтнических империй, язык законодательства и правительственной администрации которых был для них чужим и непонятным. Национальное движение «малых» народов согласно теоретической модели М. Гроха проходило в своем развитии три главные фазы: научную (период появления научного интереса к языку и культуре крестьянской этнической общности со стороны интеллигенции, стандартизация языка, создание исторических работ, посвященных ее прошлому); фазу национальной агитации (деятельность патриотически настроенной интеллигенции и появившихся активистов национального движения с целью распространения национального самосознания среди широких масс крестьянского населения); фазу массового политического

⁷ Wandycz P. *Odrodzenie narodowe i nacjonalizm (XIX–XX ww.)* // *Historia Europy Srodkowo-Wschodniej*. Lublin, 2000. T. 2. S. 159.

⁸ *Ibid.* P. 161.

движения (национальное движение приобретает политический характер и поддержку широких слоев населения)⁹.

Как утверждает М. Грох, некоторые «малые» народы достигли фазы массового национального движения уже в начале становления индустриального капиталистического общества (например, чехи). Иные же этнические общности так и застыли на переходе от второй к третьей фазе. К числу «малых» народов М. Грох относил и белорусов. По его мнению, «только на рубеже веков (имелись в виду XIX и XX вв. – С.Т.) некоторые белорусские интеллигенты начали... осознавать себя представителями отдельного (белорусского. – С.Т.) народа»¹⁰, а революция 1905 г. положила начало национальной агитации посредством газеты «Наша Нива». М. Грох утверждает, что безуспешные усилия сторонников белорусского национального движения могут послужить школьным примером преимущества факторов, которые имели для белорусского движения дезинтеграционный характер. Белорусские национальные активисты не могли, по мнению чешского автора, привязать свою агитацию ни к какой-либо исторической, ни к государственной целостности, а попытки «адаптации» средневекового литовского государства... «принадлежат к числу неуспешных и бесцельных мифов»¹¹. Причиной неудач белорусского движения являлось также и то, что система социальных связей в Беларуси XIX – начала XX в. практически находилась еще на средневековой ступени, а потому национальная агитация с большими трудностями достигала белорусского крестьянина (в то время обычно неграмотного) и, кроме того, была для него совершенно непонятной. Причиной национальной активности крестьян не мог оказаться феодальный гнет: их национальная и политическая мобилизация начиналась вместе с улучшением экономического и правового положения, когда вступала в действие модерная система социальной коммуникации, которая доносила до крестьянина информацию о национальном движении, идею народа как сообщества равноправных граждан. Главными движущими силами этой системы могли быть, по мнению М. Гроха, только две социально-профессиональные группы: сельские учителя и приходское духовенство¹².

В 2006 г. появилась статья М. Гроха, в которой он предпринял попытку сравнения белорусского и чешского национальных движений¹³. В этой работе Грох предостерегает исследователей от увлечения поверхностной ком-

⁹ Hroch M. Małe narody Europy: Perspektywa historyczna. Wrocław, 2003. S. 9.

¹⁰ Ibid. P. 39.

¹¹ Ibid. P. 40.

¹² Ibid. P. 89.

¹³ Грох М. Нацыі як прадукт сацыяльнай камунікацыі? (да праблемы параўнання чэшскай і беларускай «мадэлей» нацыянальнага Адраджэння) // Гістарычны альманах. Т. 12. 2006. С. 5–21.

паративистикой. Уже на начальном этапе нациообразования существовали важные отличия между чехами и белорусами. Чехи являлись значительно более консолидированной группой, имели высокую степень осознания своей этнической отличительности и были четко узнаваемыми представителями других этносов. По мнению чешского автора, белорусское национальное движение находилось в начале XX в. в ситуации, похожей на ту, в которой чешское движение находилось уже в начале XIX в.

М. Грох призывает исследователей активнее обращаться к идеям американского политолога Карла Дойча и анализировать нации и этносы как сообщества людей, объединенных «комплементарностью социальной коммуникации». Плотность и интенсивность коммуникативных процессов между представителями национального сообщества значительно выше, нежели с представителями иных сообществ. Именно это является главным фактором, консолидирующим этнонациональные сообщества. Однако интенсивность социальной коммуникации вместе с этническими противоречиями (дискриминация, например, крестьянской этнической группы со стороны доминантной элитной группы), как утверждает М. Грох, еще недостаточна для формирования национального сообщества. Очень важной предпосылкой для представителей этнической группы является наличие возможностей социального успеха.

Самым основательным исследованием проблемы развития белорусской национальной идентичности в XX в. является сегодня работа польского социолога Ришарда Радика «Между этническим сообществом и нацией: Белорусы в контексте национальных изменений в Центрально-Восточной Европе»¹⁴. Автор анализирует процесс формирования белорусской идентичности в контексте схожих процессов в иных странах Центральной и Восточной Европы. Радик разделяет широко распространенное мнение о запоздалости процесса формирования современной белорусской нации. Он выделяет три основные причины этой запоздалости: содержание народной культуры белорусов, особенности социальной структуры, политику государственных властей Российской империи¹⁵.

Так, ликвидация униатской церкви, по мнению Р. Радика, привела к четкому разделению белорусского населения на православных и католиков. У представителей этих конфессий усилилось ощущение цивилизационной принадлежности к западному и восточному ответвлениям христианства, что в свою очередь затормозило развитие процесса формирования современной белорусской нации. Католики ориентировались на польскость, а православные – на русскость. Кроме того, как утверждает польский социолог,

¹⁴ Radzik R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000.

¹⁵ Ibid. S. 257.

православие укореняло локальные сельские сообщества в богатой фольклористичной культуре, укрепляло их коллективизм, усиливало традиционные связи, ослабляя тем самым возможность принятия идеологичных связей, а тем самым также связей, характерных для нации»¹⁶. Причинами запоздалости процесса белорусского нациообразования являлось, с одной стороны, нежелание большей части белорусского крестьянства принять хоть какую-либо национальную идею, а с другой – отсутствие сословия либо социального слоя, который был бы заинтересован в создании белорусской нации и мог бы эффективно поддержать этот процесс¹⁷. У западных, или галицких, украинцев, которые жили в империи Габсбургов, такой нациообразующей социальной группой стало униатское духовенство. Белорусы после ликвидации унии в 1839 г. такой социальной группы лишились, поскольку православное духовенство демонстрировало полную лояльность к Российской империи и, более того, активно поддерживало ассимиляционную политику российских властей. Шляхта Беларуси, как считает Р. Радик, не могла стать социальной базой для белорусского национального движения. Вообще, инициатором национальных движений в Центральной и Восточной Европе, как отмечает польский социолог, нигде не было дворянство (поскольку «принятие плебейской национальной идеологии угрожало дворянству сословной деградацией»), а интеллигенция (часто крестьянского происхождения), и в первую очередь приходское духовенство (Р. Радик его относит также к интеллигенции) и сельские учителя¹⁸. Это совсем не значило, что отдельные представители дворянского сословия не могли принимать участия в национальном движении «крестьянских» народов. Р. Радик утверждает, что поддержка, которую представители местной шляхты оказали белорусскому национальному движению в XIX ст., имела исключительно культурно-литературный, а не национально-политический характер¹⁹. Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич и иные создатели новой белорусской литературы шляхетского происхождения были культурно бивалентными личностями в смысле одновременного усвоения польской «высокой» культуры и элементов народной белорусской культуры. Более того, шляхетские творцы белорусской литературы придали ей, по мнению Р. Радика, отчетливо «плебейский» характер – в их произведениях крестьяне разговаривают на белорусском языке, а паны – на польском. Это стало причиной тому,

¹⁶ Radzik R. Między zbiorowością... S. 257 (Co więcej, prawosławie zagłębiało lokalne wspólnoty wiejskie w bogatej kulturze folklorystycznej, wzmacniało ich kolektywizm, utrwalało więzi nawykowe, osłabiając przez to możliwość przyjęcia więzi ideologicznych, a więc również więzi charakteryzujących naród).

¹⁷ Ibid. S. 259.

¹⁸ Ibid. S. 264.

¹⁹ Ibid. S. 265.

что белорусы, когда достигали в жизни успеха и поднимались вверх по социальной лестнице, старались усваивать польский или российский язык как более притягательные для них, поскольку эти языки отождествлялись в глазах крестьянина с элитами общества²⁰.

Р. Радик также утверждает, что до самого конца XIX в. белорусское национальное движение не достигло фазы А в соответствии с моделью Мирослава Гроха или культурно-языковой фазы в модели Юзефа Хлебовчика²¹. Причем польскоязычная среда в Беларуси была более благоприятной для белорусского движения, нежели наступающая с востока российскость, которая, по мнению Р. Радика, являлась дисфункциональной в отношении белорусскости по причине ее централизованности и нелюбви ко всяким регионализмам²². Польский исследователь также утверждает, что католический костел являлся той структурой, которая часто становилась движущей силой процессов нациообразования, поскольку костел культивировал более рациональные, индивидуалистические и активистские ценности, нежели православная церковь, которая обычно пассивно подчинялась любой власти.

Российская империя могла допускать белорусскость только в географически-этнографическом измерении, а ни в коем случае не в политико-идеологическом. Активность имперской администрации повлияла на то, что белорусское национальное движение начало формироваться поздно (только после 1905 г.), было слабым, а его социальная база оставалась узкой²³. Вместе с тем Р. Радик, по сути, признает тот факт, что эта активность российских властей, а в первую очередь политика деполонизации, вместе с экономической отсталостью Российской империи поспособствовали тому, что белорусское население в XIX в. не подверглось «массовым процессам ассимиляции со стороны иных культур (был заблокирован процесс полонизации белорусского общества)». А потому в начале XX в. сохранилась возможность формирования современной белорусской нации.

В 2006 г. в Москве вышла коллективная монография российских исследователей «Западные окраины Российской империи»²⁴, которая представляет собой новаторскую для современной российской историографии попытку осмысления политики империи Романовых на том пространстве, которое прежде входило в состав Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Особенный интерес у белорусского читателя вызывает глава «Политика “русского дела” в западных губерниях», написанная Михаилом Долбиловым и Алексеем Миллером. Национальные процессы в Запад-

²⁰ Radzik R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. S. 266–267.

²¹ Ibid. S. 267.

²² Ibid. S. 267.

²³ Ibid. S. 268.

²⁴ Западные окраины Российской империи. М., 2006.

ных губерниях эти авторы рассматривают прежде всего сквозь призму противостояния российского и польского национальных проектов. Особо их внимание притягивает имперский проект и специфика его выработки и реализации имперской администрацией. Долбилов считает, что политика деполонизации необратимо подорвала возможности польского националстроительства в Западных губерниях Российской империи, поскольку репрессии против участников восстания 1863 г. «губительно отозвались на увлекавшем шляхту романтическом идеале нации»²⁵. В результате этого, как считает М. Долбилов, польское население на бывших «кресах» Речи Посполитой все более отделялось от процесса развития польского национального самосознания на территории Царства Польского. Однако, по мнению авторов, нельзя сказать, что российский проект националстроительства вышел победителем в этом противостоянии: «Творцы окраинной политики не смогли предложить такое видение русскости, которое было бы способно динамично развиваться, учитывая этнокультурную гетерогенность региона. Критерии русской идентичности были жестко привязаны к традиционалистским представлениям о “народности”. Имплицитное или явное отождествление русскости и православия так и не было преодолено»²⁶. Следует отметить, что авторы данной монографии не обращают особенного внимания на проблему генезиса белорусского национального движения в XIX в., которая представляется им малозначительной.

Одним из новейших монографических исследований, а в белорусской науке единственным, проблемы формирования белорусской нации в сравнительном аспекте является исследование известного антрополога Павла Терешковича²⁷. Он также соглашается с утверждением о запоздалости процесса белорусского националстроительства: «Белорусы стали одним из последних народов в Европе, вставшим на путь национальной консолидации, что, впрочем, характерно для всей восточной части Центрально-Восточной Европы»²⁸. Причем автор считает, что «очевидное запаздывание национальной консолидации белорусов в XIX – начале XX в. носило объективно обусловленный характер». Терешкович выделяет целый ряд объективных факторов, которые были причиной означенной запоздалости. Эти факторы он выявляет в сопоставлении процесса формирования белорусской нации с аналогичными процессами в иных странах Центральной и Восточной Европы. В большинстве случаев причиной отставания белорусов являлся более низкий уровень модернизованности белорусского общества, который проявлялся в

²⁵ Там же. С. 252.

²⁶ Там же. С. 252.

²⁷ Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004.

²⁸ Там же. С. 192.

показателях денежных оборотов на душу населения, распространения грамотности и урбанизированности этнического сообщества, его социальной структуры и социальной мобильности.

Так, например, уровень модернизированности латышского и эстонского обществ значительно превосходил соответствующий показатель Беларуси. К этому присоединялся такой важный фактор, как четкие языковые отличия прибалтов от немцев и россиян, которые являлись в Латвии и Эстонии доминирующими этническими группами. Сравнивая белорусов с украинцами, П. Терешкович особенную роль отводит фактору исторической памяти и роли «Пьемонта», под которым понимает значение Восточной Галиции в составе империи Габсбургов для развития национального движения украинцев в Российской империи. Терешкович также утверждает, что не следует преувеличивать роль униатства в украинском националстроительстве, как это делают многие исследователи. Более важно обратить внимание на то место, которое было отведено униатскому приходскому духовенству в социальной структуре восточногалицинского общества имперскими властями Вены. Также фактор исторической памяти, по мнению Терешковича, следует анализировать в конкретном социокультурном контексте, прежде всего – искать те социальные группы, для которых эта историческая память являлась важной и нужной, иначе говоря, была своеобразным культурным капиталом. В украинском обществе такой группой стало казачество Левобережной Украины, утратившее в результате расказачивания свои привилегии. Тут следует вспомнить и белорусскую шляхту, которая пострадала от имперской политики верификации шляхетства. Но наша шляхта вполне удовлетворялась польской самоидентификацией (в смысле принадлежности к польскому шляхетскому народу), а потому ее историческая память оказалась нефункциональной по отношению к белорусскому националстроительству.

Украинцы, как утверждает П. Терешкович, имели также более приспособленную для успешного развития национального движения социальную структуру, более высокий показатель урбанизированности, что давало им существенные преимущества по сравнению с белорусами, хотя среди последних и наблюдался более высокий показатель грамотности. Этот факт исследователь объясняет конфессиональным фактором: «Низкий уровень грамотности во многом был обусловлен конфессионально-цивилизационным фактором – принадлежность большей части украинцев (значительно большей, чем у белорусов) к православию, с его специфическим отношением к женскому образованию»²⁹.

Таким образом, при сравнении национальных движений различных народов необходимо учитывать, по мнению П. Терешковича, целый комплекс

²⁹ Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в... С. 195–196.

экономических, социальных и культурных факторов. И не всегда более высокий уровень модернизированности содействует динамическому развитию национального движения «крестьянского» этноса. Словакия, как утверждает, Терешкович, была куда более модернизированной, чем Беларусь. Но словацкое национальное движение практически не превосходило белорусское по своей силе. Преимущества модернизации использовали власти Венгрии, достаточно успешно и жестко осуществляя политику «мадьяризации» словаков, даже не обращая внимания на их отчетливые языковые отличия от своих южных соседей.

Особенное внимание П. Терешкович обращает на литовский пример, который, по его мнению, выделяется из общего ряда национальных «возрождений» народов Центральной и Восточной Европы: «Если бы не литовский случай, то все конкретные различия достаточно легко вписались бы в контекст модернистских концепций нации»³⁰. В становлении же литовского национального движения исключительную роль сыграл фактор исторической памяти, фактор преемственности от средневекового этнического сообщества к современной литовской нации. Также очень существенным был конфессионально-цивилизационный фактор, который обеспечивал высокий уровень грамотности литовского крестьянства: «...существенным отличием (от белорусов. – С.Т.), обеспечившим многочисленную аудиторию национальному движению, стал более высокий средний уровень грамотности. Он в свою очередь был следствием воздействия цивилизационно-конфессионального фактора. Грамотность среди женщин-литовок была даже выше, чем среди мужчин, что обусловлено особенностями католического отношения к женскому образованию»³¹.

Положение белорусов на старте нациостроительного процесса выглядело наихудшим среди всех центрально-восточноевропейских народов: «Формирование белорусской национальной общности протекало в едва ли не наименее подходящих для этого условиях. Практически все значимые для успешного развития национального движения факторы либо были слабо выражены (рыночная активность, урбанизация, социальная мобильность, грамотность, этнолингвистическое и конфессиональное своеобразие), либо вообще отсутствовали (университетские центры, «историчность», «Пьемонт»)»³². Таким образом, отставание белорусов от своих соседей на пути создания современной нации было предопределено рядом объективных факторов.

Активные дискуссии в белорусской науке вызвала книга Валера Булгакова «История белорусского национализма»³³. Хотя сам автор признал, что

³⁰ Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в... С. 198.

³¹ Там же. С. 197.

³² Там же. С. 198.

³³ Булгаков Валер. История белорусского национализма. Вильнюс, 2006.

его работа носит скорее научно-популярный характер, изложенные в ней идеи и утверждения вызвали большой интерес у всех, кто интересуется проблематикой формирования белорусской нации. В. Булгаков пришел к выводу, что «отнюдь не дефицит национализма является отличительной чертой белорусов и белорусской ситуации, а начало на белорусской территории в течение фактически одного столетия четырех противоборствующих национальных проектов»³⁴. К этим четырем проектам, кроме белорусского, самого позднего, по мнению автора, он относит также польский, российский и украинский. Таким образом, утверждает В. Булгаков, «слабость собственно белорусского нациостроительства объясняется не отсталостью белорусов, а силой и действенностью более ранних и более мощных национализмов в Беларуси»³⁵. Запоздывание белорусского национализма связано также с тем, что отсутствовали критические условия для его появления – освященные традицией представления об историческом регионе Беларусь. Эти представления были «сконструированы» в российской науке только во второй половине XIX в. А в последнее десятилетие этого века писатель Франтишек Богушевич сформулировал программу современного белорусского национализма. Понадобилось еще лет десять, отмечает В. Булгаков, чтобы белорусская идентичность стала идентичностью более десятка человек³⁶.

Сегодня несомненным является тот факт, что интерес исследователей, как белорусских, так и зарубежных, к проблематике формирования современной белорусской нации в последние годы заметно возрос. Возросло и количество научных работ, в которых данная проблематика рассматривается, хотя это количество по-прежнему можно считать недостаточным. По нашему мнению, практически во всех исследованиях и теоретических моделях, которые пытаются объяснить особенности развития нациостроительных процессов в Беларуси, все же недостаточное внимание придается именно фактору цивилизационного Пограничья. Мы не рассматриваем этот фактор сквозь призму столкновения соседствующих цивилизаций – в данном случае западно- и восточноевропейской, хотя известный американский политолог Самуэль Хантингтон как раз через территорию Беларуси проводит условную границу между этими двумя цивилизациями. Однако мы оставляем за рамками нашего рассмотрения дискуссионный вопрос: является ли Россия отдельной цивилизацией, как считал, к примеру, тот же С. Хантингтон. Более интересным и продуктивным нам представляется иная плоскость проблематики Пограничья, а именно: как цивилизационная аргументация использовалась в той или иной степени актерами нациостроительных процессов и проектов в Беларуси?

³⁴ Булгаков Валер. История белорусского национализма. С. 310.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 303.

Этот цивилизационный дискурс присутствует во всех национальных проектах, которые реализовывались в Беларуси в период Российской империи, в том числе и собственно белорусский национальный проект, который, несмотря на все сложности, оказался все же достаточно жизнеспособным и конкурентным. Поэтому именно это ощущение ситуации цивилизационного Пограничья, своеобразная мифология Пограничья, являются, по нашему мнению, существенной спецификой процессов нациостроительства в Беларуси начала XX в.

Пограничье также является пространством активного взаимодействия культур, государственных и церковных институтов. Недостатком большинства современных исследований можно, по нашему мнению, считать то, что факторы и условия, которые содействовали либо препятствовали развитию национальных движений, рассматриваются практически изолированно, в чистом, если можно так сказать, виде. Между тем для анализа ситуации Пограничья очень продуктивным, на наш взгляд, является идея Ф. Барта: что этническая самоидентификация возникает в процессе интеракции между различными акторами и, более того, является необходимым условием такой интеракции³⁷. На самом деле, индивид осознает собственную этничность тогда, когда сталкивается с иными образцами культуры, с иными моделями поведения. Именно пространство Пограничья представляет пространство, в максимальной степени насыщенное подобными интеракциями. Временами это создает для индивида сложную, иногда просто мучительную проблему выбора собственной этничности, и такой выбор представляет собой интереснейшую проблему для микроисследований. А на макроуровне Пограничье выступает пространством столкновений и борьбы коллективных акторов – имперских структур, мощных церковных институтов, консолидированных и активных национальных движений. Борьба этих сил в большой степени является также борьбой идей, конкуренцией между различными национальными проектами, выработкой определенных дискурсивных стратегий. Поэтому важнейшей задачей исследования видится анализ текстов, которые сыграли существенную роль, а также и тех, которые оставались незамеченными и невостребованными в этой борьбе. Белорусское национальное движение вынуждено было противостоять национально-культурной ассимиляции со стороны России и Польши, должно было выдержать конкуренцию с российским имперским проектом «обрусения Северо-Западного края» и польским «кресовым» проектом. Имперский проект, как нам представляется, нельзя отождествлять с «западноруссизмом». Западнорусская идеология имела несколько ответвлений и некоторые из них, несомненно, содействовали белорусскому «возрождению». Кроме того, существовали «лит-

³⁷ Zelazny W. Etniczność w naukach społecznych. Zarys problematyki // Sprawy narodowościowe. Seria nowa. 2002. Z. 20. S. 72.

винский» и «краёвый» проекты, которые имели прежде всего гражданско-политический и цивилизационный, а не этнокультурный характер. Краёвый проект, как утверждает белорусский историк Алесь Смоленчук, пользовался достаточно широкой поддержкой в польском обществе Беларуси и Литвы³⁸.

Все эти национальные проекты и движения находились в ситуации постоянного взаимодействия и взаимовлияния. Каждый из них имел, или хотя бы искал, собственную социальную базу в виде определенных социальных групп белорусского общества (в данном случае мы имеем в виду общество Беларуси как совокупность всех социальных, конфессиональных и этнических групп и слоев). Культурный и политический капитал этих групп обеспечивал успех соответствующих проектов или обрекал их на неудачу. Поэтому анализ идей и текстов должен быть дополнен анализом социокультурных процессов в белорусском обществе того периода, что, по нашему мнению, может послужить выработке ответа на ключевой для нас вопрос: почему, несмотря на все неблагоприятные факторы и условия, белорусский национальный проект сумел-таки реализоваться и белорусское «возрождение» хотя и в ограниченном виде, но все же состоялось?

Беларусь и белорусы: формирование воображаемого сообщества

В конце XVIII – первой половине XIX в. современники вкладывали в слова «Беларусь» и «белорусы» иное значение, нежели в наше время. Поэтому перенос в ту эпоху сегодняшних значений данных терминов, как иногда поступают историки в своих работах, является методологической ошибкой. Анализ источников позволяет с достаточной уверенностью утверждать, что до 1860-х гг. в сознании абсолютного большинства образованных современников термин «Беларусь» ассоциировался в первую очередь с историческим регионом на востоке бывлой Речи Посполитой. Границы этого региона не являлись четко очерченными, хотя в первой половине XIX в. с Беларусью или Белой Русью отождествлялась территория Витебской и Могилевской губерний. В то же время белорусами называли жителей этого региона независимо от их этнического, сословного или религиозного происхождения.

Например, повстанец 1831 г. Александр Рыпинский в своей книге «Беларусь. Несколько слов о поэзии простого народа той нашей польской провинции, о его музыке, песнях, танцах» (1840)³⁹, изданной в эмиграции, в Париже,

³⁸ Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. Выд. 2-е. СПб., 2004.

³⁹ Rypiński A. Białoruś. Kilku słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji, o jego muzyce, śpiewie, tańcach. Paryż, 1840.

границы Беларуси очертил достаточно приблизительно: «налево Припять и Пинские болота, а к северу до Пскова, Опочки и Луги»⁴⁰. При этом он отметил, что Беларусь «составляет неотъемлемую часть дорогого Отечества нашего»⁴¹. Под термином «Отечество» тогда Рыпинский понимал Польшу – Речь Посполитую. Самых же белорусов автор книги охарактеризовал следующим образом: «Живет там простой народ славянского рода, издавна с родом Ляхов породненный, учтивый, но убогий и мало даже собственному Отечеству-Польше известный, хотя более всего ее полюбил»⁴². Таким образом, идеологическим отечеством для А. Рыпинского, несомненно, была Польша – Речь Посполитая, которая распостерлась, по его представлениям, от Балтики до Черного моря и от Сулы до ворот Смоленска. Объединение Беларуси с Польшей автор интерпретировал таким образом: «... Когда же выбрал он (белорусский народ. – С.Т.) себе в конце Польшу за мать, бросился вместе с Литвой в ее попечительные объятия и прильнул к ней со всей сыновьей любовью»⁴³.

Немного позже уже русскоязычный автор белорусского происхождения Павел Шпилевский, рассматривая проблему происхождения белорусского языка, пришел к выводу, что он являлся первоначалом всех остальных славянских языков, которые разрослись из него, а потом затмили своими ветвями⁴⁴. Шпилевский называл белорусов потомками кривичей и дреговичей, родными братьями великорусов. Территорию Беларуси он описывает так: «...Минская губерния составляет часть белорусского края, семью которого составляют жители Могилевской и Витебской губерний. Пределы нынешней Белоруссии в древности известны были под разными названиями оселищ славяно-русских племен. Этими племенами, населявшими нынешнюю Белоруссию, и, следовательно, нынешнюю Минскую губернию... были дреговичи, полочане и самое многочисленное и главное племя славянское – кривичи, рассеянные по Днепру, Западной Двине и Припяти»⁴⁵. В книге «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» Шпилевский повторяет свою идею о первенстве белорусского языка среди иных славянских языков: «...дошедший до нас кривичский, или белорусский, язык дает нам возможность сравнить настоящий великорусский язык с древним славянским (...)

⁴⁰ Rypiński A. Białoruś. (na lewo Prypeć i błoto Pińskie, a ku północy po Pskow, Opoczki i Łuki).

⁴¹ Ibid (stanowi niewyłączną część drogiej Ojczyzny naszej).

⁴² Ibid. С. 18 (Zamieszkał tam lud prosty Sławiańskiego rodu, od dawna ściśle z rodziną Lechów spokrewniony, poczciwy, lecz ubogi, a mało nawet Polsce własnej Ojczyźnie znany, choć ją nad wszystko ukochał).

⁴³ Ibid. S. 19 (jakoż, obrał on (naród białoruski) sobie w końcu Polskę za matkę, rzucił się razem z Litwą w jej opiekuńcze objęcia i do niej z całą miłością synowską przyłgął).

⁴⁴ Германовіч І.К. Беларускія мовазнаўцы. Мінск, 1985. С. 32.

⁴⁵ Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю. Минск, 2004. С. 98.

Устраненный благовременно от влияния монголизма и доселе не испытавший воздействия великорусского наречия, он сохранил свой старинный вид и характер и более остановился в своем развитии, чем претерпел, как думают некоторые, от польского и литовского наречий. Он был официальным языком литовского двора и правительства еще во времена язычества. Литовский Статут, памятник чрезвычайно важный для истории нашего законодательства и для древней русской филологии, писан на этом самом языке, который еще в исходе XVII в. употреблялся в документах, признаваемых в виленском магистрате и вообще во всех актах Западной и Южной России. На белорусском языке писаны и Литовская Метрика и Акты киевского суда, которые заключают в себе бесценные сокровища для нашей истории... На этом белорусском языке любили говорить, еще в конце прошлого века, минские, могилевские и витебские помещики; на нем до сих пор говорят более трех миллионов людей; даже бывшие в Минской, Могилевской и Витебской губерниях униаты говорили и писали метрические книги по-белорусски, или по-кривичски»⁴⁶.

Таким образом, как и многие иные современники, Шпилевский называл белорусский язык «кривичским»: «Когда потеряло право гражданства в славяно-русской земле название кривичей и заменено именем Белоруссии, нельзя определенно сказать»⁴⁷. В отличие от А. Рыпинского и других польскоязычных авторов белорусского происхождения Шпилевский высказывает прямо противоположный взгляд на историю и политическую судьбу Беларуси: «После тяжких годов иноплеменного ига потомки кривичей, минские белорусцы, наконец, вздохнули свободно и зажили жизнью родной – белорусской»⁴⁸. В то же время термин «белорусы» у П. Шпилевского имеет в первую очередь этническое наполнение, связанное с происхождением и языком. Беларусь также выступает у него прежде всего как этническое образование, а не исторический регион.

В 1863 г. в Вильно по инициативе руководства Виленского учебного округа была издана на белорусском языке книга «Разказы на белорусском наречии», которая предназначалась для народных училищ. Историкам неизвестно, кто был автором этих рассказов. Скорее всего авторов было несколько, поскольку в книге используется несколько белорусских диалектов. В одном из рассказов – «Кто булы наши найдавніші диды и якая ихъ була доля до уніи?», написанном на западнополесском диалекте, неизвестным автором впервые в истории излагалась концепция истории белорусов как самостоятельного народа, хотя, как отмечал автор, «родного народам, которые раньше жили и теперь живут в южных и восточных русских краях».

⁴⁶ Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю. С. 100.

⁴⁷ Там же. С. 101.

⁴⁸ Там же. С. 105.

Границы Беларуси в этом рассказе очерчивались следующим образом: «Страна, где живут теперь пинчуки, минчуки, витебцы, могилевцы, называется Белой Русью; в этой стране с очень давних времен жил народ славянский... Народ этот поначалу назывался кривичами или кривичскими славянами... а были еще кривичи полоцкие – вот эти кривичи были нашими предками <...> Современная Витебская, Могилевская губернии, небольшая часть Псковской и Смоленской, значительная часть Минской губернии с Пинском, Мозырем и Туровом, часть Виленской до реки Дитвы и значительная часть Гродненской с городами Волковыском и Брестом были теми краями, где жил белорусский народ». В этом описании белорусской территории автор пользуется языковым критерием в соответствии со знаниями того времени о распространенности белорусских диалектов. Такое понимание Беларуси постепенно вытесняет прежний региональный подход.

В популярном издании «Живописная Россия» Адам Киркор так описывает Беларусь: «Сначала Белорусью называли только нынешняя Могилевская и Витебская губернии... но в настоящее время, с этнографической точки зрения, как в племенном, так в бытовом и народном отношении, Белоруссией справедливо называют все три губернии: Могилевскую, Витебскую и Минскую. Исключение составляют только три уезда Витебской губернии, населенные Латышами. Можно бы сделать еще изъятие для Пинского, отчасти и Мозырского уездов Минской губернии, где наречие более подходящее к малороссийскому. Но все другие этнографические условия ничем особенным не отличают жителей этих уездов от Белорусского смежного племени. К Белоруссии принадлежит и часть Смоленской губернии... Этого мало. К Белорусскому племени надобно причислить жителей Вилейского и Дисненского уездов Виленской губернии, юго-восточной части Ошмянского и Свенянского уездов и юго-восточной части Лидского уезда... (Виленской губернии), большую часть Новоалександровского уезда Ковенской губернии и большую часть Гродненской губернии. Этим не ограничиваются пределы Белорусского племени... Число жителей, принадлежащих к Белорусскому племени, считают до 3 миллионов, но оно в настоящее время гораздо больше»⁴⁹.

Примерно в это же время Констанция Скимунт, которая была уроженкой Пинска тогда в Минской губернии, в своей «Истории Литвы»⁵⁰ придерживается традиционного регионального подхода в понимании термина «Беларусь». В географическом описании «давней Литвы» она перечисляет следующие исторические регионы: «собственно Литва», Жмудь, Русь Литовская, Подлясье, Полесье, Беларусь, Вошьнь, Украина с Северной Ру-

⁴⁹ Живописная Россия, Литовское и Белорусское Полесье. Репринтное воспроизведение издания 1882 года. 2-е изд. Минск, 1994. С. 249–250.

⁵⁰ Skirmunt Konstancja. Dzieje Litwy, opowiedziane w zarzysie. Kraków, 1886.

сю, Подолье. К «Литовской Руси» К. Скирмунт относит такие города, как Минск, Новогрудок, Клецк, Пружаны, Волковыск, Слоним, а к Беларуси – Полоцк, Витебск, Смоленск, Оршу, Рогачев, Могилев. Гродно, по мнению писательницы, входит в территорию «собственно Литвы», Брест – Подляшья, Пинск – Полесья.

Известный польский этнограф Оскар Кольберг назвал один из томов своих научных трудов «Беларусь-Полесье»⁵¹, хотя первоначально он планировал назвать этот том «Русь Черная, Русь Литовская, Полесье и Беларусь», которое более соответствовало сложившимся в польском обществе историко-географическим представлениям. Но вместе с тем под белорусами О. Кольберг понимает население всех этих регионов, разговаривающее на белорусском языке.

А в 1891 г. Франтишек Богушевич от имени Матвея Бурачка в предисловии к сборнику своих стихов «Белорусская дудочка» попытался создать понятный полубразованному крестьянину образ белорусского идеологического отечества, одним из главных символов которого выступает у него именно язык: «Может, кто спросит: где же теперь Беларусь? Там, братцы, Она, где живет наш язык: Она от Вильна до Мозыря, от Витебска за малым почти до Чернигова, где Гродно, Минск, Могилев, Вилна и много местечек и деревень...»⁵². У Богушевича Беларусь не регион, и не просто своеобразная этническая территория, а сакральное пространство, и эта сакральность непосредственно связана с языком, на котором говорит большинство населения данного пространства.

На эволюцию смыслового наполнения терминов «Беларусь» и «белорусы» самое непосредственное влияние оказывала этнография и языкознание, а также этностатистические исследования, которые достаточно активно развивались в XIX в. Так, в 1825 г. во Вроцлаве было издано на польском языке исследование Станислава Плятера «География восточной части Европы», в котором приводились статистические данные об этническом составе населения на территории бывшей Речи Посполитой⁵³. В этих данных автор местное дворянство и мещанство относил к полякам, а крестьян – к русинам и литвинам. Русинский язык Плятер считал диалектом польского. Причем к русинам автор относил как крестьян униатского и православного исповедания, так и римско-католического. Подобное видение этнической ситуации на восточных территориях Речи Посполитой было характерным для шляхетских элит Беларуси в данный период.

⁵¹ Kolberg Oskar. Białoruś-Litwa. Dzieła wszystkie. T. 52. Wrocław-Poznań.

⁵² Багушэвіч Ф. Творы: Вершы, паэма, аповяданні, артыкулы, лісты / укл. Я. Янушкевіч. Мінск, 1991. С. 16.

⁵³ Plater St. Geografia wschodniej czkńci Europy czyli opis krajyw przez wieiorakie narody siowiacskie zamieszkanych. Wroclaw, 1825. S. 215.

А. Словачинский, автор статистического описания Польши, изданного в 1830-х гг. в Париже на польском языке, называл Польшей территорию бывшей Речи Посполитой и делил ее население в соответствии с этнической принадлежностью на поляков, русинов, евреев, литвинов, немцев, «москалей» и «волохов». Причем на первом месте в количественном отношении находились русины – 7520 тыс. человек, а численность поляков оценивалась цифрой в 6770 тыс. Однако сам автор называл такую этническую структуру населения устаревшей и настаивал на ее пересмотре: «Представляется нам, что если с истинной точки зрения бросить исследовательский взгляд на население Польши, необходимо его делить не на народности, которые в варварские времена бесосновательно были ей навязаны и которые по причине беспечности просуществовали до наших дней, а на религиозные вероисповедания; католики и униаты принадлежат к одной церкви и к одному Отечеству; подольские греки (имелись в виду православные. – С.Т.) имеют отдельную от нас церковь, а значит, отдельное от нас и москалей (россиян. – С.Т.) Отечество – это нация срединная»⁵⁴. В результате такого подхода, по мнению А. Словачинского, на территории бывшей Речи Посполитой приходилось «почти четверо поляков на одного русина». Русинов Словачинский в свою очередь делил на три ответвления: белорусов и чернорусов, украинцев, подолян и волянян, и червонорусов, или галичан⁵⁵. Таким образом, крестьянское население на территории современной Беларуси автор данного исследования называл белорусами и чернорусами.

Примерно в это время проводит свои исследования и известный российский статистик Петр Кеппен. В 1827 г. он издает работу о количестве и расселении литовского населения в Российской империи, которая имела также большое значение для определения этнической территории белорусов⁵⁶. А впервые в научной литературе статистические данные о количестве и расселении белорусов представил в своем известном исследовании «Славянский народопис» словацкий автор Павел Шафарик в 1842 г.⁵⁷, который достаточно подробно описал границы этнической территории белорусов. Эти данные автор скорее всего получил от того же Кеппена. Шафарик также утверждал, что белорусы разговаривают на двух наречиях: «собственно белорусском»

⁵⁴ Słowaczyński J. Polska w kształcie Dykcyonariusza historyczno-statystyczno-jeograficznego opisana przez Jędrzeja Słowaczyńskiego. 1833–1838. Paryż, S. XXVI.

⁵⁵ Polska w kształcie Dykcyonariusza historyczno-statystyczno-jeograficznego opisana przez Jędrzeja Słowaczyńskiego. Paryż, 1833–1838. S. XXVI (Rod słowiański, najliczniejszą jest w rodzinie ruskiej, która dzieli się na trzy gałęzy, na gałąź białoruską i czarnoruską, na ukraińską, podolską i wołyńską, i na czerwonoruską czyli galicką. Dzwie pierwsze i ostatnia najbardziej się zbliżają do Polaków).

⁵⁶ Кеппен П. О происхождении, языке и литературе литовских народов. СПб., 1827.

⁵⁷ Safarik P. Slowansky narodopis. W Praze, 1842. S. 30.

и «литовско-русском». Последнее, по мнению автора, было распространено в западных (Виленской, Гродненской и Минской) губерниях⁵⁸, или, как нетрудно догадаться, на территории исторической Литвы. П. Шафарик также указал на существование литературы на белорусском языке и вспомнил об издании католического катехизиса, «Энеиды навыварат» и белорусскоязычных произведений Александра Рыпинского⁵⁹.

Имперская администрация в первой половине XIX в. мало интересовалась этнической структурой населения Западных губерний, и знания местных чиновников в этой области трудно назвать глубокими. Например, в 1837 г. гродненский губернатор в своем отчете утверждал, что сельские жители в его губернии, в Гродненском и Лидском уездах, принадлежат к католическому исповеданию и разговаривают на литовском языке, а крестьяне остальных уездов принадлежат к униатскому исповеданию и разговаривают на «испорченном» русском языке⁶⁰.

В 1843 г. академик П. Кеппен от имени Российской академии наук обратился к гродненскому губернатору с просьбой прислать в Петербург статистические данные относительно «нерусского» населения губернии. Губернатор в свою очередь приказал полицейским исправникам составить списки «инородцев» с разделением их на отдельные народности. Однако эти чиновники не имели ни желания, ни умения, ни опыта, чтобы достаточно профессионально выполнить задание. Например, земский исправник Волковысского уезда сообщил начальнику губернии, что в его уезде проживает 84 190 литовцев православного и католического вероисповедания⁶¹. Таким образом, он посчитал «литовцами» все местное белорусскоязычное крестьянское население. И подобное понимание национальной принадлежности местных жителей являлось достаточно распространенным. Впрочем, большинство полицейских чиновников ограничилось присылкой сведений о местных немецких колонистах и татарах. Можно утверждать, что интересы ученых в данном вопросе опережали потребности государственной администрации, для которой он представлялся несущественным.

Известный исследователь Гродненской губернии Павел Бобровский приводит в своей работе, изданной в 1863 г., статистические данные по этнической структуре населения, которые собрал в 1848 г. местный православный священник Григорий Парчевский⁶². П. Бобровский не пишет о том,

⁵⁸ Safarik P. Slowansky narodopis. S. 32.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ) в Гродно. Фонд 1. Опись 19. Единица хранения 1556. Листы 285–287.

⁶¹ НИАБ в Гродно. Ф. 1. В. 20. С. 1109.

⁶² Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. Ч. 1. Приложение. СПб., 1863.

что послужило причиной написания труда Г. Парчевского: личный научный интерес или официальный заказ властей. Трудно представить, чтобы обычный священник смог выполнить такую сложную работу без помощи государственного и церковного аппарата. Большинство сельского населения Гродненской губернии Парчевский относил к «русским» и утверждал, что в северной части губернии они разговаривают на наречии, близком к белорусскому, а в южной – к малороссийскому или волынскому. К полякам, которые, как утверждал Парчевский, разговаривают на польском языке и исповедуют католичество, он отнес шляхту, проживающую в отдельных околицах, и городское население. Главными критериями определения национальности для Г. Парчевского послужили язык и вероисповедание. Сам П. Бобровский большинство местных крестьян относил к числу «чорнорусов, тех же белорусов, и малороссиян, или лучше полешуков, или пинчуков, и бужан»⁶³. Все славянское население губерний Бобровский делил на русских (чорно-рус; по языку белорусов и малорусов) и «поляков-мазуров».

Следует также напомнить, что в 1849 г. в Петербурге было издано «Военно-статистическое обозрение Гродненской губернии»⁶⁴. По мнению авторов этого труда, большинство жителей губернии составляли «славяно-руссы», к которым они отнесли местное белорусскоязычное крестьянское население⁶⁵.

В ноябре 1851 г. виленский генерал-губернатор предписал местной государственной администрации собрать сведения о количестве «русских» поселений⁶⁶. Любопытно, что полицейский исправник Гродненского уезда в ответ написал: «Селений, населенных собственно по вероисповеданию русскими жителями, не имеется, и все местечки, селения, деревни и дворянские околицы населены туземными жителями, коренно здесь обитающими, которые по вероисповеданию смешаны... в одних деревнях более римо-католиков, в других – возвращенных из бывшей унии и присоединенных к православной церкви»⁶⁷. Гродненский губернатор письменно объяснил своему подчиненному, что «...под именем русских селений следует разуметь, что жители исповедуют православную веру»⁶⁸.

В конце 50-х г. XIX ст. российское правительство по предложению Академии наук попыталось определить этническую структуру населения с

С. 158–159.

⁶³ Там же. Ч. 1. 1863. С. 622–623.

⁶⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. IX. Ч. 3. Гродненская губерния. СПб., 1849.

⁶⁵ Там же. С. 62.

⁶⁶ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 28. Ед. хр. 349. Л. 1.

⁶⁷ Там же. Л. 16.

⁶⁸ Там же. Л. 30.

помощью приходского духовенства всех конфессий. Священникам было предложено представить статистические данные о своих прихожанах с указанием их национальной принадлежности и домашнего языка. Но оказалось, что полученные данные отражали не столько реальную этно-языковую структуру населения, сколько представления о ней самого духовенства, что, впрочем, делает «приходские списки» очень интересным источником в исследовании механизмов национальной самоидентификации. Причем эти представления основывались прежде всего на исторических знаниях священников. Например, в поданных духовенством материалах их прихожане часто называются кривичами, ятвягами, бужанами. Самим крестьянам эти термины были неизвестны. Католические священники обычно называли своих прихожан литовцами и поляками. Ксендз Индурской парафии в Гродненском уезде отнес местных жителей к польско-литовскому племени. Ксендз Квасовского прихода утверждал, что его прихожане «племени литовского... вообще разговаривают на белорусском наречии». Ксендзы из Малой Берестовицы и Крынок присоединили своих прихожан к «ядзвинго-литовскому племени»⁶⁹. В результате в Гродненском уезде насчитывалось 2074 православных белоруса, 29 156 православных литовцев и 16 856 литовцев-католиков, 16 426 поляков-католиков и 8171 православный белорус⁷⁰.

Таким образом, в первой половине XIX ст. имперские власти мало интересовались проблематикой этнического состава крестьянского населения Беларуси. Исследования подобного рода проводились отдельными учеными и энтузиастами. Достаточно расплывчатыми были представления также и местной шляхты и духовенства. Наиболее распространенным стал сословно-конфессиональный подход к определению национальной принадлежности, в соответствии с которым шляхта католического исповедания считалась поляками, а крестьяне – «литовцами» и «русскими» («русинами»).

В начале 1860-х гг. интерес властей к этническим проблемам на белорусских землях заметно возрос, поскольку эти проблемы приобретали все большее политическое значение. Особенную роль здесь сыграло восстание 1863 г., когда вопрос об этнической принадлежности большинства населения стал одним из ключевых аргументов в идеологической борьбе противостоящих сил. Сразу же после восстания были изданы этнографические атласы А. Риттиха и П. Эркерта⁷¹, которые содержали статистические данные об этнической структуре населения Беларуси.

⁶⁹ НИАБ в Гродно. Ф. 886. Оп. 1. Ед. хр. 118.

⁷⁰ Столпянский И. Девять губерний Западно-Русского края в топографическом, географическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб., 1866. С. 53.

⁷¹ Батюшков П.Н., Риттих А.Ф. Карта населения Западно-Русского края по вероисповеданиям. Санкт-Петербург, 1864; Эркерт П.Ф. Взгляд на историю и этнографию за-

Этностатистикой активно стали заниматься и местные губернские власти. Например, в 1869 г. гродненский статистический комитет собрал и обработал сведения об этническом составе населения губернии (за исключением шляхты), где впервые большинство населения было отнесено к графе «белорусы». Причем определяли национальный состав жителей полицейские приставы, которые присылали свои данные в статистический комитет. Можно предположить, что эти чиновники не особенно углублялись в тонкости этнографии и языкознания. Например, сокольский земский исправник писал в Гродно, что в его уезде проживает сплошное белорусское население, которое разговаривает «испорченным русским языком». Довольно часто полицейские чиновники использовали термин «западно-руссы» для определения идентичности местных жителей. Но уже в статистическом комитете этот термин заменяли словом «белорусы». Таким образом царская администрация сознательно распространяла этноним «белорусы», хотя в Гродненской губернии он ранее использовался весьма редко⁷².

Именно начиная с 1860-х гг. во всех официальных статистических документах белорусы выступают как отдельная народность, хотя в тех же исследованиях их вместе с великорусами и малорусами включают в общую графу «русские». Появление термина «белорусы» в официальных справочных изданиях, а затем и на географических картах, несомненно, стало существенным фактором в процессе развития белорусского национализма, поскольку являлось необходимым элементом в механизме воображения нации как «воображаемого сообщества».

В польскоязычной литературе и кругах местной шляхетской интеллигенции еще долгое время продолжал употребляться термин «русины». Во время путешествия по реке Неман Р. Глогер писал, что «русины» сидели по берегам Немана до реки Белой Ганьчи⁷³. Термин «русины» использовался и самими крестьянами на белорусско-польском этноязыковом Пограничье. Этнограф Михаил Федоровский отмечал, что польские крестьяне, «мазуры», называли «русинами» своих белорусскоязычных соседей⁷⁴.

Новый толчок проведению этностатистических исследований в западных регионах Беларуси дали события революции 1905 г. После издания в апреле 1906 г. разрешения на преподавание в начальных школах польского и литовского языков администрация Гродненской губернии проводит с помощью народных учителей исследование этнического состава населения Белостокского, Бельского и Сокольского уездов, расположенных на границе

падных губерний России. СПб., 1864.

⁷² НИАБ в Гродно. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 601. Л. 7.

⁷³ Gloger Z. Dolinami rzek. Opisy podróży wzdłuż Niemna, Wisły, Buga i Biebrzy przez Zygmunta Glogera. Warszawa, 1903. S. 28.

⁷⁴ Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1903. T. III. Cz. II. S. 191–203.

с Царством Польским⁷⁵. Была организована специальная этнографическая экспедиция, в уездах создавались специальные комиссии в составе предводителей дворянства, чиновников учебного ведомства и «местных, пользующихся доверием людей». Результаты работы названных комиссий в целом совпадали с данными переписи 1897 г., хотя было одно весьма существенное отличие: жители южного Бельского уезда были отнесены к белорусам, а не к «малорусам», как в 1897 г. Трудно сказать, что послужило причиной такой перемены. Возможно, она отражала изменение самоидентификации местной интеллигенции и прежде всего учителей, на которых теперь возлагалось определение этнической принадлежности жителей. По результатам проведенной работы руководство губернии отмечало, что данные, представленные уездными комиссиями, не могут считаться абсолютно точными, поскольку точное определение «народности» возможно только научными силами, а членам комиссии пришлось считаться с существующими среди населения представлениями, согласно которым народность часто смешивалась с религией⁷⁶.

Сложно однозначно ответить на вопрос, в какой степени статистические данные и этнографические карты влияли на процесс формирования белорусского национального сознания. Несомненно, что это влияние было существенным. Знание географии и статистики населения во второй половине XIX – начале XX в. было уже достаточно распространенным среди местной интеллигенции. Более того, начала географии и статистики преподавались в народной школе. Ученик народного училища слышал от учителя, что он белорус, хотя эта «белорускость» подавалась в западнорусском духе, как часть более широко понимаемой «русскости». Но интеллигент крестьянского происхождения, и не только крестьянского, на психологическом уровне отождествлял себя с населением, которое называлось «белорусами», и с той территорией, которую заселяло это, белорусское, население, – с Беларусью.

Национальная идентификация дворянских элит Беларуси в XIX – начале XX в.

Известный чешский исследователь проблематики национальных движений в Европе Мирослав Грох утверждал, что относительно участия дворянства в нациостроительстве так называемых «малых народов» действует железное правило: если дворян нет в социальной структуре этнической группы в самом начале национального движения, то и позже они не по-

⁷⁵ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Ед. хр. 1097.

⁷⁶ Там же. Л. 128 об.

явятся среди национальных активистов⁷⁷. Этот тезис М. Гроха свидетельствовал о его в целом невысокой оценке роли дворянства в национальных движениях плебейских народов Центральной и Восточной Европы. Является ли утверждение М. Гроха справедливым по отношению к белорусской ситуации?

В Речи Посполитой обоих народов к «народу» (нации) причислялась, по сути, только шляхта, которая имела политические права. Но в XVIII ст. под влиянием идей Просвещения многие представители шляхетских элит понимали под «народом» Речи Посполитой не только шляхту, но все общество, включая также и сословие в то время еще крепостных крестьян. Возрастание внешней угрозы со стороны могущественных соседей послужило катализатором развития процесса модерной польской нации. Причем этот процесс происходил не на этнической основе, а согласно просветительской модели гражданской нации, похожей на французскую или, как утверждает социолог Ришард Радик, в большей степени на испанскую модель: «Перед упадком Речи Посполитой формировался в ней просветительский политический тип нации...»⁷⁸. Этноязыковые отличия в данном случае не играли исключительной роли: «Язык понимался элитами клонящейся к упадку Речи Посполитой как средство социальной коммуникации, облегчающее распространение просветительских ценностей, интеграцию всего общества, а не как определитель понимаемого в этническом смысле этнокультурного сообщества»⁷⁹. Не имело существенного значения также и этническое происхождение индивида, тем более что польская и литовская шляхта считали себя потомками сарматов, римлян и других мифических народов.

Разделы Речи Посполитой не только не остановили процесс формирования современной польской нации, но, наоборот, даже ускорили его. И питательной социальной средой, которая поддерживала этот процесс, являлась, несомненно, шляхта. На территории бывшей Речи Посполитой, которая отошла к Российской империи, насчитывалось приблизительно около полумиллиона дворян-шляхты, причем примерно половина из них приходилась на земли Беларуси и Литвы⁸⁰. Это стало головной болью и трудно разрешимой проблемой для имперской власти. Согласно данным Министерства юстиции

⁷⁷ Hroch M. *Małe narody Europy*. Wrocław, 2003. S. 87.

⁷⁸ Radzik R. *Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową... S. 59. (Przed upadkiem Rzeczypospolitej formował się w niej oświeceniowy polityczny typ narodu.)*

⁷⁹ Ibid. S. 57. (Język traktowany był przez elity upadającej Rzeczypospolitej jako środek społecznej komunikacji, ułatwiający upowszechnianie oświeceniowych wartości, integrację całego społeczeństwa, a nie jako wyznacznik etnicznie rozumianej wspólnoty narodowo-kulturowej.)

⁸⁰ Sikorska-Kulesza J. *Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku*. Warszawa, 1995. S. 9.

Российской империи за 1858 г., в 49 губерниях европейской части империи насчитывалось 305 тыс. дворян мужского пола, из которых на девять Западных губерний (к их числу официально относились Волынская, Виленская, Витебская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская и Подольская) приходилось более 192 тыс., или примерно 2/3 от общей численности⁸¹. Удельный вес шляхты среди всего населения, по данным 1857 г., в Виленской губернии составил 6,04, Гродненской – 4,69, Витебской – 3,8, Минской – 6,03, Могилевской – 4,19%. Всего же в этих пяти губерниях насчитывалось на то время 220 573 дворянина мужского и женского полов, или около 5% всего населения, тогда как в центральных российских губерниях этот показатель нигде не превышал более 3%⁸².

Безусловно, шляхта литовско-белорусских губерний не была однородной социальной группой. Даже в начале 1860-х гг., уже после десятилетий проведения российским правительством политики верификации дворянства, владельцы имений и крепостных крестьян составляли всего лишь около 14% от общей численности представителей привилегированного сословия в белорусско-литовских губерниях, а остальные 86% или имели в собственности небольшие земельные участки, которые и обрабатывали своими руками, или арендовали земельные наделы у помещиков, или добывали себе пропитание службой по найму у тех же помещиков⁸³. В свою очередь поместное дворянство делилось на владельцев огромных латифундий и тех, кто владел маленькими деревушками с несколькими десятками крепостных душ.

Дворянское сословие в Беларуси, как и остальных частей империи, до реформы 1861 г. существовало в первую очередь за счет сохранения консервативной системы барщинного, или фольварочного, хозяйства и крепостничества. Можно, на наш взгляд, согласиться с утверждением Р. Радика, что дворянство как социальная группа не было заинтересовано в развитии процесса формирования современной нации, который неизбежно подталкивал традиционное сословное общество к изменениям в направлении большей гомогенизации, ликвидации сословных барьеров, а это уже угрожало дворянству утратой привилегированного положения и имущественных прав. Вместе с тем именно из дворянства в Беларуси формировалась прослойка образованных людей, которые существовали за счет интеллектуального труда: учителя, врачи, адвокаты, инженеры и др. Именно эта молодая протинтеллигенция производила и пропагандировала радикальные социальные

⁸¹ Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980. С. 13.

⁸² Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. С. 266–267.

⁸³ Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. Опыт статистического анализа, М., 1973. С. 104.

идеи реформирования современного ей общества, в котором молодые, чаще всего небогатые, интеллектуалы не могли найти себе места и применения своим талантам.

После инкорпорации в состав Российской империи местное дворянство утратило некоторые политические права. Но в то же время не изменилась его доминирующая социально-экономическая позиция в местном обществе. Шляхта должна была мириться с наличием на своих землях огромной российской армии и гражданского административного аппарата (который, впрочем, в первой половине XIX в. формировался преимущественно из местных дворян), обеспечивать выплаты за счет своих крестьян государственных податей и поставку из их числа рекрутов на военную службу. Вместе с тем землевладельцы вскоре оценили и определенные преимущества новой ситуации и с помощью мощной военной машины империи начали усиливать давление на своих крепостных, отбирая у них земельные наделы и увеличивая повинности, что стало одной из главных причин серьезного ухудшения положения крестьянства Беларуси в первой половине XIX ст. Увеличивалось количество местных дворян на российской военной и гражданской службе. В первой трети XIX в. государственный аппарат в западных губерниях почти целиком состоял из представителей шляхты, включая даже должности губернаторов.

Однако симбиоз польского дворянства и имперской власти не мог быть прочным, причиной чему являлись цивилизационные, культурные отличия, преодолеть которые российское правительство было не в состоянии. Относительно либеральную политику Павла и Александра I дворянские элиты «возвращенных» земель использовали для успешного развития польско-язычной системы образования. Эта система, проект которой разработала еще в XVIII в. знаменитая Эдукационная комиссия, переживала настоящий расцвет⁸⁴. Именно выходцы из среды дворянства составляли абсолютное большинство студентов Виленского университета (который по численности студентов являлся самым крупным университетом Российской империи) и учащихся средних учебных учреждений в белорусско-литовских губерниях. Идея возрождения Речи Посполитой, идеализация вольной и демократической шляхетской республики, ненависть к деспотической империи все более ширились в среде дворянства, в первую очередь среди студенческой и школьной молодежи. Ярким примером проявления этих настроений стала деятельность тайных обществ филоматов и филаретов в Виленском университете.

После событий восстания 1830–1831 гг. российское правительство активизировало политику «разбора» шляхты. Царские указы от октября 1831 г. и

⁸⁴ Zasztowt L. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997. S. 44.

ноября 1832 г. значительно усложнили возможности доказательства дворянского происхождения и предписывали местным властям переводить мелкую «околичную» шляхту в отдельные сословные разряды «однодворцев» и «граждан»⁸⁵. В результате 30-летней реализации этой политики в белорусско-литовских губерниях было лишено дворянских прав около 100 тыс. человек⁸⁶, что, естественно, вызывало недовольство и ненависть к Российской империи у мелкой шляхты.

Российское правительство предприняло также ряд шагов, направленных на ограничение роли шляхты в местном государственном аппарате и на ликвидацию тех особенностей дворянского самоуправления, которые еще сохранялись со времен Речи Посполитой. Также в соответствии с указом Николая I от 12 октября 1835 г. в Волынской, Виленской, Гродненской, Минской и Подольской губерниях и Белостокской области право участия в дворянских выборах сохраняли только те землевладельцы, которые не менее 10 лет находились на государственной военной или гражданской службе⁸⁷. Этот указ очень сильно сократил количество дворян, которые могли участвовать в сословных выборах. Например, в Гродненской губернии в 1848 г. в дворянских выборах во всех девяти уездах участвовали всего 126 человек⁸⁸. Кроме того, губернаторы лично проверяли списки кандидатов на выборные дворянами должности и могли безо всяких объяснений отклонить любую кандидатуру из-за политической неблагонадежности, даже если кандидат отвечал всем формальным требованиям. Фактически российское правительство низвело в этих губерниях дворянское самоуправление до роли составного элемента местного государственного аппарата, что вызывало сильное недовольство поместного дворянства.

Усложнение международного положения империи в начале 50-х гг. XIX ст., а затем и события Крымской войны вызвали новые ограничительные относительно дворянства Западных губерний постановления российской власти. Например, местные землевладельцы на 6 лет утратили права избирать из своей среды уездных судей, которых теперь назначали государственные власти⁸⁹. Особое же недовольство вызвал указ, согласно которому дети землевладельцев, достигшие совершеннолетия, обязаны были посту-

⁸⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (далее: ПСЗ II). Т. 6. Ч. 2. № 4869. Т. 6. № 5476.

⁸⁶ Sikorska-Kulesza J. Weryfikacje szlachectwa jako instrument stanowej degradacji drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w latach 1831–1868 // Przegląd Wschodni. Т. II. 1992/93. Z. 3(7). S. 570.

⁸⁷ ПСЗ II. Т. 10. № 8463.

⁸⁸ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 14. Ед. хр. 978. Л. 136–148.

⁸⁹ ПСЗ II. Т. 27. № 26301.

пать на военную или гражданскую службу, причем обязательно в центральные губернии империи⁹⁰.

Правительство предпринимало также шаги, которые должны были способствовать культурно-языковой интеграции шляхты Западных губерний с российским дворянством. Согласно указу Сената от 13 июля 1837 г., дети бедных дворян католического исповедания, за «казённый кошт» окончившие государственные гимназии и университеты, должны были прослужить не менее 5 лет в великорусских губерниях⁹¹. Другим указом 1838 г. уроженцам Западных губерний католического вероисповедания, желавшим поступить на государственную службу в центральные учреждения империи в Петербурге или Москве, также предписывалось сначала прослужить 5 лет в великороссийских губерниях, вне столиц⁹². Это объяснялось тем, что «для большего удобства необходимо учиться русскому языку». Одновременно тем российским чиновникам, которые соглашались перейти на службу из великорусских в Западные губернии, предоставлялись льготы. Правда, эта политика существенных успехов правительству не принесла, и вплоть до восстания 1863 г. большинство чиновников губернских государственных учреждений состояло из представителей местного дворянства католического вероисповедания.

Уже после восстания 1831 г. российское правительство предприняло целый ряд мер, направленных на национально-культурную ассимиляцию дворянства Западных губерний с дворянством российским. Например, в учреждениях дворянского самоуправления в делопроизводстве нельзя было использовать польский язык. За исполнением этого распоряжения должны были следить начальники губерний. В мае 1842 г. Николай I приказал министру внутренних дел, «чтобы в возвращенных от Польши губерниях устные предложения дворян на общих собраниях и рассуждения относительно этих предложений происходили не иначе как по-русски»⁹³. На протяжении 1830-х гг. преподавание всех школьных предметов в Западных губерниях было переведено с польского языка на русский, а в 1840 г. в большинстве средних учреждений вообще отменялось преподавание польского языка и литературы⁹⁴. Все эти запретительные меры приносили скорее обратный эффект. Польский язык и литература изучались в домашних условиях, а уровень преподавания русского языка и российской истории редко был достаточно высоким.

⁹⁰ ПСЗ II. Т. 27. № 26190, 26340, 26360, 26766.

⁹¹ ПСЗ II. Т. 12. № 10452.

⁹² ПСЗ II. Т. 12. № 9894.

⁹³ НИАБ в Гродно. Ф.1. Оп. 11. Ед. хр.1530. Л. 2.

⁹⁴ Zasztowt L. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich... S. 260.

После поражения в Крымской войне и восхождения на российский трон Александра II наступил период либерализации внутренней политики империи. В декабре 1856 г. был издан указ, согласно которому дворянству Западных губерний предоставлялись те же права, что и дворянству центральных губерний, относительно участия в сословных выборах⁹⁵. В этой ситуации поместное дворянство белорусских губерний чрез сословные учреждения стало достаточно активно требовать большей самостоятельности и свободы действий в местной жизни. Так, дворянство Витебской губернии даже предложило императору в 1858 г. основать в Полоцке университет, на что, правда, последовал решительный отказ⁹⁶.

Но после восстания 1863 г., главной действующей силой в котором выступило опять же дворянство, российское правительство обрушило на это сословие Западных губерний новые репрессии. Была резко активизирована политика «разбора» мелкой шляхты. В результате реализации указа от 23 сентября 1864 г.⁹⁷ количество дворян на белорусско-литовских землях сократилось наполовину – с 158 до 80 тыс. душ мужского пола⁹⁸. Фактически полностью упразднилось дворянское самоуправление, которое превратилось в чисто бюрократический орган в системе государственной власти. В июле 1863 г. виленский генерал-губернатор Михаил Муравьев приказал начальникам губерний собственной властью назначать государственных чиновников на должности, которые по закону занимали избранные дворянством лица, в том числе и на должности уездных и губернских предводителей дворянства⁹⁹. Дворянские же выборы вследствие введения военного положения и чрезвычайных законов вообще не проводились. Гродненский губернатор Скворцов писал в Министерство внутренних дел: «При настоящем состоянии здешнего края было бы неудобно и вредно допускать выборы в дворянском сословии Гродненской губернии до тех времен, пока большинство помещиков-землевладельцев не будет состоять из лиц православного исповедания»¹⁰⁰. Таким образом, возможность возобновления деятельности дворянского самоуправления на белорусских землях непосредственно обуславливалась изменениями в национальном и конфессиональном составе поместного дворянства. Фактически сословное дворянское самоуправление в Беларуси так и не возродилось.

Исходя из тех же рассуждений, российское правительство отказалось проводить в «западных» губерниях и земскую реформу, которая предусма-

⁹⁵ ПСЗ II. Т. 30. № 31215.

⁹⁶ Русско-польские отношения. Вильно, 1897. С. 144.

⁹⁷ ПСЗ II. Т. 38. Ч. 1. № 39825.

⁹⁸ Sikorska-Kulesza J. Weryfikacje szlachectwa... S. 571.

⁹⁹ НИАБ в Минске. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 13.

¹⁰⁰ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 22. Ед. хр. 1551. Л. 42.

тривала создание всесословных выборных органов местного самоуправления. В 1862 г. на белорусских землях из 9929 землевладельцев насчитывался, в соответствии с официальной терминологией, 9261 «поляк» (главным критерием принадлежности к польской нации в глазах правительства являлось римо-католическое исповедание). Удельный вес непольских помещиков, преимущественно россиян и немцев, был наиболее высоким в Витебской губернии – 12,55%, а самым низким в Минской – 1,89%¹⁰¹. Естественно, что при таких соотношениях «поляки» неизбежно получили бы абсолютное большинство в органах местного самоуправления и суда, поскольку созданная в Российской империи система выборов в эти учреждения как раз обеспечивала полное преимущество поместного дворянства, что в западных губерниях было для него неприемлемым. Виленский генерал-губернатор Михаил Муравьев по этой причине категорически выступал против введения земств в Беларуси и Литве и писал в Петербург: «Общее выборное начало, положенное в основание земских учреждений, поставило б всю хозяйственную жизнь края в зависимость от враждебных нам большей части дворянства, мелкой шляхты и городского сословия польского происхождения и католического вероисповедания и тем самым подчинило и крестьянское сословие их влиянию, которое поляки, конечно же, использовали бы против нас»¹⁰². Центральное правительство целиком согласилось с точкой зрения виленского генерал-губернатора, и введение земств на белорусско-литовских землях было отложено на неопределенное время.

С целью изменить национальный и конфессиональный состав поместного дворянства в Западных губерниях российское правительство радикально активизировало в 1860-х гг. политику поддержки или, точнее, насаждения российского землевладения. В соответствии с принятыми в 1864 и 1865 гг. законами российские чиновники, и вообще лица «русского» происхождения, получали значительные льготы при приобретении в собственность земельных участков¹⁰³. Именно им в первую очередь продавали конфискованные государством имения участников восстания. Особенно важное значение имел закон от 19 декабря 1865 г., который запрещал «лицам польского происхождения» приобретать в собственность в Западных губерниях землю иным путем, кроме как по наследству¹⁰⁴. На местную государственную администрацию были возложены установление национальности покупателей и проверка их политической благонадежности. В результате проведения в жизнь означенной политики количество землевла-

¹⁰¹ Самбук С.М. Политика царизма... С. 15.

¹⁰² НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 1355. Л. 31.

¹⁰³ ПСЗ II. Т. 39. № 40692; Т. 42. Дополнение. № 43321 а.

¹⁰⁴ ПСЗ II. Т. 40. № 42759, 42760.

дельцев «непольского происхождения» в шести Северо-западных губерниях возросло с 845 в 1862 г. до 1736 в 1868 г. и достигло 13% количества помещиков в Белорусско-Литовском крае. Однако главной цели – кардинальным образом изменить национально-конфессиональный состав поместного дворянства – правительству достигнуть так и не удалось, и ни в одной из Северо-западных губерний «непольские» помещики не смогли достичь количественного большинства¹⁰⁵.

Репрессии против дворянского сословия на землях Беларуси после восстания 1863 г., активизация политики «разбора» шляхты привели к существенному сокращению ее численности с 228,5 тыс. в 1863 до 121,7 тыс. в 1867 г.¹⁰⁶ Перепись населения 1897 г. зафиксировала в пяти Северо-западных губерниях 241 029 дворян обоих полов, или 2,9% численности населения¹⁰⁷. Несмотря на значительное сокращение удельного веса дворянства в социальной структуре населения Беларуси во второй половине XIX ст., а также ограничительную политику российских властей, роль дворянства, в первую очередь крупных землевладельцев, в местной экономической, культурной, а также и политической жизни оставалась очень высокой.

По мнению известного польского историка Юлиуша Бардаха, национальное самосознание шляхетского сословия в белорусско-литовских губерниях имело двухуровневую структуру и соответствовало формуле «*Gente Lituane, natione Polonus*»¹⁰⁸. Большинство местного дворянства знало о своем литовском или белорусском этническом происхождении, но воспринимало языковую и культурную полонизацию предков как акт их добровольного политического и цивилизационного выбора. Впрочем, весьма сложно ответить на вопрос, какой процент шляхты на белорусских землях хорошо владел польским языком. На основании изучения источников у нас складывается впечатление, что только для поместного дворянства польский язык действительно был языком ежедневного общения, но подавляющее большинство мелкой околичной шляхты оставалось белорусскоязычным. Вот что писал о такой шляхте из-под Витебска мемуарист Максимилиан Маркс: «Между собой говорили все они по-белорусски, только каждый хозяин звался пан, хозяйка – пани, сыновья их были паничи, а дочери – паненки... все они хотели говорить по-польски, но это им окончательно не удавалось.

¹⁰⁵ Самбук С.М. Политика царизма... С. 104.

¹⁰⁶ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 294–295.

¹⁰⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Вып. IV. Тетр. 3; Вып. V. Тетр. 3; Вып. XI; Вып. XXII; Вып. XXIII.

¹⁰⁸ Bardach J. O świadomości narodowej polaków na Litwie i Białorusi w XIX–XX w. // *Między Polską etniczną a historyczną*. Warszawa, 1988. S. 232.

Они думали, что белорусское слово, произнесённое в нос с прибавкою звука “ж” после “р”, делается польским¹⁰⁹.

Успешному развитию системы среднего образования способствовало распространение польского языка среди все более широких кругов белорусского дворянства. В гимназиях и уездных училищах Виленского учебного округа в 1826 г. из 2224 учеников 1952 принадлежали к дворянскому сословию¹¹⁰. В 1850 г. из 2305 учеников гимназии дворян здесь насчитывалось 1874¹¹¹. Средние учебные учреждения воспитывали в учениках польский патриотизм, любовь к утраченной отчизне – Речи Посполитой, или Польше. Особую роль играли здесь уроки истории. В первую очередь изучалась античная история, а также история Польши по учебнику Т. Ваги «*Historia książąt i królów Polskich*» (1770 г.)¹¹². Этот учебник в 1818 г. был дополнен главами по истории Великого Княжества Литовского, написанными знаменитым профессором Виленского университета Иоахимом Лелевелем. Уроки литературы также воспитывали польский патриотизм. Об этом свидетельствуют, например, экзаменационные вопросы в базилианских школах за 1822 г.: в каком столетии началась история Польши? как христианство повлияло на развитие просвещения в Польше? когда пришли в Польшу иезуиты, пиары? на какие периоды можно разделить историю Польши?¹¹³ Российское правительство вскоре увидело опасность такого образования для империи. После 1825 г. обязательным предметом в средних школах Виленского учебного округа становится история России, причем власти требовали, чтобы она в обязательном порядке преподавалась на русском языке¹¹⁴.

Возникает вопрос: были среди местной шляхты те, кто не считал бы себя поляками в национальном смысле и относительно кого формула «*Gente Lituane, natione Polonus*» не срабатывала? В качестве примера такого представителя местной шляхты можно привести уроженца Кобринского уезда Игнатия Кулаковского, историка-любителя и краеведа, который побывал на государственной службе в разных учреждениях Гродненской губернии. Кулаковский окончил юридический факультет Варшавского университета, издал на польском языке сборник лирических стихотворений. Он был лоялен по отношению к российской власти, не участвовал в восстании 1830–1831 гг. Более того, по личному поручению гродненского губернатора Михаила Муравьева (будущего виленского генерал-губернатора и душиателя восста-

¹⁰⁹ Маркс Максимилиан. Записки старика // Віцебскі сшытак. 1996. № 2. С. 97.

¹¹⁰ Beauvois D. Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich. 1803–1832. T. II. Lublin, 1991. S. 267.

¹¹¹ Zasztowt L. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich... S. 244.

¹¹² Beauvois D. Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich... S. 345.

¹¹³ Jbid. S. 348.

¹¹⁴ Jbid. S. 348.

ния 1863 г.) составил исторический очерк православных храмов в Гродно. В 1834 г. И. Кулаковский послал на имя министра народного просвещения записку, в которой предложил ввести в учебные курсы местных училищ «ясное, систематическое изложение <...> истории Западных губерний под исключительным названием истории Края», поскольку «события, относящиеся к Западным губерниям, обыкновенно или совершенно поглощены историею поляков или едва упомянуты в истории России, а потому доселе составляют в наших училищах науку, слабо занимающую юношество»¹¹⁵. Кроме того, Кулаковский выступал за «тщательное изучение наречий», ибо «простонародный язык – это граница, природою начертанная между народами». По сути, эта было одно из первых, если не первое, предложение введения белорусского языка (сам Кулаковский этого термина не использовал) в систему школьного обучения. В своей записке Кулаковский также излагает собственную концепцию истории «Края», но какого-либо названия его он, однако, не использует. Коренных жителей Западных губерний Кулаковский называет в записке «славяно-русами» и «русскими». Эти идеи И. Кулаковского свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что он имел своеобразную «краевую» самоидентификацию, важной чертой которой считал самобытную историю и знание «простонародного» языка. Реакция правительственных чиновников на проект Кулаковского нам неизвестна.

В белорусской историографии в последние годы достаточную популярность приобрела «литвинская» концепция, согласно которой дворянство Беларуси и Литвы имело «литвинскую» национальную идентичность, основанную на исторической и культурной традиции ВКЛ и отдельную от польской. Как нам представляется, данная концепция не выдерживает критики. Анализ источников убеждает, что случаи противопоставления так понимаемой «литвинскости» и польскости были крайне редки.

В своих лекциях по истории польской литературы в Париже А. Мицкевич писал: «Между этими двумя пространствами простирается огромная страна, которая со времени завоеваний ляхов и норманнов утратила свое истинное название. Простирается она между Бугом и Неманом, Днепром и Черным морем. Заселяют ее многочисленные племена, имеющие различные названия, поскольку не признают уже названия славян за свое родовое. С одной стороны ляхи, позже поляки, вступают здесь со своей властью; с другой норманны основывают здесь свое государство. Страна эта, искони славянская, не имеет своего названия, поскольку не составляет отдельного государства, но склоняется то к ляшской системе, то под русскую власть. Эти земли были покорены Рюриковичами и после того завоевания носят название русских земель. Литвины сохранили им название, напоминающее дав-

¹¹⁵ Антология педагогической мысли Белорусской ССР. М., 1986. С. 173–175

нее завоевание, а поляки, подчинив их своей власти, отличают в своем языке русские земли от государства России... Эта большая страна была свидетельницей битв между Польшей и Россией. На этом пространстве сталкивались две религии, католическая и православная, Речь Посполитая, шляхецкая, поляков и система российского самодержавия вели тут упорные бои»¹¹⁶. Так, у Мицкевича территория современной Беларуси и Украины (за исключением, по-видимому, исторической Литвы) представляется как огромное неоформленное безликое пространство, постоянно выступающее в истории как объект агрессивных устремлений самых разных народов – норманнов, поляков, литвинов. Это пространство постоянной борьбы между двумя религиями – католической и православной, и политическими системами – шляхетской Речью Посполитой, поляков, и российским самодержавием. В мировоззрении Мицкевича собственно этнические вопросы отступают на второй план, в разговоре с А. Ходько он, например, утверждал: «В Польшу шляхта пришла с Кавказа, в Литву – князья норманнские, в Россию – татарские и норманнские. Чисто славянского государства до этого времени не было»¹¹⁷. Главным фактором развития славянских земель для великого поэта представлялась извечная цивилизационная и идеологическая борьба между Польшей и Россией: «Польша и Россия – это не просто две части земли, но две идеи, которые, стремясь к реализации, взаимно исключаются и ведут извечную борьбу. В зависимости от различных результатов этой борьбы славянские страны и народы склоняются то к одной, то к другой из этих идей. В этих идеях следует искать природу диалектов»¹¹⁸. Несомненно, что А. Мицкевич хорошо знал белорусский фольклор и с большой симпатией относился к

¹¹⁶ Mickiewicz Adam. Literatura słowiańska. Kurs pierwszy. Półroczce 1. Dzieła. T. 8. 1952. S. 101. (Między temi dwoma obszarami rozciąga się ogromna kraina, która od czasów podbojów Lechów i Normandów zatraciła swoją właściwą nazwę. Mieści się ona między Bugiem i Niemnem a Dnieprem i Morzem Czarnym. Zamieszkują ją многие племена noszące różne nazwy, bo nie uznają już imienia Słowian za swoje rodowe. Ten kraj rdzennie słowiański nie ma swojej nazwy, bo nie stanowi (odrębnego) państwa, ale nachyla się to do systemu lechickiego, to pod berło ruskie. Ziemie te zostały podbite przez Rurykowiczów i od tego podboju noszą nazwę ziem ruskich. Litwini zachowali im miano przypominające dawny podbój, a Polacy, położwszy na nich swe piętno, odróżniają w swym języku ziemie ruskie od państwa Rosji. (...) Ta wielka kraina była widownią walk między Polską a Rosją. Na tym obszarze ścierali się dwie religie, katolicka i prawosławna. Rzeczpospolita szlachecka Polaków i sistemat samowładztwa Rosji toczyły tutaj zawzięte boje.)

¹¹⁷ Mickiewicz A. Dzieła wszystkie. Zebrane i opracowane staraniem Komitetu redakcyjnego. T. XVI. Warszawa. S. 240. (W Polsce szlachta przyszła z Kaukazu, w Litwie książęta normandczycy, w Rosji tatarskie i normandzkie... Czysto słowiańskiego państwa dotąd nie było.)

¹¹⁸ Mickiewicz Adam. Literatura słowiańska. Kurs pierwszy. Półroczce 1. Dzieła. T. 8. 1952. S. 89. (Polska i Rosja to nie dwie dzielnice ziemi, ale dwie idee, które dążą do realizacji, wzajemnie się wykluczają i toczą odwieczną walkę. Zależnie od różnych losów tej walki

простому народу. В разговоре с А. Ходько он так охарактеризовал «русинов»: «Из всех славянских народов русины, т.е. крестьяне Пинской губернии, а частично Минской и Гродненской, сохранились больше всего. В их сказках и песнях есть все. Письменных памятников мало, только Статут Литовский написан их языком, самым гармоничным и менее всего искаженным из всех славянских диалектов. Вся их жизнь – в бедности. На своей исторической земле вся жизнь была в страшной нужде и угнетении. Земля же, на которой они живут, убогая, сухая, бесплодная, пески или болота»¹¹⁹. Скорее всего в данном случае под «русинами» Мицкевич имел в виду полешуков, если исходить из описания их территории. Причем эти русины представляются великим поэтом в образе жертвы собственной истории и природных обстоятельств, способных вызвать лишь сочувствие. Главной заслугой их является сохранение первозданной чистоты славянства, что является своеобразной моральной компенсацией за постоянное унижение и угнетение. Юлиуш Фальковский вспоминает, что однажды его земляк, недавно приехавший в Париж, при встрече с Мицкевичем рассказывал о патриархальной простоте и чистой вере простого народа, что вызвало бурную реакцию поэта: «Так, Пан! – выкрикнул, прервав его, – верь мне, нет более чистого народа, как наши колтунистые белорусы!». ¹²⁰ Мицкевич верил, что, соединившись с простым народом, шляхта сможет сбросить российское ярмо: «Надо соединиться с народом и возвыситься до веры простого крестьянина во всемогущество Бога; тогда только победим царизм»¹²¹.

Выше мы уже упоминали книгу «Беларусь» А. Рыпинского, изданную в Париже. Автор признавал самобытность белорусского языка, но утверждал, что он ближе к польскому и «этот народ теснее с нами, нежели с Москвой, соединен»¹²². Последняя фраза свидетельствует о том, что сам автор в тексте

kraje i ludy słowiańskie ciążą to ku jednej, to ku drugiej z tych idei. W tych to ideach należy szukać natury dialektów.)

¹¹⁹ Mickiewicz A. Dzieła wszystkie. Zbrane i opracowane staraniem Komitetu redakcyjnego. T. XVI. Warszawa. S. 230. (Ze wszystkich narodów słowiańskich Rusini, t.j. chłopci gubernji pińskiej, a po części mińskiej i grodzieńskiej, przechowywali najwięcej. W ich bajkach i pieśniach jest wszystko. Zabytków pisanych mało, tylko Statut Litewski pisany ich językiem, najharmonijniejszym i najmniej skażonym ze wszystkich dialektów słowiańskich. Życie ich całe w duchu. Na ziemi przeszli całą historię w okropnej nędzy i ucisku. Nawet ziemia, na której mieszkają, uboga, sucha, bezpłodna, piaski albo bagna.)

¹²⁰ Ibid. S. 318. (Tak, Panie! Wykrzyknął, przerywając mu – wierz mi, niema czystszeogo ludu jak nasze kołtuniaste Białorusiny!)

¹²¹ Ibid. S. 322. (Trzeba połączyć się z ludem i podnieść się do wiary prostego chłopca w wszechmocność Boga; wtedy dopiero caryzm pokonamy.)

¹²² Rypiński A. Białoruś. Kilku słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji, o jego muzyce, śpiewie, tańcach Paryż 1840. S. 21 (naród ten ściślej z nami niż z Moskwą jednoczy).

книги не идентифицирует себя с белорусами, хотя является уроженцем Беларуси (в региональном значении этого термина), знает белорусский язык и даже пишет на нем стихи. В иных своих работах А. Рыпинский как раз подписывался псевдонимом «Белорус». Возможно, такая позиция автора книги «Беларусь» была обусловлена ориентацией на его потенциальных читателей – польских эмигрантов в Западной Европе. Пафос книги А. Рыпинского заключается в беззаветном служении цели единения всех жителей бывшей Речи Посполитой против Российской империи. Автор призывает белорусских женщин учить своих детей «выговаривать святое имя Польши» и даже не давать им еды, «пока не попросит по-польски»¹²³. Этот призыв был направлен крестьянам и мелкой белорусскоязычной шляхте. Свою книгу Рыпинский посвятил белорусскому крестьянину, который первым научится писать и читать по-польски.

В 1838 г. начал издавать свои сборники народных белорусских песен бывший филолог и друг Адама Мицкевича, Ян Чечот, который уже в бытность студентом Виленского университета выделялся интересом к изучению культуры и языка простого народа. Одна из основных идей литературного творчества и этнографической деятельности Чечота – примирение и духовное единение шляхтича и крестьянина: «Мы одной матери дети». Четвертый том крестьянских песен «Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dzwiny z dołączeniem pierwotownych w mowie sławiano-krewickiej» он адресовал «благодетельным господам и управляющим их именьями, заботливым о быте крестьян». Чечот считал заслугой крестьян сохранение языка и культуры предков: «Поэзия, которая называется сегодня гминной, была веками общей для всех наших предков: панской, княжеской, одним словом, народной... вощанам нашим обязаны сохранением древних обычаев и песни. За это им наша благодарность»¹²⁴. В последнем, шестом сборнике, изданном в 1846 г., Чечот призывает образованную шляхту изучать крестьянский язык, который он называет «славяно-кривичским», разрабатывать его словари и грамматику: «...кривичское племя, которое насчитывает несколько миллионов населения, не имеет ничего более, кроме катехизиса, изданного недавно в Виленской епархиальной типографии, которого мне, однако, видеть не довелось. Именно теперь пришла пора одплатить за упущения прошлых веков и взяться за составление грамматики и словаря кривичского диалекта...

¹²³ Rypiński A. Białoruś. S. 11.

¹²⁴ Цит. по: Swirko St. Z Mickiewiczem pod rękę czyli życie i twórczość Jana Czeczota, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza. Warszawa, 1989. S. 256 (Poezia zwana dziś gminną była przed wieki wszystkim przodkom naszym wspólna: pańska, książęca, słowem narodowa; (...) włościanom naszym winiśmy dochowanie obrzędów starożytnych i pieśni. Im i za to wdzięczność od nas należy); Філаматы і філарэты / Уклад, пераклад., прадм. К. Цвіркі. Мінск, 1998. С. 194.

потому что, если бы и пожелали когда учить крестьян иному диалекту, они не поймут его достаточно, не имея терминов этого иного, изложенного на собственном диалекте. Замечательная это была бы работа для сельских священников и поместного дворянства, которое имеет хоть какое-то образование»¹²⁵. Таким образом, Чечот видел и практическую пользу от изучения крестьянского языка, который может быть использован и при обучении крестьян «иному диалекту». При этом он, по-видимому, первым высказал мнение о возможном литературном будущем белорусского языка, хотя и в достаточно пессимистическом духе: «...если мы рады видеть остатки кельтского или герульского языка, что сохранились в документах, когда-нибудь такой же не пустой интерес будет вызывать и памятник кривичского диалекта, который сомнительно, чтобы сам стал литературным и самостоятельно развивался»¹²⁶. В своих текстах Чечот называл белорусский язык «кривичским», а белорусов – «кривичским племенем».

Среди польскоязычной шляхетской интеллигенции Витебщины и Могилевщины также в середине XIX ст. заметно проявление белорусской самоидентификации в ее региональном измерении. На это повлияло распространение романтических взглядов и представлений о традиционной крестьянской культуре как хранительнице древней мудрости и исконной чистоты. Особенно много в этом направлении сделал Ян Барщевский, который издал в 1844–1846 гг. в Петербурге на польском языке свое произведение «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах». Автор часто использует термины «белорусский народ», «белорусы». Но Беларусь для Барщевского и его образованных земляков являлись Витебщина и Могилевщина. Литератор Ромуальд Подберезский писал в 1844 г., что Витебская и Могилевская губернии «составляют настоящую Беларусь». Он также использовал термин «сегодняшняя белорусская шляхта». О Яне Барщевском Подберезский писал: «Преданный белорус... с самого детства провел жизнь с народом». Выходцы из Могилевщины и Витебщины называли себя белорусами и вдалеке от родины. Юлиан Бартошевич в статье, посвященной Яну Барщевскому, в 1851 г. писал: «...много поляков проживало в столице империи, а более всего белорусов». Такое самосознание соответствовало формуле: роду белорусского, нации польской.

Одним из самых горячих патриотов-литвинов был известный литератор и ученый Адам Киркор. В письме к жене Адам Киркор писал: «Литва дала Польше много знаменитых людей, каких она никогда не имела, например Мицкевича, Косцюшко и много других... Сколько невзгод и сколько несчастий перенесли мы вместе... А что теперь? Разве Литва для того, чтобы

¹²⁵ Цит. по: Кісялёў В.Г. Пачынальнікі: 3 гіст.-літар. матэрыялаў XIX ст., 2-е выд. Мінск, 2003. С. 99.

¹²⁶ Там жа.

быть вместе с Польшей, должна перестать быть Литвой? Нет! Я – литвин – никогда не уничтожить во мне этого чувства»¹²⁷.

В 1850-х гг. издает пять книг на белорусском языке Винцент Дунин-Марцинкевич. Это был первый автор, который адресовал свое творчество в первую очередь крестьянам, а не их владельцам и управляющим именными. Цель своего творчества писатель аргументировал в «Gazecie polskiej» в 1861 г. под псевдонимом Наума Приговорки: «Живя среди народа, говорящего на белорусском наречии, включенный в его способ мышления, мечтаю о лучшей доле этого братского племени, решил я, чтобы подтолкнуть его к просвещению в духе его обычаев, преданий и умственных способностей, писать в собственном его наречии»¹²⁸. В этих строках, однако, достаточно четко прослеживается определенная дистанция между автором и людьми, для которых он пишет. В частности, белорусский язык Дунин-Марцинкевич называет «их» языком, а не своим или «нашим». В сборнике исторических рассказов «Люцинка или шведы на Литве» (1861) он называет отечественным польский язык. В письме своему приятелю и известному этнографу Яну Карловичу от 15 сентября 1868 г. литератор отметил, что стремится своими произведениями к тому, чтобы белорусский крестьянин одновременно учился и польской «материнской» литературе¹²⁹.

Попыткой познакомить крестьянина и мелкого белорусскоязычного шляхтича с лучшими образцами польской литературы стали перевод и неудачная попытка издания Дуниным-Марцинкевичем «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича. В 1859 г. цензура запрещает распространение уже набранной в типографии книги с целью «не допускать употребления польского алфавита при печатании сочинений на белорусском наречии»¹³⁰. Правовым основанием для этого послужил циркуляр, который запрещал «печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку». Любопытно, что этот циркуляр был направлен в первую очередь против изда-

¹²⁷ Цит. по: Hryckiewicz, W. O przynależności narodowej wychodźców z terenów byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego // Lithuania. 1998. № 4 (29). S. 51.

¹²⁸ Цит. по: Radzik R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000. S. 216. (Zyjąc wśród ludu mówiącego białoruskim narzeczem, wcielony w jego sposób myślenia, marząc o doli tego szczepu bratniego, w niemowlęctwie i ciemności odrętwiałego, postanowiłem, dla zachęty go do oświaty, w duchu jego zwyczajów, podań i zdolności umysłowych, pisać we własnym jego narzeczcu.)

¹²⁹ Янушкевіч Я. Беларускі дудар. Праблема славянскіх традыцый і ўплываў у творчасці В. Дуніна-Марцінкевіча. Мінск, 1991. С. 122.

¹³⁰ Цит. по: Кісялёў В.Г. Пачынальнікі... С. 136.

ний на украинском языке, но первой его жертвой стала как раз белорусская книга¹³¹.

В то же время в польской печати Дунина-Марцинкевича обвиняли в бессмысленности и даже вредности его попыток создания литературы на белорусском языке. В защиту автора выступил наиболее авторитетный в то время на белорусско-литовских землях литератор Владислав Сырокомля (Людвик Кондратович). В 1855 г. Сырокомля з патетикой называл белорусский язык красивым и древним, припомнив, что это был язык литовского Статута и законодательства на протяжении XVI и XVII вв. и что на нем разговаривали три четверти населения давней Литвы, в том числе паны и шляхта. И лишь утратив статус письменного языка, белорусский сохранился только в крестьянских избах¹³². Сырокомля употребляет в своих работах термины – белорусский язык, кривичский, русинский. Русинским он, по-видимому, считал белорусский и украинский языки в сегодняшнем понимании, называя белорусский и чернорусский (кривичский), а также малорусский и галицийский его главными разновидностями¹³³.

В восстании 1863 г. белорусский язык впервые был использован в политической борьбе как средство пропаганды. Причем как повстанцами, так и правительством. Символической фигурой в белорусской исторической мифологии стал один из руководителей восстания в Беларуси и Литве Константин Калиновский, который был яркой и незаурядной личностью. Калиновский от имени некоего «Яськи госпадара из-под Вильно» издает на белорусском языке повстанческий пропагандистский листок «Мужицкая правда», адресованный белорусским крестьянам. В тексте «Мужицкой правды» белорусская национальная проблематика не артикулировалась, как не использовался и этноним *белорусы*. Уже только в «Листах из-под виселицы», переданных Калиновским на волю из тюрьмы, Ясько-госпдарь пишет, что желает, «чтобы знал Божий мир, как мужики белорусы смотрят на москалей и польское восстание»¹³⁴. В этом же послании Калиновский утверждал, что «москали» «там, где жили поляки, литовцы и белорусы, заводят московские школы, а в этих школах учат по-московски, где не услышишь и слова по-польски, по-литовски да и по-белорусски, как того желает народ»¹³⁵.

¹³¹ Миллер А. Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской империи // <http://mion.sgu.ru/empires/articles/index.htm>.

¹³² Цит. по: Кісялёў В.Г. Пачынальнікі... С. 294.

¹³³ Там жа. С. 507.

¹³⁴ Каліноўскі Кастусь. За нашу вольнасць. Творы, дакументы / уклад. Г. Кісялёў. Мінск, 1994. С. 40 (каб знаў свет Божы, як мужыкі Беларусы глядзяць на маскалёў і паўстанне польскае).

¹³⁵ Там жа (там, дзе жылі палякі, літоўцы і беларусы, заводзяць маскоўскія школы, а ў гэтых школах вучаць па-маскоўску, дзе ніколі не пачуеш і слова па-польску, па-літоўску да і па-беларуску, як народ таго хоча).

В повстанческой газете «Голос из Литвы» говорилось, например, о языковой проблеме: «Москва преследует языки польский, белорусский, малорусский, литовский и навязывает московский; мы хотим, чтобы каждый язык развивался в соответствии с собственной жизненной силой: и литовский, и белорусский, и малорусский, и польский»¹³⁶.

Историки дискутируют относительно авторства «Письма ад Яські-гаспадара з-пад Вільні да мужыкоў зямлі польскай», в котором автор обращается к белорусским крестьянам: «... что же мы детюки, сидеть будем? Мы, что живем на земле польской, что едим хлеб польский, мы, поляки с веков вечных»¹³⁷. Многие белорусские авторы сомневались в авторстве Калиновского на том основании, что на этом письме стояла печать варшавской типографии. В то же время польский исследователь Р. Радик утверждает, что процитированные выше слова Яськи не противоречат принципиально другим номерам «Мужицкай правды»¹³⁸. Существующие источники не позволяют достаточно убедительно реконструировать национальную самоидентификацию К. Калиновского. Скорее всего, он являлся достаточно типичным «Gente Lituane, natione Polonus». Некоторые соратники обвиняли его в «литовском сепаратизме». Под Литвой К. Калиновский понимал пространство бывшего ВКЛ. Это достаточно четко проявляется в записке, написанной им уже во время следствия: «Россия хочет полного с собою слияния Литвы для доставления счастья здешнему народу <...> Кто полагает, что Россия легкую в этом будет иметь задачу, тот судит поверхностно, тот себя обманывает. Сеть, обхватывающая нас во всех классах и соединяющая с Польшею, имеет столько оснований в традициях и даже предрассудках, что распутать ее, уничтожить и воссоздать что-либо новое составляет вековой систематический и разумный труд <...> Пока Правительство не приобретет сочувствия в действительно образованном классе здешнего населения, до тех пор слово России не найдет отголоска в сердце литовцев»¹³⁹. Важно, что Литва выступает здесь не как часть Польши, а как край, соединенный с Польшей вековыми связями. Возможно, что уже в ходе восстания произошла эволюция взглядов К. Калиновского, как и многих других представителей белорусского дворянства. Несомненно, не мог не повлиять на них тот факт, что крестьянство Беларуси поддержало скорее имперскую власть, чем повстанцев.

В этом плане показательным является пример крупного землевладельца Минской губернии Евстафия Прушинского. Во время восстания он сохранил лояльность к российской власти и стал губернским предводителем дворян-

¹³⁶ Калиноўскі Кастусь. За нашу вольнасць. Творы, дакументы. С. 75.

¹³⁷ Там жа. С. 242 (...чы ж мы дзецюкі, сідзеццэ будзем? мы, што жывем на зямлі Польскай, што ямо хлеб Польскі, мы, Палякі з векаў вечных).

¹³⁸ Radzik R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową ... S. 232.

¹³⁹ Калиноўскі К. За нашу вольнасць... С. 145.

ства. Прушинскому даже разрешалось в обход действующего закона приобретать новые земельные владения. Во время восстания правительственные власти заставляли помещиков подписывать верноподданнические адреса на имя императора. Евстафий Прушинский в сентябре 1863 г. составил такой адрес на белорусском языке. Чиновник канцелярии виленского генерал-губернатора Масолов посчитал, что это не что иное, как проявление хитрости поляков, которые согласны на все, лишь бы не называться русскими¹⁴⁰.

Другим интересным примером в этом плане является помещик Витебской губернии Войнислав Савич-Заблоцкий. В письмах к известному украинскому национальному деятелю Михаилу Драгманову Савич-Заблоцкий писал о белорусах: «...а народ гэты сваю думку мае: не лях ён та і не маскаль, ён рускі – мяжа сярод іх!». Единственным правильным выбором для дворянства Беларуси Савич-Заблоцкий считал возвращение к языку предков: «... і даўненька пара б была, штобы мы ўсе, крывіцкіх зямель пасядзіцелі, мы, былой польскай Рэчы Паспалітай абывацелі беларускія, да сваявіцы вярнуліся та і гукаці па-дзядоўску з сабой мовай мужыцкай, халопскай гэтай нашай пачалі (...)»¹⁴¹. Впрочем, в среде местного дворянства эта позиция была интерпретирована как измена польскому делу, и В. Савич-Заблоцкий был подвергнут бойкоту.

Знаковым событием в развитии белорусского национального движения стало издание Францишекком Богушевичем в 1891 г. в зарубежном Кракове поэтического сборника «Dudka białaruskaja Macieja Buraczka». В предисловии к этому сборнику впервые в истории была сформулирована белорусская национальная идея на белорусском языке. Ф. Богушевич адресовал свой сборник в первую очередь крестьянам, которых призывает не отречься от родного белорусского языка. Таким образом, для Богушевича именно язык выступает главным маркером белорусской национальной принадлежности. Сложно сказать, можно ли самого Богушевича считать белорусским националистом. Он принадлежал к польскоязычной шляхетской среде, принимал участие в развитии нелегального польского образования. Возможно, что его самосознание в большей степени соответствовало формуле «Gente Lituane, natione Polonus». Но несомненно и то, что как поэт и прозаик Богушевич смог реализовать себя только благодаря белорусскому языку.

На следующий год после «Белорусской дудки» Ф. Богушевича во Львове был издан перевод на белорусский язык «Пан Тадэуш» Адама Мицкевича в переводе на белорусский язык землевладельца Минской губернии Алек-

¹⁴⁰ Масолов А.Н. Виленские очерки 1863–1865 гг. Муравьевское время // Русская старина. 1883. Т. 40. С. 585.

¹⁴¹ Беларуская літаратура XIX ст. Хрэстаматыя. Вучэбны дапаможнік для студэнтаў філалагічных спецыяльнасцей / Склад. А.А. Лойка і В.П. Рагойша. 2-е выданне. Мінск, 1988. С. 312.

сандра Ельского¹⁴². Сам Ельский имел несомненно польское самосознание, о чем многократно писал, но с большой симпатией относился к белорусской народной культуре, создал много литературных текстов на белорусском языке и высказал уверенность в его литературном будущем. Ельский принадлежал к числу тех представителей местной интеллигенции, которые считали поддержку белорусского национального возрождения своим долгом и вкладом в борьбу с ненавистной Российской империей, которая проводила политику русификации белорусского крестьянства.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. представители шляхты продолжали играть большую роль в популяризации белорусской национальной идеи. Но среди самой шляхты людей с белорусской национальной самоидентификацией было относительно мало. Хотя по данным переписи 1897 г. почти 52% дворянства Беларуси назвали родным языком белорусский¹⁴³, не следует автоматически отождествлять этот факт с национальной самоидентификацией. Большинство шляхты считали себя поляками, гордились своей принадлежностью к католическому исповеданию и польской культуре. Такая стратегия помогала сохранять корпоративную солидарность, отстаивать свое привилегированное положение в местном обществе, которому угрожала новая интеллигенция крестьянского происхождения и западно-русской ориентации. Те же представители шляхты, кто выбирал белорусское самосознание, воспринимались в своей среде скорее как чудаки. Но именно эти «чудаки» сыграли исключительно важную роль в становлении белорусского национального движения в начале XX в., среди лидеров которого видим Вацлава Ивановского, братьев Ивана и Антона Луцкевичей, Вацлава Ластовского, Казимира Костровицкого и других представителей шляхетского сословия. Здесь следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. дворянство как сословная группа феодального общества все более размывалось, пополняя ряды чиновничества, предпринимателей и в особенности интеллигенции и людей так называемых свободных профессий. Если в первой половине XIX в. типичные белорусские дворяне – это помещики, управляющие их поместьями и околичная шляхта, занимающиеся прежде всего сельским хозяйством, то в конце XIX ст. их потомки – банковские клерки, адвокаты, врачи, ученые. Правда, значительная часть бывшей мелкой шляхты уже мало чем отличалась от крестьянства. Социальные позиции поместного дворянства также постепенно, но неуклонно ослабевали. Родовитой аристократии, которая крепко держалась давних традиций, а также была склонной к космополитизму, этно-языковая модель нации не особенно нравилась, поскольку в условиях этно-конфессионального Пограничья заключала в себе потенциальную опасность вооруженных конфликтов. В этой среде определенную

¹⁴² Pan Tadeusz, poemat. Pierałażyu z polskaho na biełaruskij jazyk A. Jelski. Lwów, 1893.

¹⁴³ Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. 1996. С. 216.

популярность приобрела *краёвая* идея, которая предусматривала сохранение политической и культурной автономии исторической Литвы или бывшего Великого Княжества Литовского как полиэтнического края. Выходец из среды поместной шляхты Михал Павликовский вспоминал: «Минские поляки, осознавая традицию Речи Посполитой обоих народов, называли себя перед Первой мировой войной литвинами в отличие от жителей Польского Королевства, или короняжей»¹⁴⁴. Околичная шляхта отличалась польским патриотизмом: «Говорила особым польским языком, каким говорили во времена молодости Мицкевича. Оберегала свою польскость и была очень патриотична»¹⁴⁵. В то же время, как отмечает Павликовский, среди деклассированного поместного дворянства и польской интеллигенции Минска все более набирал силу польский шовинизм в «эндэцкой» (от названия «национальных демократов», одной из главных политических сил в польском национальном движении того времени) версии¹⁴⁶. Сам Михал Павликовский к «эндэцкой» идеологии относился резко отрицательно и утверждал, что подобное отношение разделяло большинство поместной шляхты Минщины: «Двор “гражданский” был, как правило, благожелательно настроен по отношению к белорусчине. С крестьянами говорили по-белорусски. Хорошее владение белорусским было как бы своеобразным стилем. Поддержка белорусского языка, фольклора и обычаев считалась единственным успешным, а также легальным способом борьбы с русификацией. Высмеивались одинаково как русизмы, так и полонизмы. Дворы, которые под влиянием принесенной с запада эндэцкой заразы пытались полонизовать белорусов, были очень немногочисленны»¹⁴⁷. Известная писательница Мария Чапская происходила из помещицкой семьи, которая считала своим долгом полонизацию белорусскоязычной службы: «Чем был наш край Беларусь, как не частью Великого Княжества Литовского, на протяжении четырех веков с Польшей соединенный, захваченный Россией? О пробуждении национального сознания белорусов ничего тогда мы не знали. Нужно было выбирать между Польшей

¹⁴⁴ Pawlikowsk Michał K. Mińszczyzna // Pamiętnik Wilenski. Londyn, 1972. S. 293. (Polacy minscy, świadomi tradycji RP Obojga Narodów, nazywali siebie przed pierwszą wojną światową Litwinami w odróżnieniu do mieszkańców Królestwa Polskiego, czyli koroniaży.)

¹⁴⁵ Jbid. S. 294 (...mówiła osobliwym językiem polskim, takim językiem, jakim mówiono za czasów młodości Mickiewicza. Strzegła swej polskiści i była bardzo patriotyczna).

¹⁴⁶ Jbid. S. 299.

¹⁴⁷ Jbid. S. 301. (Dwór „obywatelski” był z reguły przychylny białoruszczyźnie. Z chłopem rozmawiało się po białorusku. Poprawne i płynne mówienie po białorusku było jak by swoistym stylem. Zachęta i pielęgnowanie języka, folkloru i obyczaju białoruskiego było uważane za jedyny skuteczny, no i legalny sposób walki z rusyfikacją. Wyśmiewano i tępieno zarówno rusycyzmy jak polonizmy. Dwory, które pod wpływem zaniesionej z zachodu zarazy endeckiej próbowały polonizować białorusinów, były bardzo nieliczne).

и Россией, и не сомневались мы, что край наш должен вернуться к Польше, Польше независимой в давних, до разделов, границах. Поэтому нужно было укреплять в польскости нашу службу, католическую и польскую по происхождению, утверждая в ней польскость, – так считали мы»¹⁴⁸. С этой целью в семье Чапских службе показывали с помощью видеопроектора картинки Кракова, Вавеля, читали «Оборону Ченстохова».

Помещик Могилевской губернии Кароль Борисович в своих воспоминаниях так описывал национальные отношения: «... на национальной почве антагонизмы не проявлялись вовсе. Белорусский народ, занятый тяжелым трудом добывания хлеба насущного, не мог выделить из своей среды борцов за национальное возрождение. Зато заслуги местного польского элемента в истории белорусской письменности являются огромными. Насколько соперничавшая с нами на той территории российско-царская культура была захватнической и уничтожала местные особенности, настолько здешние поляки в своих высказываниях подчеркивали, что белорусский народ, как и каждый другой, имеет право на независимое национальное развитие. Видя распространяющуюся все глубже русификацию края через церковь (после ликвидации белорусского национального униатского костела – унии), через школу и воинскую службу, горстка польской интеллигенции стремилась к созданию самостоятельного белорусского движения. Говорилось тогда о нас, что все белорусы могут уместиться на одном диване – и это не было преувеличением: национального сознания в широких массах не было»¹⁴⁹. Таким образом, в высказываниях Борисовича видим проявления определенной

¹⁴⁸ Czapska M. Europa w rodzinie. Czas odmieniony. Kraków, 2004. S. 228 (Czym był nasz kraj rodzinna Białoruś, jak nie częścią Wielkiego Księstwa Litewskiego, przez cztery wieki z Polską połączony, przez Rosję zagarnięty? O budzącej się świadomości narodowej Białorusinów nic wtedy nie wiedzieliśmy. Należało wybierać między Polską a Rosją, a nie wątpiliśmy, że kraj nasz do Polski wrócić powinien, Polski niepodległej, w dawnych, przedrozbiorowych granicach. Należało więc uświadamiać w polskości służbę naszą, katolicką i z pochodzenia polską, utwierdzać w nich polskość – tak sądziliśmy.)

¹⁴⁹ Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Dział Rękopisów. 15413- II. Karol Borysowicz. Pamiętniki do 1939 r. Cz. 1. Białoruś jaką pamiętam. S. 38–39 (... na tle narodowościowym – antogonizmy nie ujwniały się wcale. Lud Białoruski, zajęty ciężką pracą przy zdobywaniu chleba powszedniego, nie mógł wyłonić ze swego środowiska bojowników o odrodzenie narodowe. Natomiast zasługi tutejszego żywiołu polskiego, zwłaszcza w dziejach piśmiennictwa białoruskiego, są ogromne. O ile rywalizująca z nami na tym terenie kultura rosyjska-carska była zaborczą i niszczyła odrębności miejscowe, o tyle tutejci Polacy w swych wypowiedziach podkreślali, że lud białoruski, jak każdy inny, ma prawo do niezależnego rozwoju narodowego. Widząc sięgającą coraz głębiej rusyfikację kraju przez cerkiew (po zniesieniu białoruskiego kościoła narodowego – Unii), przez szkołę i służbę w wojsku – garstka inteligencji polskiej dążyła do stworzenia odrębnego ruchu białoruskiego. Mówiono wówczas o nas, że wszyscy Białorusini mogą zmieścić się na jednej kanapie – i to nie było przesadą – poczucie narodowe w szerszych masach nie istniało.)

амбивалентности, когда он причисляет себя к деятелям белорусского национального движения, но тут же пишет о себе уже как о представителе польского общества: «Участие и влияние кресовых поляков в возрождении Беларуси объясняется тем, что, с одной стороны, волновала нас будущая судьба родной земли и народа, с которым совместно жили веками, с другой же стороны, – считали мы, что таким способом спасаем край этот от слияния с Москвой и готовим независимость Беларуси, потенциально федеративной с Польской Речью Посполитой. Многовековое польско-белорусское общежитие создало тип человека, который, будучи поляком, по-своему любил Беларусь как составную часть Польши, или – будучи белорусом – любил свое более обширное отечество, польскую Речь Посполитую. Почти каждый из нас мог сказать о себе „Gente Alba-Ruthenus, natione – Polonus”, поскольку предки наши приняли польскую культуру вместе с гербом и вольностями, которые давала принадлежность к польской шляхте. Не разорвали мы, однако, духовных связей с белорусскими народом – и, возможно, подсознательно стремились к искуплению обид, нанесенных в прошлом»¹⁵⁰. К. Борисович вспоминал, что лично выписывал белорусские календари, выдаваемые в Вильно после 1905 г. издательством «Наша Нива», и раздавал их народным учителям¹⁵¹. Вместе с тем он активно занимался полонизацией околичной шляхты, которая еще оставалась белорусскоязычной: «Мечтал об ополячении мелкой шляхты польского происхождения, но преимущественно уже обелорусившейся, и о белорусизации коренного народа, уже в значительной степени – через армию и школу – русифицированного... Видел в этом цель своей деятельности». Но подобное видение национальных отношений в начале XX ст. все труднее уживалось с растущими новыми проявлениями национализма, которые требовали от своих сторонников однозначного выбора и отказа от амбивалентности.

¹⁵⁰ Zakład Narodowy... S. 39–40 (Udział i wpływ Polaków Kresowych na odrodzenie Białorusi tłumaczy się tym, że – z jednej strony obchdził nas los przyszły ziemi ojczystej i ludu, z którym się współżyliśmy do wieków, z drugiej zaś – sądziliśmy, że w ten sposób ratujemy ten Kraj przed zlaniem się z Moskwą i że szykujemy niepodległość Białorusi, ewentualnie zjednoczonej czy sfederowanej w przyszłości z Rzeczpospolitą Polską. Wielowiekowe współżycie polsko-białoruskie wytworzyło typ człowieka, co będąc Polakiem kochał po swojemu Białoruś, jako część składową Polski, albo – będąc Białorusinem – kochał swoją szerszą ojczyznę Rzeczpospolitą Polską. Byli to ludzie, którzy rozwój społeczeństw opierali nie na wyniszczającej wzajemnie i zatruwającej dusze nienawiści, lecz na miłości i zgodnej współpracy tych których łączyło wspólne życie do dziada-pradziada. Niemal każdy z nas mógł powiedzieć o sobie „Gente Alba-Ruthenus, natione – Polonus”, gdyż praojcowie nasi przejęli kulturę polską wraz z herbem i wolnościami, jakie przynależność do szlachty polskiej dawała. Nie zerwaliśmy jednak więzów duchowych z ludem Białoruskim – i może podświadomie dążyli do wyrównania krzywd, dokonanych w przeszłości).

¹⁵¹ Ibid. S. 41.

Среди лидеров белорусского национального движения в начале XX ст. главную роль играли именно интеллигенты шляхетского происхождения. В Беларуси преимущественно из шляхты формировалась та часть интеллигенции, которую составляли представители так называемых свободных профессий. Один из наиболее деятельных активистов белорусского движения Вацлав Ивановский, который был сыном зажиточного помещика и одновременно высокопоставленного имперского чиновника, написал на польском языке обращение к местной интеллигенции: «Оторванные от народа своей образованностью, полученной на чужом языке, вы не смогли создать собственной самостоятельной культуры и находитесь в пренебрежении у соседей. И поделом – не достигли того, чего смогли достичь во сто раз малочисленнее от вас литовцы, сербы, хорваты и т.д.»¹⁵². Ивановский призывал интеллигенцию дать народу образование на родном языке, «поскольку родной язык – это проявление души, ее чувств и мыслей». В целом роль интеллигенции шляхетского происхождения в белорусском национальном возрождении следует признать очень важной. Но как социальная группа дворянство не могло, да и не желало, становиться главной силой белорусского национального движения. Эту функцию в условиях Беларуси могла выполнить, как нам представляется, только интеллигенция крестьянского происхождения.

Духовенство в развитии нациотворческих процессов в Беларуси периода Российской империи

Духовенство сыграло очень важную роль в развитии национальных движений европейских народов в XIX в. Как отметил Мирослав Грох, значение духовенства в процессах национального возрождения определялось спецификой его роли в жизни традиционного аграрного общества: 1) приходское духовенство находилось в постоянном контакте с массами крестьянского населения; 2) необходимым условием успешной духовной работы было знание языка своих прихожан. Правда, М. Грох утверждал, что именно в белорусском национальном движении участие духовенства (как самого многочисленного до 1839 г. униатского, так и духовенства остальных конфессий) в целом было незначительным¹⁵³. Очевидно, что когда в Галиции на протяжении XIX ст. большинство национальных деятелей вышли из среды униатского духовенства, то в Беларуси ситуация выглядела совсем иначе. И все же определенные параллели с украинским движением просматриваются. На это обратил внимание Олег Латышонок, когда сравнил с Галицией западную

¹⁵² Turonek J. Waclaw Iwanowski i odrodzenie Białorusi. Warszawa, 1993. S. 28.

¹⁵³ Hroch M. Małe narody Europy: Perspektywa historyczna. Wrocław, 2003. S. 83.

окраину белорусской этнической территории, которая в 1795 г. вошла в состав Прусского государства¹⁵⁴. Тогда многие дети униатских священников получили возможность учиться в основанных немецким правительством учебных заведениях и получать неплохое для своего времени образование. Именно из среды униатского приходского духовенства Белосточчины и Гродненщины вышли такие известные ученые Виленского университета, как Михаил Бобровский, Игнатий Данилович, Игнатий Онацевич, Платон Сосновский. Именно их заслугой в значительной степени было пробуждение в образованном обществе интереса к историко-культурному наследию Великого Княжества Литовского, в особенности «русской» части этого наследия, а также и к народной крестьянской культуре и белорусскому языку. Сохранились воспоминания, что профессор Михаил Бобровский выступил в защиту белорусского языка в 1826 г. перед студентами духовной семинарии, которая входила в состав Виленского университета¹⁵⁵. В этом выступлении он также напомнил о культурном наследии первопечатника Франциска Скорины. Олег Латышонок даже утверждает, что «зарождение белорусского национализма, так же как литовского и украинского в Галиции, связано с просветительской деятельностью духовенства»¹⁵⁶.

Зачинателями белорусского национального возрождения называет Михала Бобровского и Игнатия Даниловича также известный белорусский исследователь Арсений Лис¹⁵⁷. Белорусский антрополог Павел Терешкович утверждает, что в 1815–1817 гг. (а возможно, и ранее) Михаил Бобровский и Игнатий Данилович действительно выступали как лидеры белорусского возрожденческого движения, но Бобровский постепенно перешел на позиции «общеславянского религиозно-культурного возрождения, позже эволюционировал в направлении протозападноруссизма, о чем свидетельствовали его надежды использовать российскую имперскую власть для усиления позиций униатской церкви, а также негативное отношение к восстанию 1830–1831 гг.»¹⁵⁸.

Когда профессора Михаила Бобровского выслали из Вильно простым священником в местечко Шерешево Пружанского уезда Гродненской губернии, то он начал произносить проповеди для простых крестьян на белорусском

¹⁵⁴ Латышонок А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі // Спадчына. 1992. № 1. С. 9–14.

¹⁵⁵ Łatyszzonek Oleg. Białoruskie Oświecenie // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1994. № 2(2). S. 44.

¹⁵⁶ Jbid. S. 45 (...początki białoruskiego nacjonalizmu związane są tak jak litewskiego i ukraińskiego w Galicji z oświeceniową działalnością duchowieństwa).

¹⁵⁷ Лис А. Цяжкая дарога свабоды. С. 8–10.

¹⁵⁸ Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004. С. 72.

языке, что вызвало искреннее удивление современников. Один из учеников М. Бобровского Плакид Янковский вспоминал в 1864 г.: «И вот заслуженный профессор университета и член-корреспондент разных зарубежных и отечественных обществ... знаменитый философ-ориенталист, знавший притом в совершенстве почти все новейшие языки Европы, начинает аккуратно, по воскресеньям и праздникам, произносить поучения на простонародном наречии...»¹⁵⁹.

Можно ли считать случайным тот факт, что именно выходцы из среды униатского духовенства сыграли заметную роль в развитии гуманитарных наук в Виленском университете? По-видимому, – нет. Для «поповичей», как часто называли сыновей униатских священников, наука была единственной возможностью социального успеха. Их выбор жизненного пути был более ограниченным по сравнению со шляхетской молодежью. Что представляло собой в то время униатское духовенство как социальная группа общества? Попробуем проиллюстрировать это на примере Гродненской губернии. По данным местной государственной администрации, в 1832 г. в Гродненской губернии при 355 униатских храмах служили 444 священника. Следует заметить, что униатское духовенство являло собой достаточно замкнутую группу, с ограниченным доступом извне. Среди священников Гродненщины 384 (86%) принадлежали к своему сословию по рождению, или, иначе говоря, были сыновьями священников. И лишь 14% происходили из других сословий: из шляхты – 21 священник, из «вольных людей» – 30, из мещан – 3, из церковнослужителей – 3, из крестьян – 2 (ими были Челестин и Самсон Бренны из деревни Яцковичи Брестского уезда). В семьях священников насчитывалось 678 сыновей, а также 119 других родственников мужского пола (братьев, племянников, внуков). Дети священников учились почти исключительно в духовных училищах и семинариях. Например, в Литовской духовной семинарии в Жировичах насчитывалось тогда 62 ученика, и почти все они были детьми священников¹⁶⁰.

В Гродненской губернии насчитывалось также 16 базилианских монастырей и 122 монаха-базилианина. Менее половины среди них составляли уроженцы Гродненщины, остальные происходили из различных губерний Западного края и Царства Польского, а трое монахов являлись уроженцами Львова, который в то время принадлежал к империи австрийских Габсбургов. Относительно места рождения монахов Новоселецкого монастыря в Кобринском уезде Федора Звирдовского и Онуфрия Фальковского было записано, что они «из Литвы», а относительно Ивана Белевича – «из Белой

¹⁵⁹ Янковский П. Протоиерей Михаил Бобровский // Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 2. С. 65.

¹⁶⁰ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 27. Ед. хр. 230. Л. 123–124.

Руси»¹⁶¹. Следует отметить, что Кобринский уезд в сознании современников был частью Полесья.

Экономическое положение униатского приходского духовенства трудно назвать привлекательным. Особенно это бросается в глаза при сравнении материальной обеспеченности сельских униатских священников с соседними римо-католическими приходами. Бедность униатского духовенства обрекала его на полную зависимость от землевладельцев, которые практически все были римо-католиками, но также и от российских имперских властей.

На рубеже XIX–XX вв. униатское духовенство на белорусских землях было уже достаточно сильно полонизированным в культурно-языковом отношении. Как свидетельствуют источники, языком официальной и личной переписки в этой среде уже стал польский. Автору в свое время удалось побывать на старом деревенском кладбище на Белосточчине, где похоронена мать профессора Михаила Бобровского. Надпись на памятнике была выполнена на польском языке. Безусловно, во многих деревнях даже до середины XX в. сохранялись псалмы на белорусском языке, которые, например, исполнялись на деревенских похоронах. Но уже в начале XIX в. многие униатские священники произносили проповеди для своих прихожан на польском языке, а белорусские крестьяне заучивали на этом языке свои ежедневные молитвы. Язык молитвы являлся для крестьян сакральным языком, важным составляющим элементом в структуре его самоидентификации. Это отлично понимали имперские власти, которые позже прилагали огромные усилия, чтобы языком молитвы крестьян-белорусов стал церковно-славянский, а священники произносили проповеди на русском.

Постепенная унификация униатских обрядов и сближение их с обрядами римо-католическими после Замойского собора 1720 г. вызывали недовольство значительной части униатского приходского духовенства. Это духовенство было недовольно и засилием в руководстве церкви монахов-базилиан, среди которых преобладали сторонники полного слияния униатства с римо-католичеством. Противоречия между «белым» приходским духовенством и базилианами возникали и потому, что среди монашества было много выходцев из шляхетской среды, которые отличались своей ментальностью от наследственных деревенских священников. Этот конфликт имперская власть умело использовала в своих политических целях.

Среди униатского духовенства насчитывалось немало тех, кого можно отнести к идейным «западнорусам», хотя этот термин в начале XIX в. не использовался. Сторонники данного направления были согласны на ликвидацию самостоятельной униатской церкви и обращение униатов в православие.

¹⁶¹ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 27. Ед. хр. 230. Л. 24 об.

Опираясь на таких лидеров этой партии, как Иосиф Семашко, российское правительство постепенно и планомерно готовило «воссоединение». И эта подготовка стремительно ускорила после восстания 1830–1831 гг. В административной переписке этого времени отчетливо просматривается формирование нового дискурса, в котором униаты рассматривались как «издревле русские», подвергнутые многовековому польско-католическому влиянию, но готовые к национальному «возрождению». Здесь более других российских чиновников усердствовал гродненский губернатор Михаил Муравьев. Его можно считать одним из творцов нового российского национализма. Муравьев писал тогда литовскому митрополиту Иосифу Семашко об открытии духовной семинарии в Жировицах, что это «первый опыт возрождения в стране сей, издревле русской, настоящей отечественной народности... настоящих понятий о истории церкви в сем крае»¹⁶². Муравьев также отлично понимал важность исторических аргументов в национальной политике. Губернатор посылал своих чиновников искать в монастырских библиотеках документы о древней истории православия на Гродненщине, а также поручил чиновнику Игнатию Кулаковскому написать историю православной церкви в Гродно. Можно утверждать, что Михаил Муравьев в 1830-х гг. активно разрабатывал технологию и практику русификации, которые в полную силу использовал после восстания 1863 г., уже будучи виленским генерал-губернатором и начальником Северо-Западного края.

Ликвидация унии и самостоятельной греко-католической церкви имела огромное значение для белорусской истории. Исчез важнейший маркер самоидентификации, который отличал белорусов униатского исповедания от православных россиян и римо-католиков, поляков. Теперь уже православное приходское духовенство постепенно русифицировалось, хотя этот процесс и затянулся на десятилетия. В новых условиях деревенские священники избрали для себя стратегию полной лояльности к имперской власти, которая гарантировала им относительное благополучие, могла защитить от произвола землевладельцев, а их детям обеспечить возможность социального успеха. Из среды уже православного (бывшего униатского) духовенства вышли многие деятели «западнорусского» направления, которые считали Беларусь западной окраиной России и не видели смысла в создании литературного белорусского языка.

Ликвидация унии имела значительные последствия для религиозности сельского населения Беларуси. Грубое вмешательство государственной власти в религиозную жизнь заметно подорвало авторитет церкви и духовенства в глазах крестьян. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические источники второй половины XIX – начала XX в. Так, псаломщик Иван

¹⁶² НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 27. Ед. хр. 708. Л. 58.

Карский писал, что крестьяне его парафии в Гродненском уезде весьма негативно относились к изменениям в их храме: «...там не знал ни одного крестьянина, ни одной крестьянки, которые были бы расположены к Церкви Божией. Они если и ходили когда в церковь, то весьма неохотно, так сказать вынужденным образом, только для исповеди... в воскресные дни там более 10 баб и 2-х или 4-х мужчин никогда не бывало»¹⁶³. Причем, как отметил Карский, прихожане часто задавали ему язвительные вопросы относительно нового интерьера церкви, приговаривая при этом: «Цихо, цихо! Прыдзе француз – ён там выкіне з церкви гэты вароты к чорту!»¹⁶⁴. По наблюдениям Карского, крестьяне Гродненского уезда еще достаточно долго придерживались старых традиций и обрядов: «Крестьяне нашего уезда, хотя и были присоединены к православной церкви в 1839 г., но вплоть до 1855 г. все почти церковные обряды совершались на униатский лад. Ходили они, правда, в церковь, но все молитвы и песни церковные там читали и пели польские, и в то же время не в состоянии были пропеть по-русски даже “Господи, помилуй!”. Если священник или причетник бывало предложит им это сделать, то они обыкновенно отвечали: “Мы не москале, каб спевать “Господи, помилуй!”. Из 5 тысяч прихожан только 5 знали русские молитвы, остальные молились по-польски, коверкая слова на свой лад»¹⁶⁵.

Относительная легкость, с которой российское правительство достигло своей цели и ликвидировало самостоятельную церковную организацию, объясняется, на наш взгляд, зависимым материальным положением униатского приходского духовенства, невысоким, в целом, уровнем его образованности и достаточно низким статусом в структуре общества. Униатство рассматривалось как «крестьянская вера», а шляхта с некоторым пренебрежением относилась к «попам». В таких условиях большинство приходского духовенства видело в имперской власти защитника от землевладельцев римо-католиков и гаранта материального благополучия. После 1839 г. православное приходское духовенство становится главной опорой российского правительства в Беларуси. Именно с его помощью власти проводят среди широких масс сельского населения идею верности престолу. Позиция приходского духовенства сыграла очень важную роль в том, что большинство белорусского крестьянства негативно отнеслось к восстанию 1863 г.

Но в начале 1860-х гг. некоторые приходские священники пытались произносить проповеди на белорусском языке¹⁶⁶. Огромную роль сыграли

¹⁶³ Шейн П. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Т. 2. СПб., 1902. С. 88.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Піваварчык С. Стэфан Пашкевіч аб «простанародном нареччии»: лёс беларускага святара сярэдзіны XIX ст. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1999. № 1(11). С. 179–185.

выходцы из среды православного духовенства в развитии белорусской этнографии, фольклористики и языкознания. Здесь достаточно вспомнить имена Павла Шпилевского и Ивана Носовича, которые заложили основы изучения белорусского языка и фактически обосновали его самостоятельность среди других славянских языков.

Но несомненно также и то, что абсолютное большинство представителей православного духовенства того времени можно отнести к сторонникам «западноруссизма», которому известный историк и политик Александр Цвикевич дал следующее определение: «Под “западноруссизмом” мы понимаем то течение в истории общественной мысли в Беларуси, которое считало, что Беларусь не является страной с отдельной национальной культурой и не имеет по этой причине права на самостоятельное культурное и политическое развитие, но культурно и государственно она является частью России и поэтому должна рассматриваться как один из ее составных элементов»¹⁶⁷. Отцом «западноруссизма» А. Цвикевич считал Иосифа Семашко, который в своих записках императору обосновывал необходимость слияния унийатов с православием и борьбы с полонизацией. Ограничительная политика российского правительства относительно местной шляхты, запрет на некоторые государственные должности создавали возможности для социального успеха тех же «поповичей», или сыновей священников, которым уже не хватало приходов, чтобы продолжить занятия своих отцов. Поэтому большинство православного духовенства, как и местная православная шляхта и мещанство, достаточно охотно воспринимали и поддерживали идеологию «западноруссизма».

Одним из главных теоретиков и пропагандистов этой идеологии стал уроженец Гродненщины известный историк и публицист Михаил Коялович. М. Коялович имел достаточно четко выявленную западнорусскую идентичность и понимал под Западной Россией Беларусь и Украину: «Под именем Западной России нужно разуметь не одну Белоруссию или Литву, а вместе с ними и Малороссию, т.е. нужно разуметь ту страну, которая лежит на запад от Днепра и юго-запад от Двины до границы Царства Польского и Австрийской империи»¹⁶⁸. В публицистических текстах М. Кояловича в начале 1860-х гг. проявляется своеобразный «западнорусский» патриотизм. Элитой «западнорусского» народа он считал местное православное духовенство, которое должно выполнять свою историческую миссию. Так, в 1863 г. на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» М. Коялович рассуждал на тему исторического призвания «западнорусского» духовенства, которому, оно, однако, пока не соответствовало. Коялович писал об оторванности, в

¹⁶⁷ Цвікевіч А. Западноруссизм. Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. 2-е выд. Мінск, 1993. С. 7.

¹⁶⁸ Коялович М. Лекции по истории Западной России. М., 1864. С. 3.

том числе и языковой, приходских священников от своих собственных прихожан: «...видя в нем (священнике. – С.Т.) русское, но не полное, он (народ. – С.Т.) ставит его в один ряд с чиновниками, а видя в нем польское – зачисляет в разряд панов. А так как народ не считает своими братьями ни чиновников, ни панов... не мог считать своими братьями также и священников»¹⁶⁹. Причина оторванности духовенства от народа, по мнению Кояловича, состоит в том, что священники не желают обращаться к народу на его родном языке. После крестьянской реформы 1861 г. православному духовенству, как считал профессор, «необходимо было отбросить и внешнее великорусское, похожее на чиновничество, и шляхетское польское, еще более чуждое для народа <...> Тут необходимо стало показать народу его чисто родное или показать совершенную пустоту»¹⁷⁰. Однако православное духовенство Западных губерний не смогло дать ответ на этот вызов времени и найти в себе силы обратиться к прихожанам на их родном языке: «Но что же вышло? Неужели в эти минуты жгучей народной жажды к живому народному слову не нашлось людей, которые оправдали народное доверие и любовь к себе... Я достоверно знаю, что во многих местностях Западной России есть такие достойные православные священники, особенно в Малороссии и в серединной части Белоруссии... Но к великому сожалению, они все вместе – очень не многочисленны»¹⁷¹. Таким образом, Коялович в данной статье по сути ратовал за введение белорусского и украинского языков в православные храмы и в определенной степени противопоставлял «западнорусское» духовенство как польской шляхте, так и великорусскому чиновничеству. Но возможностей для самостоятельного политического развития Западной России Коялович не видел: «Было в Западной России некоторое время, что тамошние образованные люди, усвоившие польскую цивилизацию, пробовали самостоятельно взглянуть на свою сторону. Это было во времена Виленского университета, который страшно полонизировал Западную Россию, так полонизировал ее, как не полонизировали ее никакие польские неистовства во времена Польского государства, но который, по естественному порядку вещей, развивал также в немногих личностях и противоположное направление. Вследствие этого в Западной России начала образовываться небольшая партия польских людей, которые приходили к сознанию, что и сами они не поляки, а тем более не польский – народ их страны. Они задумали возстановить (в науке) самостоятельность Западной России, основали они ее на следующих началах. Они взяли старую идею политической независимости Литвы и полагали, что Западная Россия может выработать

¹⁶⁹ Коялович М. Историческое призвание западно-русского Православного Духовенства // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 2. С. 65.

¹⁷⁰ Там же. С. 66.

¹⁷¹ Там же. С. 66–67.

эту самостоятельность при той же польской цивилизации, только с той особенностью, что цивилизация эта должна проникать в Западную Россию свободно, естественно, без всякого насильственного подавления местных народных особенностей. Так, это теория высказывается довольно заметно в трудах Даниловича, в истории Литвы Нарбута и в сочинениях Ярошевича “Картина Литвы”. Теория эта слишком шатка. Политическая самостоятельность Западной России невозможна и еще более невозможна, если можно так выразиться, при польской цивилизации. Тогда эта самостоятельность кончилась тем же, чем кончалась прежде – например, в половине XVI столетия, когда Литва сливалась с Польшей. Следовательно, эта теория и может иметь значение только как теория злонамеренная. Недаром ее высказывали, как слышно, недавно некоторые поляки Западной России»¹⁷². Идея независимости Западной России представляется Кояловичу опасной интригой поляков. Поэтому он пишет о «призраке» «так называемого малороссийского сепаратизма»¹⁷³. Причем, по мнению Кояловича, Беларусь как раз может помочь малороссам избавиться от этой опасности: «В преодолении этих трудностей и вообще в изучении западнорусской жизни должна бы помочь Малороссии – Белоруссия. Подозрительных крайностей в области социальных и политических вопросов она не может иметь. Она так бедна, так убога, что не может допускать праздных теорий, отвлеченных мечтаний. Ей нужно решать только насущные, существенно необходимые, вопросы. Да и белорусское племя так близко в великорусскому, что никакой сепаратизм не может в нем иметь силы»¹⁷⁴. Здесь Коялович повторяет достаточно устойчивые в этнографии и публицистике того времени тезисы о бедности, слабости и забитости белорусов: «Белорусское племя не имеет тех богатых особенностей, какими отличается малороссийское. Белорусское племя населяет среднюю часть Августовской губернии – отсюда простирается через северную половину Гродненской, юго-восточную Виленской – к северо-востоку, занимает почти всю Минскую губернию, Витебскую, большую часть (северную) Могилевской – далее не малое число его живет в Смоленской губернии и Псковской»¹⁷⁵. Всего же профессор насчитывал 2 600 000 белорусов. Приступая к описанию условий жизни «белорусского племени», Коялович полностью воспроизводит колониальный дискурс, в соответствии с которым белорусы представляются несчастными, убогими жертвами неблагоприятных обстоятельств: «Природа, кажется, собрала в стране Белороссии все неудобные для жизни человека условия... Пески, болота, низшаго сорта лес покрывают почти всю Белоруссию. В такой стране народ не может

¹⁷² Коялович М. Лекции по истории Западной России. С. 24.

¹⁷³ Там же. С. 25.

¹⁷⁴ Там же. С. 27.

¹⁷⁵ Там же. С. 40–41.

отличаться богатыми физическими свойствами. Белорусы большей частью небольшого роста, хилы, вялы, бледны. Нередко парни и девушки раньше двадцати лет уже не имеют кровинки в лице. Благополучие им редко знакомо... Среди песков, болот, лесов, белорусы живут, как будто на островах, между которыми иногда по несколько месяцев не бывает никакого сообщения. В таких местах белорусы часто вынуждены заключать браки в близком родстве и доходят до страшного безобразия и уродства»¹⁷⁶. Одновременно Коялович подчеркивает самобытность и нетронутость белорусской культуры: «Они действительно более сохранили свой древний быт, чем малороссы. Самая речь их более чиста, более близка к великорусскому языку, чем малороссийское наречие»¹⁷⁷. Вспоминает профессор и литвинов (литовцев), которые рядом с белорусами «живут рядом с незапамятных времен и в большой дружбе, которую и теперь можно видеть»¹⁷⁸. Таким образом, отношение к литовцам у Кояловича куда более дружественное, нежели к полякам.

Следует подчеркнуть, что западнорусизм не являлся однородным течением. Можно назвать немало исследователей в области этнографии и языкознания, которые подчеркивали особенности белорусской культуры, ставили белорусов в один ряд с иными славянскими народами, иногда даже подчеркивая культурные преимущества белорусов по сравнению с великорусами в XV–XVI вв. Белорусский историк Олег Латышонок утверждает, что западнорусизм на белорусских землях являлся своеобразным аналогом полонофильской «краёвости». Обе эти доктрины «не имели собственного стержня, не могли существовать без точки опоры в лице Польши или России»¹⁷⁹.

К началу XX в. «западнорусы» составляли уже достаточно влиятельную прослойку в белорусском обществе. Собственно россиян в белорусских губерниях было относительно немного. В большинстве это были чиновники, для которых Беларусь зачастую являлась только очередным этапом в карьере. Эти люди идентифицировали себя с огромной империей, политическое и военное могущество которой составляло предмет их гордости. Местные западнорусы ощущали более сильные эмоциональные связи со своим белорусским краем. В начале XX ст. они пытались проявить себя и в политической жизни. К белорусскому «нашанивскому» движению западнорусские лидеры отнеслись враждебно, как к «польской интриге». В определенной

¹⁷⁶ Коялович М. Лекции по истории Западной России. С. 41–42.

¹⁷⁷ Там же. С. 43.

¹⁷⁸ Там же. 47–48.

¹⁷⁹ Łatyszonek O. Krajowość i «zapadno-rusizm». Tutejszość zideologizowana // Krajowość – tradycje zgody narodów w dobie nacjonalizmu. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej w Instytucie Historii UAM w Poznaniu (11–12 maja 1998) / Pod red. J. Jurkiewicza. Instytut historii UAM. Poznań, 1999. S. 39.

степени отрицательное отношение к самой идее нобилитации белорусского языка, которая являлась стержнем национальной пропаганды «нашанивцев», можно объяснить и психологическими причинами. Для большинства из них социальный успех был связан с усвоением русского литературного языка, что давало им ощущение принадлежности к высшему обществу, ощущение превосходства над своими белорусскоязычными соплеменниками и часто односельчанами, которые оставались в деревнях. Важнейшим составным элементом западнорусского самосознания по-прежнему выступала также враждебность к польскости во всех ее проявлениях. Овладение русским языком придавало западнорусам ощущение культурного равенства с местной польскоязычной интеллигенцией шляхетского происхождения. Переход на белорусский язык общения представлялся в таких условиях утратой важных культурных приобретений.

Можно утверждать, что западнорусские воззрения были характерными на рубеже XX–XX вв. для большинства государственных чиновников и служащих местного происхождения и православного вероисповедания. Их самосознание можно определить с помощью формулы: рода белорусского, нации российской. Причем удельный вес этнических белорусов среди государственной бюрократии все время возрастал, а среди сельских учителей они составляли подавляющее большинство. Это нельзя считать результатом какой-либо сознательной политики. В государственном аппарате империи высокий уровень мобильности существовал только относительно высшей губернской бюрократии, а среднее и низшее чиновничество повсеместно формировалось из местных кадров. Массовое перемещение государственных служащих на просторах империи было возможным только в таких экстренных ситуациях, как, например, восстание 1863 г., когда в Беларусь и Литву были присланы тысячи чиновников из «великорусских» губерний, чтобы заменить местных, неблагонадежных. Но такие акции требовали от государственной машины огромных ресурсов и усилий. Тот факт, что представителей шляхетского сословия в Беларуси не допускали или старались не допускать на государственные должности, давал шансы для местных православных западнорусов, в том числе и выходцев из крестьянства. Это же служило причиной их лояльности по отношению к империи. Естественно, эти люди стремились как можно скорее усвоить русский язык, чтобы иметь лучшие возможности для карьерного роста, и всячески декларировали свою преданность правительству.

Однако, как отмечает Александр Цвикевич, на рубеже XX–XX вв. западнорусы «не были приняты российской политикой... в качестве положительной силы и по-старому находились на заднем плане местной политики»¹⁸⁰.

¹⁸⁰ Цвікевіч А. Западноруссизм... С. 297.

Действительно, практически все значительные и влиятельные должности в губернской администрации обычно занимали приезжие чиновники. Местным уроженцам оставались, как отмечал Цвикевич, только скудные радости провинциальной жизни. События революции 1905 г. разбудили национальные движения в Западных губерниях и одновременно сделали западнорусов востребованными для власти. В конце 1905 г. в Вильно было основано общество «Крестьянин», которое в начале следующего года стало издавать журнал под таким же названием. Власти оказывали этому обществу финансовую поддержку. «Крестьянин» пытался отражать интересы и желания высшей прослойки белорусской православной деревни. Именно зажиточные крестьяне поставляли большинство мелких чиновников для государственных учреждений и учителей для народных училищ. На них была также ориентирована и столыпинская аграрная реформа. «Крестьянин» поэтому и попытался связать национальный и религиозный вопросы с аграрным, даже выступая за то, чтобы отобрать у польских помещиков часть их земель¹⁸¹. Одновременно подчеркивалась полная преданность самодержавной власти. В 1907 г. в Вильно также основан «Окраинный союз», который позже преобразовывается в Русское окраинное общество с собственным печатным органом «Окраины России». Как отметил А. Цвикевич: «Западноруссизм начинает входить в систему воинственного российского национализма как одна из составных его частей, он превращается в один из аванпостов наступления России на запад»¹⁸². Логическим завершением организационного оформления западноруссизма стало основание в 1911 г. в Петербурге «Западно-русского общества», в котором объединились белорусские «западнорусы» с украинскими «южнорусами». Виленские издания «Крестьянин» и «Северо-Западная жизнь» все время атакуют белорусское национальное движение, а главный свой удар они направляют против попыток нобилитации и литературного возрождения белорусского языка. Причем, как метко заметил А. Цвикевич, западнорусы «никогда не говорили, что Беларусь не должна быть самостоятельной, они собственно доказывали, что по разным причинам она не может быть такой»¹⁸³.

Однако среди западнорусов оформилось направление, которое даже приближалось к возможности признания необходимости автономии для белорусов. В ноябре 1908 г. в результате распада общества «Крестьянин» возникло «Белорусское общество», которое ставило своей целью: «а) поднятие в районе Северо-Западного края культурного и экономического уровня наиболее отсталой в культурном и экономическом отношениях белорусской народности, б) развитие в ней самосознания на началах русской государ-

¹⁸¹ Цвікевіч А. Западноруссизм... С. 302.

¹⁸² Там же. С. 306.

¹⁸³ Там же. С. 327.

ственности, в) примирение на почве справедливости и беспристрастия различных, населяющих Северо-Западный край, народностей»¹⁸⁴. По существу, эта программа во многом напоминала подходы польских «краёвцев». Вместе с тем даже эти либеральные западнорусы считали, что языком высокой культуры и цивилизации для белорусов должен стать русский язык, развитие же белорусского языка и культуры они допускали только в рамках этнографизма, хотя и не выступали категорически против создания литературы на белорусском языке. В аналитической записке Департамента полиции за 1913 г., посвященной развитию белорусского национального движения, говорилось, что в первом же номере газеты «Белорусская жизнь» от 9 февраля 1909 г. г. «появился ряд статей, направленных к возбуждению в белорусской массе вражды к правительству и местным русским деятелям (русским чиновникам, представителям русского дворянства и др.), которых газета назвала пришельцами, явившимися в Северо-Западный край для обрусения местного населения и господства над ним на тех же основаниях, на каких прежде господствовали польские пань; в числе прочего высказывалась мысль, что белорусы «не участвовали в создании Московского Кремля, и потому воды Москвы-реки для них не священны, как не священны воды Вислы»¹⁸⁵. Результатом таких высказываний стала конфискация и запрет газеты. На этом смелость издателей «Белорусской жизни» себя исчерпала и появилась куда более лояльная и русификаторская газета «Северо-Западная жизнь».

Таким образом, социальной средой, в которой зародилась западнорусская идеология, вначале выступало униатское и православное духовенство. Из него выходили образованные интеллектуалы, такие как Михаил Коялович, которые формировали западнорусский дискурс. Со временем среди западнорусов все большую роль начинают играть выходцы из зажиточных слоев православной деревни. На эту социальную группу ориентируют свою деятельность и западнорусские общественные объединения. Однако нам представляется очень важным, что социальная среда, на которую ориентировались западнорусы – мелкое чиновничество, народные учителя, волостные писари и старшины, зажиточные хозяева, – содержала в себе потенциал национальной белорусской идеологии. В определенных политических условиях для многих западнорусов первая часть формулы их самосознания – рода белорусского, нации российской – могла изменить свое этнокультурное содержание на национально-политическое. И подобное явление часто наблюдалось после развала Российской империи в результате Первой мировой войны, революции и попыток создания белорусской государственности.

¹⁸⁴ Смальянчук А. Гісторыя беларускага нацыянальнага руху вачыма чыноўнікаў Дэпартамента паліцыі. 1908, 1913 г. // Гістарычны альманах. 2002. № 6. С. 203.

¹⁸⁵ Там жа.

Достаточно важную роль в белорусском национальном строительстве сыграло также римско-католическое духовенство. В первой половине XIX ст. эта социальная группа формировалась преимущественно из шляхты и мещанства. Католический костел в этот период проявлял заметную активность в сфере народного образования, и при сельских храмах нередко возникали приходские, или парафиальные, школы, в которых использовался и белорусский язык. Интересна в этом контексте просветительская деятельность католического ксендза Магнушевского в местечке Крошине Новогрудского уезда, который организовал при своем костеле такую парафиальную школу. В то время в местечке вспыхнул бунт местных жителей против помещика, вызванный увеличением повинностей и переделом земли. Власти предположили, что школа могла сыграть во время бунта подстрекательскую роль. Во время ее проверки чиновники нашли у ученика Павла Багрима стихотворение на белорусском языке «Зайграй, зайграй, хлопча малы» с ярко выраженным протестным содержанием. Трудно ответить на вопрос, был ли Багрим автором этого стихотворения, несомненно, одного из самых талантливых в белорусской поэзии XIX в. Сам мальчик был уверен, что стихотворение написано на «простом польском языке».

После подавления восстания 1863 г., которое активно поддерживалось частью приходского католического духовенства, царское правительство предпринимает попытку русификации католического костела на белорусских землях. В декабре 1869 г. царским разрешением ксендзам предоставлялась возможность провозглашать своим прихожанам проповеди на «русском языке в том или другом его наречии»¹⁸⁶. На практике это «разрешение» вылилось в откровенное насаждение русского языка в костелах Беларуси. Любопытно, что когда в 1866 г. группа ксендзов Витебской и Могилевской губернии обратилась к имперским властям с просьбой разрешить им проносить проповеди на белорусском языке, то это предложение было расценено как желание уклониться от введения русского языка и попытка сосрещать польский язык в костеле¹⁸⁷.

Как свидетельствуют результаты переписи 1897 г., большинство католических ксендзов на белорусских землях осознавали себя поляками. Например, в Гродненской губернии среди неправославного духовенства (абсолютное большинство которого составляли именно католические ксендзы) польский язык родным признал 171 человек, белорусский – 38, литовский – 7, немецкий – 6, латвийский – 4 человека¹⁸⁸.

¹⁸⁶ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 27. Ед. хр. 1770. Л. 9.

¹⁸⁷ Миловидов А.И. Распоряжения и переписка графа М.Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае. Вильно, 1910. С. 12.

¹⁸⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. XI. Гродненская губерния. 1904. Табл. XXII.

В том же 1897 г. папа римский Лев XIII официально разрешил использовать в костелах Беларуси белорусский язык для обучения религии, но белорусизация продвигалась очень медленно¹⁸⁹, хотя постепенно пробивала себе дорогу. Часть приходского католического духовенства в начале XX в. имела белорусское национальное самосознание и, более того, вела национальную агитацию среди своих прихожан. Такая агитация часто была очень эффективной, поскольку католическое духовенство традиционно пользовалось высоким авторитетом у своей крестьянской паствы, и ксендз нередко выступал в роли судьи, врача, учителя и советчика по самым разным жизненным вопросам. Особенно много католических священников, которые стали активистами белорусского национального движения, вышло из стен Петербургской духовной академии: Франц Будько, Адам Лисовский, Люциан Хветько, Владислав Толочко, Ильдэфонс Бобич, Фабиан Абрантович, Адам Станкевич, Михаил Петровский, Винцент Годлевский, Антон Неманцевич, Андрей Тикота¹⁹⁰.

В 1913 г. начал издаваться католический еженедельник «Biełarus. Tüdniowaja katalickaja hazeta», ориентированный именно на белорусскую католическую деревню. Издатели Антон Бычковский и Болеслав Пачобка пытались совместить национальные и религиозные идеи. И все же в целом лица с белорусским национальным самосознанием среди католического духовенства составляли меньшинство. По данным государственной администрации за 1911 г., из 118 католических ксендзов Гродненской губернии только 31 (26%) считал себя белорусом¹⁹¹. Среди студентов Виленской духовной семинарии за 1912 г. 119 признали себя поляками, 34 литовцами и только 25 белорусами¹⁹². Однако часть католического духовенства, осознававшая себя белорусами и готовая принять деятельное участие в белорусском движении, уже представляла собой достаточно организованную и влиятельную силу, которая основывалась на влиянии приходского духовенства на своих прихожан, высоком образовательном и интеллектуальном уровнях и способности к самоорганизации.

¹⁸⁹ Wasilewski Leon. Litwa i Białoruś: przeszłość – terazniejszość – tendencje rozwojowe. Kraków, 1912. S. 288.

¹⁹⁰ Трацяк Я. Беларускае духавенства ў першай палове XX ст. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1999. № 12. С. 67.

¹⁹¹ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Ед. хр. 1745. Л. 1–25.

¹⁹² Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст. / уклад. Ю. Гарбінскі. Мінск; Мюнхен, 1999. С. 487–491.

Национальная политика Российской империи в Беларуси: дилеммы русификации

Одним из важнейших факторов в развитии нациотворческих процессов на белорусских землях в XX – начале XX в. была политика Российской империи. Ее определяющим вектором стала направленность на полную политическую и культурную интеграцию восточных территорий бывшей Речи Посполитой в состав империи. Но тактика реализации данной политики достаточно часто изменялась в зависимости от переплетения самых различных объективных и субъективных факторов, колебалась от использования жестких силовых методов к определенной либерализации.

Важной проблемой нам представляется то, что относительно начала XX в. достаточно сложно говорить о российском национальном сознании в современном понимании этого термина. Как утверждает украинский историк Роман Шпорлюк, «Российская империя сформировалась до возникновения модерного российского национализма»¹⁹³. Причем, на взгляд британской исследовательницы Лиа Гринфилд, Западная Европа оказывала определяющее влияние на процес формирования современной российской нации: «В связи с постепенным расширением сферы влияния основных западных обществ (которые уже определились как нации) остальные общества... не имели иного выхода, как превратиться в нации... Запад был интегральной, неотъемлемой частью российского национального сознания. Без присутствия Запада существование нации теряло смысл»¹⁹⁴. Определяющей чертой российской идентичности стала идея самодержавия. По мнению Р. Шпорлюка, в формировании этой идентичности большую роль сыграла «украинизация Московии» в результате первой волны ее экспансии на запад: «...после 1654 г. местный российский или великороссийский элемент растворился в новой, единой имперской культуре и идентичности, созданной... силами “русского Запада”»¹⁹⁵.

На рубеже XVIII–XIX вв. правящие круги Российской империи и ее образованные элиты понимали термин «народ» преимущественно в территориально-государственных категориях, а самодержавная власть декларировала одинаковое отношение ко всем своим подданным, несмотря на их разное племенное происхождение и вероисповедание. И эти декларации часто соответствовали реальности, поскольку так называемые «иностранцы», а прежде всего прибалтийские немцы и мигранты из западноевропейских стран могли занимать самые высокие посты в военном и гражданском аппара-

¹⁹³ Шпорлюк Р. Нацыяналізм пасля камунізму: Расея, Украіна, Беларусь і Польшча // ARCHE. № 5. 2001. С. 92.

¹⁹⁴ Цит. по: Шпорлюк Р. Нацыяналізм пасля камунізму... С. 92.

¹⁹⁵ Там же. С. 93.

рате империи. Используя подход Б. Андерсона, можно утверждать, что избранным сообществом, которое контролировало огромное пространство, цементировали династическая монархия Романовых и личная преданность самодержцу представителей многочисленного дворянско-чиновнического народа. Именно интересы этого полиэтнического политического народа в первую очередь отождествлялись с интересами империи и монархии.

Присоединение белорусских земель к Российской империи воспринималось представителями высшей царской бюрократии скорее как возвращение утраченного династического наследия монархии, нежели воссоединение с братьями по крови, хотя этот аспект этнической близости и совместного происхождения жителей восточных земель Речи Посполитой и великороссов также всегда отмечался. Еще императрица Екатерина II придерживалась курса правительственного национализма, более характерного, скорее, для позднего периода, стремясь насаждать русский язык среди местного дворянства и силой переводить крестьян из униатства в православие. Но для успешной реализации такой политики империя поначалу не имела в достаточном наличии ни людей, ни средств, ни понимания всего значения и целей такой политики.

Во времена Павла I и Александра I царская политика становится куда более либеральной. Местной шляхте, по сути, предлагается служить династии Романовых на равных правах с великорусским и прибалтийским дворянством, сохраняя свои обычаи, традиции и польский язык, хотя от идеи полной ассимиляции местного дворянства имперская власть никогда не отказывалась. Причем российские элиты были уверены, что основой и залогом для такой ассимиляции, или полного слияния с российским дворянством, является общее происхождение литвинского и российского дворянства. Например, в амнистии местной шляхте, которая сражалась на стороне Наполеона, изданной Александром I 12 декабря 1812 г. в Вильно, говорилось: «Такой народ, имеющий испокон веков одинаковый язык и происходящий из одного племени с россиянами, нигде и никогда не может быть так счастлив и беспечен, как в полном соединении и слиянии в одно целое с могущественной и прекрасной Россией»¹⁹⁶. Это предложение для шляхты былой Речи Посполитой оказалось неприемлемым, что стало одной из главных проблем внутренней и внешней политики империи. Но в первой трети XX в. российское правительство не создавало особых препятствий в культурном развитии для белорусско-литовской шляхты.

Однако постепенно государственная идеология все более насыщается этническим содержанием. Причем процесс этот в значительной степени

¹⁹⁶ Kurjer Litewski. Nr 1. 1813 (Jako Naród, mający do wieków tenże sam język i z jednego pochodzący plemienia z Rojanami, nigdzie i nigdy nie może być tak szczęśliwy i bezpieczny, jak w zupełnem połączeniu i zlaniu w jedno ciało z potężną i wspaniałomyślną Rosją).

происходит под влиянием польского национального движения. Как справедливо отметил польский социолог Р. Радик: «Распад Речи Посполитой... повлиял не только на эволюцию понятия “народа” среди поляков, но также и россиян... Идея российского народа быстрее наполнялась культурным содержанием в западных губерниях (сталкиваясь с польскостью), нежели в центре России»¹⁹⁷.

Андерсон также считает, что восстания на присоединенных землях бывшей Речи Посполитой в значительной степени повлияли на процесс формирования «правительственного российского национализма»¹⁹⁸. Недаром именно в 1830-х гг. рождается знаменитая формула графа Уварова: самодержавие, православие, народность. А в законодательстве и официальном делопроизводстве Западных губерний все чаще появляются термины «русский дух», «коренное русское происхождение» и т.п.

Необходимо подчеркнуть, что еще до восстания 1830–1831 гг. российское правительство все более методично стало проводить в жизнь мероприятия, которые своей целью имели распространение русского языка и культуры в обыденной жизни Западных губерний. Эти мероприятия в первую очередь затронули шляхетское сословие. Так, с 1825 г. обязательным предметом в средних школах становится история России, которая должна была преподаваться на русском языке¹⁹⁹. Министерский приказ попечителю Виленского учебного округа требовал, чтобы «народное воспитание... несмотря на разность вероисповедания, что до языка, должно быть русское», а «вся иноверная молодежь должна учиться нашему языку и знать его, она должна преимущественно учить наш язык и законы...»²⁰⁰

Что же касается крестьянского населения, то в конце 1820-х гг. властями предпринимались активные подготовительные действия в направлении будущего присоединения униатов к православию. После восстания 1830–1831 гг. эта политика выходит на первый план. И все же даже тогда многие высшие государственные сановники империи не придавали особого значения этнической проблематике. Виленский генерал-губернатор Долгоруков в своем отчете императору, составленном в 1834 г., вначале описывает социальную структуру подчиненных ему территорий и только потом – национальную. Долгоруков выделяет два господствующих сосло-

¹⁹⁷ Radzik R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową ... S. 94 (Rozpad RP ... wpłynął nie tylko na ewolucję rozumienia narodu przez Polaków, ale również i Rosyjan... Idea narodu rosyjskiego szybciej się nasiąkała treściami kulturowymi w guberniach zachodnich (stykając się z polskością) niż w centrum Rosji).

¹⁹⁸ Anderson B. Wspólnoty wyobrażone. Kraków, 1997. S. 92,93.

¹⁹⁹ Jbid. S. 348.

²⁰⁰ Марозава С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады). Гродна, 2001. С. 230.

вия – шляхту и евреев. Шляхетское сословие, по мнению генерал-губернатора, составляли поляки и «потомки первобытных русских племен, которые, слившись с первыми верой и обычаями, именуются простонародно, без различия поляками»²⁰¹. Вместе с тем Долгоруков, несомненно, ратовал за полное слияние в культурном отношении Западных губерний с «остальной Россией», которая, по его мнению, имела на эти земли исторические права. Главными средствами сближения генерал-губернатор считал «язык и нравственное воспитание». Роль языка Долгоруков характеризует таким образом: «... во все времена, во всех странах мира, язык всегда был и будет непосредственным орудием правительств для достижения всевозможных видов и намерений. Везде господствующий язык государства как господствующее вероисповедание, как разум коренных законоположений должен иметь преимущественное уважение местными наречиями отдаленных, приграничных или новоприобретенных стран. Общее употребление господствующего языка в государстве нечувствительно сближает различные племена оно, истребляет самые предания давней вражды, сглаживает воспоминания о происходившем, и наконец, сливает все чуждые племена в один народ»²⁰².

Здесь российский аристократ выступает как типичный представитель умеренного национализма имперского толка (по Энтони Смит), который видит необходимость ассимиляции этнических групп с точки зрения интересов государства и ее бюрократии, но сам этническими вопросами мало интересуется и последние не вызывают у него особенных эмоциональных переживаний. Долгоруков, например, писал о жмудинах: «Хлебородная Самогития, близкая к морю и Неману, населенная бодрым и трудолюбивым народом, заслуживает особого внимания Правительства (...) сохранив жмудский язык (...) народ сей имеет еще, так сказать, некоторый вид самостоятельности». Похвалив бодрых «самогитов» за их трудолюбие, Долгоруков далее преспокойно предлагает: «В ней (жмуди. – С.Т.) необходимо (...) устроить несколько русских селений, чтобы со временем коренные жители смешались с выходцами из Российских губерний»²⁰³.

В начале 1830-х гг. одним из самых известных этнонационалистов среди высокопоставленных имперских чиновников стал Михаил Муравьев, который прославился жестокими и решительными действиями в качестве могилевского и гродненского губернатора во время восстания. Фактически он одним из первых достаточно ясно и четко сформулировал основы этнокультурной политики российского правительства в Западных губерниях. В

²⁰¹ Его Императорскому Величеству генерал-губернатора князя Долгорукова всеподданнейшее донесение // Чтения в обществе истории и древностей Российских. Кн. 1. М., 1864. С. 22.

²⁰² Там же. С. 180.

²⁰³ Там же. С. 184.

своей записке, посланной в Петербург, Муравьев в первую очередь предлагал, чтобы все губернские чиновники назначались здесь из числа «коренных русских», поскольку без этого условия «нельзя приступить к каким-либо политическим преобразованиям, совершенно необходимым для уничтожения всех элементов, упрочивших отчуждение края сего от России»²⁰⁴. Затем Муравьев также предлагал ряд необходимых, с его точки зрения, мероприятий, среди которых выделял закрытие Виленского университета, отмену действия Статута ВКЛ, исключение польского языка из делопроизводства, образования и т.д. Многие из этих идей вскоре были реализованы на практике, хотя некоторые были признаны Западным комитетом (государственное учреждение, специально основанное для выработки правительственной политики в Западном крае) излишне радикальными. В своей записке Муравьев также сформулировал собственное видение этнического состава населения Беларуси: «Большинство населения Белоруссии было коренное русское, кроме помещиков, которые суть пришельцы и число коих весьма ограничено (...)»²⁰⁵. Именно этот тезис, согласно которому имперская власть брала на себя функции защиты коренного «русского» населения от «пришельцев поляков», стал позднее основным в правительственной агитации на белорусских землях. В 1839 г. в тексте указа Николая I об окончательном упразднении действия Статута ВКЛ говорилось: «Мы признали за благо распространить вполне силу и действие Российских законов на сии издревле русские по происхождению, правам и навыкам их жителей области»²⁰⁶.

Реализация национальной политики, направленной на этнокультурную ассимиляцию больших масс населения, требовала значительных людских и финансовых ресурсов. Российское правительство пыталось опираться на чиновнический аппарат и униатское духовенство, которое в 1839 г. было присоединено к православной церкви. Оно не сомневалось, что ликвидация унии позволяла при помощи лояльного приходского духовенства установить полный идеологический контроль над крестьянским населением. Что же касалось многочисленной и бунтарской шляхты, то здесь главная роль отводилась системе образования, которая именно в 1830-х гг. была полностью переведена на русский язык обучения. Именно с этого времени можно говорить об активной экспансии российской культуры в Западных губерниях, осуществляемой при помощи политики правительственного национализма. Для обеспечения этой политики в ноябре 1833 г. был издан указ, который давал льготы учителям русского языка. Необходимость этого шага объяснялась следующим образом: «Для доставления юношеству Западных

²⁰⁴ Четыре политические записки графа М.Н.Муравьева // Русский Архив. 1885. Вып. 6. С. 179,181.

²⁰⁵ Там же. С. 181.

²⁰⁶ ПСЗ II. Т. 15. 1840. Отд. 1. № 13591.

губерний образования совершенно в духе русского необходимо стараться, дабы русский язык посредством первоначального образования сделать там народным»²⁰⁷.

Для достижения поставленной цели правительство планомерно выделяло средства для обеспечения школьных и общественных библиотек на русском языке. Причем особенное внимание уделялось исторической литературе. Вообще, имперская власть отлично понимала значение «ангела истории» в воспитании молодежи. Мы уже говорили об обязательном преподавании этого предмета на русском языке. Еще в 1825 г. сенатор Новосильцев писал министру народного просвещения, что при изучении истории о России рассказывается таким образом, как это могло бы быть в зарубежных школах стран, не связанных с Россией²⁰⁸. Михаил Муравьев, будучи гродненским губернатором, посылал местных чиновников на поиски древних кириллических рукописей и на обследование храмов и монастырей, которые когда-то были православными, а позже стали униатскими²⁰⁹. Правда, подобные действия все же зависели от воли и энергичности отдельных губернаторов и не представляли еще собой строгой системы.

В целом же усилия российского правительства в 1830–1850-х гг. не привели к решительному успеху ассимиляторской политики. Высокообразованных россиян было еще очень мало в белорусских губерниях, чтобы они могли создать культурную среду, конкурентную с местным польскоязычным обществом. Нужно отметить, что уровень образованности шляхты в Западных губерниях был значительно выше, чем уровень российского дворянства в провинциальных великорусских губерниях. В первой трети XX ст. русское общество в Беларуси, кроме офицеров многочисленных воинских частей, составляло достаточно малочисленное чиновничество высшего губернского звена. После 1831 г. правительство пыталось увеличить численность российских служащих среднего уровня с помощью различных льгот, но особых успехов достичь не смогло из-за нехватки финансовых средств. В государственных учреждениях белорусских губерний большинство чиновников среднего и низшего звена до восстания 1863 г. составляли выходцы из местной католической шляхты. Немногочисленные россияне ощущали себя в этой среде чужаками. Павел Бобровский в своем исследовании Гродненской губернии отмечал: «Русских чиновников чуждает и местное католическое дворянство, которое вместе с чиновниками-католиками и католическим духовенством составляет одну общую массу, чуждую интересам

²⁰⁷ ПСЗ II. Т. 8. 1833. Отд. 2. № 6569.

²⁰⁸ Цит. по: Куль-Сяльверстава С. Расейская цензура ў Беларусі. 1795–1830 г. // Гістарычны альманах. Т.6. 2002. С. 53–54.

²⁰⁹ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 27. Ед. хр. 689.

большинства населения русского и православного»²¹⁰. Да и центральные власти не имели в целом достаточно ясного и четкого представления об этнической ситуации на белорусских землях. Известный специалист в этом вопросе П. Батюшков позже признавал: «В конце 50-х годов ни в одном центральном учреждении империи не имелось систематических известий по статистике и этнографии Западных губерний России»²¹¹.

После поражения Российской империи в Крымской войне и восхождения на престол Александра II наступает период либерализации внутренней политики. В декабре 1856 г. были изданы указы, которые предоставляли шляхте Западных губерний те же выборные права, что имело великорусское дворянство²¹², в учебные учреждения возвращается в качестве предмета польский язык, отменяются тайные указы о замене чиновников католического исповедания на «коренных» русских. В этой ситуации поместная шляхта белорусских губерний стала добиваться больших прав для сословного самоуправления, а также свободы использования польского языка. Предводитель дворянства Гродненской губернии Виктор Старжинский разработал проект возобновления деятельности Статута ВКЛ²¹³. Шляхта Витебской губернии предложила в 1858 г. основать в Полоцке университет и также просила императора дать ей больше прав в сословном самоуправлении. Однако Александр II отказал просителям в категорической форме: «... В поданной просьбе усматривается стремление к сохранению мнимой польской народности. Стремление тем более безосновательное и легкомысленное, что не имеет за собою никакого исторического обоснования. Известно, что край этот – Белоруссия – никогда не был самостоятельным и никогда не считался за вновь приобретенный, он только был отобран у Польши как исконная собственность России»²¹⁴.

Российская власть вовсе не собиралась уступать местной шляхте в идеологической борьбе. Особенную актуальность данному моменту придавала крестьянская реформа и освобождение крестьян от крепостной зависимости. Российское правительство отлично понимало, что в будущем именно эта, самая большая, самая многочисленная, сословная группа населения будет определять национальную особенность края. Попечитель Виленского

²¹⁰ Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния: в 2 ч. Санкт-Петербург, 1861. Ч. 1. С. 666.

²¹¹ Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., С. 15.

²¹² ПСЗ II. Т. 30. № 31215.

²¹³ Солоневич Л. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования. 1802–1902. Гродно, 1901. С. 66.

²¹⁴ Русско-польские отношения. Вильно, 1897. С. 177.

учебного округа князь Ширинский-Шихматов писал в 1862 г. министру народного просвещения Головину: «Здесь следует воскресить древнюю коренную русскую народность, подавленную долголетним гнетом пришлого польского населения. В здешнем крае следует ослабить и устранить влияние польской национальности, стремящейся заглушить в народе родное ему русское начало»²¹⁵. Именно в 1860-е гг. начинается великая идеологическая битва за белорусскую деревню.

Восстание 1863 г., по сути, дало все основания имперским властям для того, чтобы решительно расправиться с оппозиционной шляхтой и за ее же счет начать активную политику русификации населения Беларуси. Так называемое «русское дело» провозглашается важнейшим направлением правительственной политики в Западных губерниях. Ранее для успешной ее реализации всегда не хватало средств, теперь же правительство направило на эти нужды отобранные у местных помещиков доходы с их имений. За эти же деньги обеспечивали дополнительное жалование российским чиновникам, которых заманивали в Северо-Западный край особыми льготами. Например, в одну только Гродненскую губернию в 1863–1865 гг. поступило на службу более 800 государственных чиновников преимущественно из великорусских губерний²¹⁶. В 1866 г. в пяти Северо-Западных губерниях служили 4663 чиновника «непольского происхождения»²¹⁷. Именно этот чиновный люд, а также местное православное духовенство составили основную силу, на которую возлагались надежды правительства в реализации «русского дела».

Виленский генерал-губернатор Михаил Муравьев писал министру государственных имуществ Зеленому в феврале 1864 г.: «... Здешний край искони был русским и должен им оставаться... польский элемент здесь есть пришлый и должен быть окончательно и решительно подавлен; теперь настоящее время с оным покончить, в противном случае Россия безвозвратно лишится Западного края и обратится в Московию, т.е. в то, во что желают поляки и большая часть Европы привести Россию»²¹⁸. Подход Муравьева целиком разделял и новый попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов, который писал профессору М. Кояловичу: «Северо-Западный край имеет для нас громадное и не всеми еще понимаемое значение. Он может служить или широким открытым полем для вторжения в недра России разлагающих начал, или твердым оплотом для ограждения от них нашего

²¹⁵ Русское дело в Северо-Западном крае / сост. Корнилов И.П. Санкт-Петербург, 1908. Вып. 1. С. 34.

²¹⁶ НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 22. Ед. хр. 1574. Л. 9.

²¹⁷ Самбук С. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XX в. Минск, 1981. С. 86.

²¹⁸ Письма М.Н. Муравьева к Зеленому // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 207.

Отечества <...> Здесь своего рода Кавказ, нравственная борьба русских начал против враждебных политических и религиозных обществ...»²¹⁹. Линию Муравьева соблюдал следующий генерал-губернатор, Кауфман, который заявлял: «Этот край был и должен быть навсегда русским. На то воля Государя, на то желание всей России, на то право государственное, на то и право историческое <...> в здешнем крае не должно быть и не будет места никакой другой цивилизации, кроме русской»²²⁰.

Для распространения российской национальной идеологии среди белорусского населения были мобилизованы все возможные средства. Генерал-губернатор Муравьев предписывал правительственным губернским газетам в январе 1864 г.: «Предлагаю употребить все зависящие средства и содействие к тому, чтобы неофициальная часть губернских ведомостей была по возможности расширена и заключала в себе более статей и сведений, касающихся русской народности в крае, а также описание здешних древнейших храмов и иных памятников русской старины»²²¹. В феврале того же года всем государственным учреждениям было предписано в обязательном порядке выписать «Вестник Западной России», «который имеет целью сообщение верных исторических сведений о западном крае и обличение преступных действий и притязаний революционной и католической польской партий»²²².

В своей национальной политике российское правительство не могло не учитывать того факта, что значительная часть белорусского населения в Северо-Западном крае принадлежит к католическому вероисповеданию. Власти столкнулись с проблемой – как определить национальную принадлежность белорусскоязычных крестьян-католиков. Автор статистических работ полковник П. Эркерт предлагал практически все католическое население Западных губерний отнести к полякам, а православное – к русским: «Ничто в западных губерниях России не определяет черты, отделяющей русскую народность от польской так отчетливо и правильно, как различие вероисповеданий. Таким образом, в западной России, с сравнительно немногими исключениями, все славянские обитатели православного исповедания должны считаться русскими, а все те, которые исповедуют католическую религию, – поляками <...> Если за основание деления принять один только язык, то численное отношение между русскими и поляками не мало изменилось бы

²¹⁹ Русское дело в Северо-Западном крае / сост. Корнилов И.П. Санкт-Петербург, 1908. Вып. 1.

²²⁰ Миловидов А.В. Пятидесятилетие «Виленского вестника». Вильна, 1914. С. 26.

²²¹ Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях. 1863–1864 / сост. Н. Цылов. Вильна, 1870. С. 29.

²²² Там же. С. 30.

в пользу русского населения и в ущерб польского»²²³. Полковник Эркерт не придавал серьезного значения языку как критерию национальной принадлежности: «Распределение на основании одного только языка весьма важно и занимательно во многих отношениях, но когда дело идет о существовании и практическом понимании настоящего порядка вещей и ближайшей будущности касательно различия между русской и польской народностью, то упомянутое деление имеет относительно менее важное значение»²²⁴. Также Эркерт выражал критическое отношение к использованию некоторыми учеными и публицистами термина «католик-белорусс» как в реальности не существующего и никому не известного: «...католик, говорящий на белорусском или малорусском языке, не только в глазах всех жителей православного и католического вероисповедания – поляк, но и сам считает себя, да и хочет, чтобы другие считали его поляком»²²⁵. Фактически автор считал самоопределение индивида главным критерием национальной принадлежности, но сам признавал, насколько сложно с помощью этого критерия определить самосознание крестьян: «Язык свой простолюдин называет простым, а самого себя русским, часто даже литовцем (по политическим преданиям), или просто крестьянином (...) Польское дворянство, а в особенности католическое духовенство часто употребляет выражение “литовцы” о тех католиках, у которых родным языком остался русский»²²⁶.

Таким образом, полковник Эркерт с военной прямолинейностью предлагал разрешить сложные национальные вопросы путем простого разделения населения по конфессиональному признаку. Иначе говоря, этнических белорусов-католиков либо насильно перевести в православие, что достаточно широко практиковалось властями после подавления восстания 1863 г., либо признать поляками. Правильность своего подхода Эркерт подкреплял практическим опытом, полученным царской армией в ходе боев с повстанцами. Возможности признания белорусов как самостоятельной нации полковник не допускал: «Это нисколько не значит, чтобы мы допускали так называемую среднюю народность, стоящую между русскими и поляками, как некоторые старались доказать вопреки истории и действительности»²²⁷. Под «некоторыми» Эркерт подразумевал прежде всего деятелей украинского движения, которые смогли в тот период популяризировать свои идеи в российской печати.

²²³ Эркерт Р.Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России. СПб., 1864. С. 6.

²²⁴ Там же. С. 6–7.

²²⁵ Там же. С. 8.

²²⁶ Там же. С. 6.

²²⁷ Там же. С. 8.

Взгляды П. Эркerta вызвали решительные возражения со стороны известного знатока и исследователя Гродненской губернии полковника Павла Бобровского, который главным критерием этнической принадлежности человека считал язык и народную культуру: «Чтобы убедиться, к какому племени принадлежат жители известной страны, самым верным и практическим способом прежде всего служит язык, а за ним и другие жизненные явления, потому что язык есть как бы родовой герб, завещанный человеку его предками, народу – его коренным племенем, это зеркало, в котором всего ощутительнее выражается нравственный характер и даже вся история народа, язык живет вместе с народом, вместе с ним развивается и умирает»²²⁸. Бобровский не придавал существенного значения самоназванию и даже самосознанию крестьян: «Какое нам дело то того, что белорусы не называют себя белорусами, а простыми (...) но они говорят по-белорусски.... Они, не зная того, что они белорусы, – сохранили и в обыденной речи, и в песнях, и в поговихах свои определенные, национальные, логические формы, свой дух, свой определенный характер – свои права, свои обычаи и т.п.»²²⁹. Бобровский решительно отвергал разделение белорусского крестьянства по религиозному признаку: «... не достаточно знать, кто ходит в костел и кто в церковь, надобно еще знать, кто говорит по-белорусски и кто по-польски, чтобы верно разграничить соприкосновенные народности»²³⁰. Бобровский также отличал белорусов от великороссов: «Само собой разумеется, что белорусы и великороссы представляют два отдельных типа»²³¹, хотя в рамках западнорусской парадигмы считал, что они принадлежат к общей российской нации.

Эта дискуссия имела немаловажное значение для выработки имперской национальной политики на белорусских землях, поскольку диспутанты имели авторитет серьезных экспертов. В дальнейшем царское правительство использовало в зависимости от ситуации оба вышеозначенных подхода. Многочисленные ограничительные законы и постановления, направленные в первую очередь против местной шляхты, фактически отождествляли католическое вероисповедание и польскую национальность. В то же время в официальных материалах местной государственной администрации и статистических переписях этнически белорусское католическое крестьянство с этого времени фигурирует в графе «белоруссы».

²²⁸ Бобровский П. Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России. // Русский инвалид. СПб., 1864. № 78. С. 14–15.

²²⁹ Там же. С. 16.

²³⁰ Там же. С. 23.

²³¹ Там же. С. 22.

В 1860-х гг. российские власти столкнулись также с проблемой, кого отнести к лицам «польской национальности». Эта проблема была тесно связана с указом от 10 декабря 1865 г., который запрещал «лицам польского происхождения» приобретать в собственность землю в Западных губерниях. В октябре 1869 г. виленский генерал-губернатор обратился в Министерство государственных имуществ со следующим вопросом: «... возможно ли выдавать лицам польского происхождения, принявшим православие и вполне благонадежным в политическом отношении, свидетельства о приобретении земельной собственности»²³². Министр Зеленой ответил генерал-губернатору, что «под выражением “лица польского происхождения” нужно понимать не вообще католиков, а только поляков и тех западных уроженцев, которые усвоили себе польскую национальность... было бы совершенно несправедливо делать различие между владельцами не по политическим, а по религиозным соображениям»²³³. На основе этих рассуждений Зеленой пришел к выводу, что принятие помещиком-католиком православного вероисповедания не может служить основанием для разрешения на приобретение земли: «Если потомки этих лиц усвоят со временем русскую национальность – точно так же, как предки многих нынешних польских помещиков усвоили себе постепенно польскую национальность после перехода из православия в латинство, то все же для достижения этой перемены национальности нужно немало времени, по прошествии коего лица эти будут русскими на самом деле и окончательно отрешатся от польских взглядов и тенденций и самого языка, перестанут считаться лицами польского происхождения»²³⁴. В конце концов министр внутренних дел Тимашев объявил, что «от администрации зависит определение, более или менее точное, национальности лица, желающего приобрести в крае землю»²³⁵.

Наплыв великорусского чиновничества вызвал определенное недовольство той части местного общества, которое составляли преимущественно выходцы из православного духовенства и мелкие служащие, лояльные правительству и согласные «обруситься», но недовольные засилием приезжих «обрусителей» и желающие иметь большее влияние в местной жизни. Служащий канцелярии виленского генерал-губернатора Масолов отмечал в своих записках: «... местные русские чиновники смотрели на нас с недоверием и даже неприязненно»²³⁶. Мировой посредник из Могилевской губернии Захарьин писал, что местные чиновники православного происхож-

²³² НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 13. Ед. хр. 1393. Л. 108.

²³³ Там же. Л. 109.

²³⁴ Там же. Л. 110.

²³⁵ Там же. Л. 144.

²³⁶ Масолов А.Н. Виленские очерки 1863-1865 гг. (Муравьевское время) // Русская старина. 1883. Т. 40. С. 393.

дения начали сознательно называть себя белорусами и «вредили, насколько могли, русскому делу»²³⁷.

В российских интеллектуальных кругах даже начали высказываться опасения о возможности зарождения белорусского национализма. Такие опасения пытался развеять попечитель Виленского учебного округа И. Корнилов, который писал известному российскому публицисту Каткову в апреле 1864 г.: «Опасаться политических тенденций и сепаратизма просто смешно на западной границе. Какой тут сепаратизм, когда Белоруссия, находясь в столкновении с сильными народностями и соприкасаясь со сплоченным польским обществом, может держаться, только опираясь на Россию и тяготея к ней. Она никогда не будет настолько сильна, чтобы ей пришлось в голову домогаться самостоятельности»²³⁸. Любопытно, что невозможность усиления белорусского национализма, как и большинства западноруссов, Корнилов доказывал польской угрозой, а не отсутствием у белорусов самобытных этнических черт.

Несколько успешней была национальная политика российских властей в отношении белорусского населения. Источники позволяют утверждать, что большинство сельских жителей православного исповедания называли себя «русскими» или «русской веры». Однако сложно говорить о наличии в этой среде развитого национального самосознания. Российская идея, которая пропагандировалась через правительственные народные школы, ассоциировалась прежде всего с самодержавием и правящей династией. В то же время в обществе распространялись революционные идеи, которые все более успешно подрывали крестьянский монархизм. Замедленность социально-экономического развития белорусской деревни и сдерживание властями процессов демократизации местного общества, как ни парадоксально, сдерживали и процесс распространения среди крестьян российской идеологии, а также русского языка и культуры. Это отмечает в своих воспоминаниях М. Павликовский: «... К счастью для белорусского фольклора и языка, процесс русификации продвигался очень медленно. Мальчик, который оканчивал деревенскую школу (если вообще туда попадал), и парень, который возвращался с военной службы, как правило, возвращались к прежней неграмотности и через несколько лет опять поглощались белорусской средой... Историки могли бы отметить любопытный парадокс: осознание национальной самобытности у современных белорусов во многом обязано темноте крестьянских масс времен царского господства»²³⁹.

²³⁷ Захарьин И.Н. Воспоминания о службе в Белоруссии. 1864–1870 гг. (Из записок мирового посредника) // Исторический вестник. 1884. Т. 16. С. 65.

²³⁸ Русское дело в Северо-Западном крае / сост. Корнилов И.П. СПб., 1908. Вып.1. С. 71.

²³⁹ Цит. по: Вашкевич Ю. Вобраз Беларусі і беларусаў у польскай мемуарнай літаратуры 1945–1991 г. // Беларускі гістарычны агляд. Т.6. 1999. Сш. 1–2 (10–11). С. 86.

ГЛАВА 3. ПАМЯТЬ НА ПОГРАНИЧЬЕ (на примере памяти о Второй мировой войне)

Культура памяти и ее взаимоотношение с историографией в последние годы стали одним из приоритетов антропологии. Представители гуманитарных дисциплин активно обсуждают феномен памяти, проблему переосмысления, освоения прошлого и превращения его в элемент современной культуры¹. Все это полностью соответствует традициям европейской цивилизации, которую вслед за Марком Блоком с полным правом можно назвать «цивилизацией памяти»².

Беларусь не является исключением. Упорная борьба разных политик памяти здесь разгорелась сразу же после захвата белорусских земель Российской империей. В советский период белорусской истории эта борьба приобрела форму столкновения индивидуальной памяти с коммунистической идеологией и ее стремлением к полному контролю над массовым сознанием. Белорусскому обществу навязывалась история, которую никогда не переживали предки белорусов. В 1990-е гг. уже в Республике Беларусь началось постепенное «освобождение памяти» от советских идеологов. Начинаясь период доминирования национальной концепции прошлого. Однако он оказался непродолжительным...

¹ Напр.: Вельдер Х. История. Память и современность прошлого // Память о войне. 60 лет спустя. Россия. Германия. Европа. М., 2005; Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // *Ab Imperio*. 3/2004; Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. № 40-41 (2-3) 2005; Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. Блауберг, И. Вдовиной, О. Мачульской, Г. Тавризян. М., 2004 и др.

² Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973 (<http://lib.ru>).

Сегодня в Беларуси происходит настоящая «битва за память». Современный политический режим, восстанавливая советские нормы взаимоотношений массового сознания и государственной идеологии, стремится установить контроль над памятью. В эпицентре этой борьбы оказалась Вторая мировая война, которую официальная историография в полном соответствии с советской идеологией называет «Великой Отечественной войной советского народа»³. Навязанный властями дискурс последней войны включает концепты самопожертвования белорусов как части советского народа, массового партизанского движения и победы как награды за подвиг⁴. Делается очень многое, чтобы скрыть военную трагедию Беларуси, обусловленную столкновением на ее территории двух тоталитарных режимов – гитлеровского и советского. Именно такое восприятие войны все еще доминирует в памяти людей, переживших ее, а также в работах историков, которые пытаются противостоять идеологическому давлению.

Для анализа ситуации, которая сложилась в белорусской культуре памяти о Второй мировой войне, следует обратить внимание на тексты школьных учебников, которые превращаются в «места памяти» (Пьер Нора) и одновременно в «места забвения», и память людей, переживших войну.

Школьный учебник истории Беларуси как «место памяти / место забвения» о Второй мировой войне

Не так давно французский историк Пьер Нора провозгласил «всемирную победу памяти». По мнению исследователя, память является реальной связью с прошлым. Она всегда включает личное переживание, определенный экзистенциальный опыт и может претендовать на истину более «истинную», чем истина истории, а именно на истину живой памяти о пережитом. История при этом остается только репрезентацией прошлого, которая стремится к «объективности», опираясь на «документ» и выявленный (либо сконструированный) исторический факт. На последнее обычно сильно влияет профессиональная подготовленность исследователя и... зачастую специфика существующего политического режима, по крайней мере та степень свободы исследования, которую этот режим (или само общество) может предоставить историку.

³ См., напр.: Каваленя А.А., Літвін А.М., Саракавік І.А., Касовіч А.В. Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны: вучэбны дапаможнік / пад рэд. А.А. Кавалені. Мінск, 2005.

⁴ См., напр., текст выступления А. Лукашенко в честь празднования 60-летия освобождения Беларуси (3 июля 2004 г.). В частности, президент заявил, что «Беларусь потеряла каждого третьего своего жителя» (www.president.gov.by).

В эпоху наций и национализмов история вышла за рамки научной дисциплины и превратилась в идеологическое средство формирования новой идентичности. Она стала претендовать на роль памяти нации. Особенно ярко эта функция истории проявлялась в периоды распада одних и формирования новых территориальных, национальных и политических сообществ. Однако на рубеже XX–XXI вв. проявилась тенденция ослабления нациоформирующей роли истории. Возможно, это связано с тем, что в большинстве европейских стран национальное постепенно уступает социальному и политическому.

Пьер Нора в поисках определенной замены истории предложил концепцию «мест памяти». В 1984 г. историк определял их как следы прошлого, с которыми современные поколения уже потеряли связь. Через 12 лет он уже характеризовал «места памяти» как феномен, который «приобрел статус символа в мемориальном наследии той или другой нации»⁵. В определенном смысле «места памяти» стали определяться как места встречи памяти и истории, как своего рода дискурсивная практика, которая способствует идентификации субъекта с той или иной нацией. При этом актуализация прошлого сама приобретает форму символа. Понятно, что таким символом не обязательно должен быть набор конкретных мест. Это вполне может быть дата, название, памятник, наконец, текст школьного учебника истории.

Государство и общество традиционно придают учебнику истории большое значение. Как отмечал французский исследователь Марк Ферро, образ других наций и образ своей собственной, который живет в нашей душе, определяется тем, как в детстве нас учили истории⁶. Это остается на всю жизнь.

Образ прошлого, который предлагает школьный учебник истории, играет интеграционную роль для нации. Одновременно школьное историческое образование является частью идеологического обоснования легитимности существующего политического режима. Важнейшим элементом этого является образ собственной нации и образ ее врагов. Особенное значение приобретают темы, связанные с такими событиями, которые можно трактовать как точку отсчета, символическое начало нового периода истории. Война обычно находится в перечне этих событий.

Следует также заметить, что каждый учебник истории как «место памяти» имеет собственную «коллекцию» фактов, личностей и понятий, которые предлагаются в виде своего рода национального или государственного канона. При этом тот же учебник отправляет в забвение другие важные факты, личности и понятия. Таким образом, он становится «местом забве-

⁵ Nora P. Czas pamięci // Res Publica Nowa. Nr 7, lipiec 2001 r. S. 37; см. также Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: чьи места? Чья память? // Ab Imperio. 2004 Nr 1. С. 53.

⁶ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: 1992. С. 8.

ния». Милан Кундера однажды справедливо заметил, что сохранение памяти – это тоже одна из форм забвения.

Как же выглядит в качестве «места памяти» («места забвения») текст школьного учебника истории Беларуси, в котором освещаются события Второй мировой войны? Отражается ли в нем «пограничная» ситуация Беларуси? Какой образ собственной нации предлагается учащимся и в какой ипостаси предстает враг нации?

Для ответа на этот вопрос попытаюсь проанализировать тексты последнего поколения советских учебников и нескольких поколений учебников постсоветской Беларуси. Главное внимание будет уделяться понятийному аппарату, освещению проблемы ответственности европейских государств за развязывание Второй мировой войны, оценкам агрессии СССР против Польши в сентябре 1939 г. и присоединению Западной Беларуси к БССР и СССР, освещению военных действий лета 1941 г. в Беларуси, характеристике немецкого оккупационного режима и движения Сопротивления, а также оценкам белорусского вклада в победу над Германией.

В первые годы независимости учащиеся белорусских школ все еще пользовались **советским учебником истории Беларуси (1982, на русском языке)**⁷. Понятие «Вторая мировая война» в нем совершенно отсутствовало. Также отсутствовала информация о международных отношениях в Европе в конце 1930-х гг. и о тех соглашениях, которые приблизили начало войны⁸. События сентября 1939 г. были представлены следующей схемой: 1 сентября 1939 г. началась агрессия Германии против Польши. Польская армия была разбита, и советское правительство решило взять под «охрану жизнь и имущество трудящихся Западной Беларуси». Последние с радостью приветствовали «освободителей» из СССР. Правда, в конце темы неожиданно выяснялось, что на самом деле Красная Армия «освобождала» трудящихся не от немецких войск, а от «польских помещиков и капиталистов».

По мнению авторов, война для Беларуси началась 22 июня 1941 г. падением Германии на СССР. Эту войну называли «Великой Отечественной» и характеризовали как «крупнейшее столкновение социализма с ударными силами мирового империализма» (с. 220). Бои в Беларуси описывались как череда примеров героизма и мужества советских солдат, а также усилий Коммунистической партии по организации обороны и т.д. Поражения Красной Армии не упоминались вообще. В результате школьники получали информацию о победах красноармейцев летом 1941 г., а в конце темы узнавали, что «враг захватил значительную часть территории нашей Родины» (с. 224).

⁷ Абецдарский Л.С., Баранова М.П., Павлова Н.С. История БССР: учебник для средней школы / под ред. П. Петрикова. Минск, 1982.

⁸ Эти темы изучались в курсе «История СССР».

Образ врага был представлен «немецко-фашистскими оккупантами» и «белорусскими буржуазными националистами», которые будто бы поддерживали гитлеровский порядок и издавна «были врагами Советской власти». Оккупационный режим характеризовался самыми «кровавыми красками»: «Вся Беларусь покрылась концлагерями и тюрьмами. Фашисты сжигали советских людей, закапывали живыми в землю, травили в душегубках» (с. 225). Соответствующие иллюстрации подтверждали этот тезис.

В качестве жертвы фигурировали славяне, белорусы, а также... «советские граждане». Трагедия еврейского населения предавалась забвению. Также не упоминались ни существование Генерального комиссариата «Беларусь», ни деятельность его руководителя Вильгельма Кубе, который неординарной социально-культурной политикой пытался привлечь белорусов на свою сторону.

Значительное место на страницах учебника занимала тема сопротивления оккупантам, которое характеризовалось как «всенародное» под руководством Коммунистической партии. Авторы утверждали, что «весь белорусский народ вел самоотверженную борьбу против гитлеровских захватчиков, проявляя массовый героизм и мужество» (с. 233).

Подведение итогов участия белорусов в войне («Героический подвиг белорусского народа») начиналось и кончалось утверждением, что белорусы «продemonстрировали безграничную преданность Советской Родине». Интересы белорусского народа подменялись интересами советской власти. Термин «белорусская нация» не употреблялся. Национальное упоминалось только при характеристике «предателей-националистов» и имело исключительно отрицательную коннотацию. Отмечалось, что общая численность партизан и подпольщиков составила 440 тыс. человек, что они уничтожили 500 тыс. немецких солдат и офицеров и т.д. (с. 242). Таким образом, трагедия Беларуси превращалась в «подвиг советского народа» и победу Коммунистической партии в Великой Отечественной войне. Последнее положение должно было утверждать легитимность коммунистического режима и способствовать превращению белорусов в советский народ.

Само понятие «Великая Отечественная война» предусматривало фильтрацию исторических фактов и предавало забвению все, что противоречило этому понятию. В результате Беларусь оказалась вне контекста Второй мировой войны.

Текст отличался монологичностью и категоричностью утверждений. Авторы не оставляли места для сомнений и рассуждений. Между тем внимательное чтение текста должно было вызвать у школьников ряд вопросов. Однако эти вопросы почти никогда не затрагивались. Учащиеся должны были запомнить и повторить написанное. Именно такой характер имели

задания и вопросы. Фактически текст учебника моделировал отношения в социальной системе «массы – коммунистическое государство».

Первое поколение учебников истории в постсоветской Беларуси появилось летом 1993 г. Эти учебники на белорусском языке в большей степени были ориентированы на учителя, чем на ученика. Ни методическим, ни психолого-педагогическим требованиям, предъявляемым к учебникам, они не соответствовали. Методический аппарат был представлен исключительно контрольными вопросами и заданиями. Отсутствовали иллюстрации, фрагменты исторических документов, карты, схемы и т.п.

Авторы текста пытались компенсировать его недостатки полнотой освещения военно-политических событий, а также подчеркнутым стремлением к объективности и научности. В предисловии учебника **«История Беларуси для 9 класса»**⁹ его авторы обещали рассматривать исторические события «с научных объективных позиций», ориентироваться на общечеловеческие ценности, преодолеть «односторонний классово-пролетарский подход в изучении истории общества» (с. 3).

Автор соответствующих глав учебника Владимир Сидорцов впервые в белорусской учебной литературе использовал понятие «Вторая мировая война». Правда, события сентября 1939 г. традиционно были вынесены за рамки истории войны и изучались в разделе «Межвоенный период. Поделенная Беларусь». Впервые упоминались секретные протоколы советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., более известного как «пакт Молотова – Риббентропа», отмечалось, что эти протоколы вместе с советско-германским договором о дружбе и границах (28 сентября 1939 г.) являлись грубым нарушением права польского народа на самоопределение, фактически «новым разделом Польши». Одновременно автор пытался примирить провозглашенный приоритет общечеловеческих ценностей с белорусским национальным контекстом, утверждая, что секретные протоколы «объективно восстанавливали национальные права белорусского и украинского народов, нарушенные условиями Рижского мира 1921 г.» (с. 97).

В целом СССР трактовался как пособник главного агрессора – гитлеровской Германии. Поход Красной Армии в Западную Беларусь был следствием договоренностей с Германией. Автор отмечал захватнические цели кремлевских властей, но смягчал этот тезис информацией об «эмиграции» польского правительства в Румынию, а также утверждением одобрения этих действий «советскими людьми», «радостью трудящихся городов и сел Западной Беларуси» (с. 97). Соответственно, последствия присоединения Западной Беларуси к БССР и СССР В. Сидорцов оценивал позитивно, хотя и писал о насильственном «насаждении советского порядка», что сопрово-

⁹ Сідарцоў У.Н., Фамін В.М. Гісторыя Беларусі. 1917–1992: вучэб. дапам. для 9 кл. сярэд. шк. Мінск, 1993.

ждалось массовыми нарушениями законности (депортации, аресты, принудительная коллективизация).

Глава «Беларусь в годы Второй мировой войны» начиналась военными событиями лета 1941 г. Понятие «Великая Отечественная война» употреблялось как синонимичное, но в тексте встречалось очень редко. Описание боев летней кампании 1941 г. заставляло вспомнить последний советский учебник. Текст представлял собой перечень эпизодов героизма и мужества красноармейцев, а также «мероприятий» большевиков (так в тексте) по организации Сопrotивления. Однако факт поражения Красной Армии был признан, а ответственность за него возлагалась на Сталина и его ближайшее окружение (с. 113).

В теме «Оккупационный режим» упоминался административный передел территории БССР, в том числе создание «Генеральной округи Беларусь», назывались имена ее руководителей (Кубе, Готберг), отмечалось создание местной оккупационной администрации и полиции, сотрудничество части населения с этой администрацией. Автор упомянул о разрешении использовать белорусскую национальную символику, существование белорусских школ, театральных и научных учреждений, издание белорусских газет. Все это объяснялось стремлением оккупантов найти опору среди местного населения. Впервые был использован термин «коллаборационисты». При этом В. Сидорцов отказался от однозначного осуждения тех, кто сотрудничал с немецкими властями. В частности, отмечалось стремление части коллаборационистов работать для Беларуси.

Оккупационная политика характеризовалась как политика геноцида. Впервые на страницах учебника отразилась трагедия еврейского населения. В. Сидорцов утверждал, что только в Минском гетто и в лагере смерти «Малый Тростенец» погибло 100 тыс. человек (с. 116). Общее количество погибших жителей Беларуси составило более 2200 тыс. человек.

В описании движения Сопrotивления В. Сидорцов отказался от тезиса о руководящей роли Коммунистической партии. Он отмечал активность беспартийных патриотов и рядовых коммунистов, борьба которых имела народные истоки (с. 117). Характерный для советской историографии термин «всенародная борьба» уступил место термину «массовая борьба». Впервые отмечались факты еврейского движения Сопrotивления, деятельности польской Армии Краёвой (АК) и Украинской повстанческой армии (УПА). Последние оценивались довольно критически. В частности, отмечалось, что АК вела боевые действия против советских партизан и подпольщиков, а УПА преследовала польское население, к которому часто присоединяла и белорусское (с. 123).

Большой фрагмент текста посвящен белорусским советским партизанам. Автор подробно характеризовал их боевую деятельность, создание

партизанских зон, повторил традиционное для советской историографии определение количества партизан (374 тыс.) и подпольщиков (70 тыс.), а также размер нанесенных ими потерь немецким войскам (500 тыс. солдат и офицеров).

Отдельно следует отметить критические оценки отношения партизан к мирному населению. Впервые в учебной литературе отмечались случаи грабежей и насилия местного населения со стороны партизан (с. 126).

В тексте очевидна попытка отхода от канонов советской историографии. Это проявлялось как в новом фактологическом материале, так и в стремлении оценить процессы и события с позиции общечеловеческих ценностей и/или национальных. Термин «советский народ» вообще не употреблялся, критически оценивались действия коммунистических и советских руководителей и т.д. Значительно ослабел образ врага. Зато автор отметил деятельность немецких антифашистов, показал неоднозначность политики Кубе в отношении белорусского населения и отказался считать всех коллаборационистов врагами.

В отличие от советского учебника, который и через 40 лет после завершения войны не допускал никакого примирения с бывшим врагом и навязывал учащимся исключительно конфронтационное осмысление прошлого Беларуси, текст 1993 г. искал путь к такому примирению и тем самым к действительному окончанию войны в Беларуси. Следующие поколения учебников могли стать «местом забвения» самого образа врага. Однако после президентских выборов 1994 г. события стали развиваться совсем в ином направлении.

Известно, что содержание учебников 1993 г. вызвало протесты сторонников Коммунистической партии и СССР. Очень критично оценил их первый президент Беларуси А.Г. Лукашенко. Уже в конце лета 1994 г. Министерство образования попыталось изъять эти учебники из школ и заменить их учебниками советского периода. Соответственное распоряжение поступило в систему среднего образования. Но выполнить его удалось только в 1996–1997 гг., когда были подготовлены белорусские учебники второго поколения.

Новое поколение учебников истории Беларуси уже имело иное методическое обеспечение, а тексты были адаптированы к уровню учащихся. Были очевидны также серьезные концептуальные изменения. В частности, они отразились в тексте учебника **«История Беларуси для 11 класса»** (2000, белорусский язык)¹⁰.

Авторы «военного» текста (Г. Марцуль и Е. Новик) историю последней войны поместили в раздел «Беларусь в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны». Впервые события 1939–1940 гг. были представлены как

¹⁰ Гісторыя Беларусі: канец 18 – 1999 г. Вуч. дап. для 11 класа агульнаад. школы / І.Л. Качалаў, Г.С. Марцуль, Н.Я. Новік і інш.; пад рэд. Я.К. Новіка. Мінск, 2000.

часть Второй мировой войны. Одновременно закончилось прежнее противостояние двух понятий. Авторы решили эту проблему, показав «Великую Отечественную» частью Второй мировой войны.

Изложение темы началось с освещения проблемы ответственности европейских государств за развязывание войны (Г. Марцуль). Ее главная причина формулировалась как «борьба между крупнейшими капиталистическими государствами за передел зон влияния, которые сложились после Первой мировой войны» (с. 137). Главной виновницей называлась Германия, однако определенная доля ответственности возлагалась также на руководство Англии и Франции, которые придерживались принципа «умиротворения» агрессора, и на политическую элиту СССР. Отмечался факт подписания 23 августа 1939 г. секретного дополнительного протокола, который, как утверждалось, являлся грубым нарушением прав польского, латышского и эстонского народов на самоопределение (с. 138). Очень критически оценивался советско-германский договор о дружбе, подписанный 28 сентября 1939 г. Между прочим отмечалось падение авторитета СССР и дезориентация международных антифашистских сил (с. 139).

А вот в отношении к агрессии СССР против Польши повторялась известная советская концепция о необходимости взять под защиту население Западной Беларуси и Западной Украины (с. 139). При этом автор не позаботился о том, чтобы объяснить школьникам, почему СССР вдруг решил обезопасить белорусов и украинцев от своего немецкого союзника.

Советские подходы заметны также в оценке последствий присоединения Западной Беларуси к БССР и СССР. Автор скрупулезно перечислил позитивные социальные изменения и отметил, что «западные области республики включились в общесоюзный процесс социально-экономического и культурного развития» (с. 140). Репрессии упоминались как нечто несущественное. Автор упомянул о выселении в феврале 1940 г. в восточные районы СССР «помещиков, капиталистов, чиновников, капиталистов-осадников, части кулаков» и высказал сожаление, что «среди них были ни в чем не повинные граждане» (с. 140). Надо отметить исчезновение тезиса о соответствии воссоединения Западной Беларуси с БССР белорусским национальным интересам. Однако не упоминались антибелорусские репрессии.

Евгений Новик, автор следующей части «военного раздела» учебника, попытался вернуть легитимность понятию «Великая Отечественная война» утверждением, будто она началась уже в первые дни агрессии Германии против СССР (с. 142). Автор отметил тяжелые поражения Красной Армии и подробно остановился на их причинах. На первое место он выдвинул успешную милитаризацию немецкой экономики.

Освещение оккупационного режима почти дословно повторяло текст советского учебника 1982 г.: «Беларусь покрывалась сеткой концентрацион-

ных лагерей и тюрем. Людей сжигали, травили собаками, закапывали живыми в землю, отравляли в душегубках» и т.д. (с. 145). Автор употреблял термин «фашистский оккупационный режим». Традиционно перечислялись Тростенецкий лагерь, трагедия Хатыни, гибель 2200 тыс. человек.

Большое место автор отвел проблеме коллаборационизма. В отличие от учебника 1993 г. Е. Новик оценивал ее исключительно негативно. Все белорусские организации, в том числе и социальной помощи, характеризовались как «профашистские», а термин «коллаборационисты» трактовался как «предатели», «гитлеровские прислужники». Евгений Новик особое внимание отвел истории белорусской национальной символики. Отметив легальное существование герба «Пагоня» и бело-красно-белого флага, автор решил обмануть учащихся, заявив, будто бы «белорусские прислужники оккупантов... приветствовали друг друга возгласом “Жыве Беларусь!” с характерным выбрасыванием правой руки вверх» (с. 144). Кстати, коллаборационисты небелорусской национальности вообще не упоминались. Согласно учебнику, предателями были исключительно сторонники «Пагоні» и бело-красно-белого флага. Рисуя однозначно негативный образ деятелей белорусского национального движения периода войны, Е. Новик не удовлетворился портретом «белорусского националиста – гитлеровского прислужника». В перечне вопросов и заданий для учащихся оказался вопрос об общих чертах в деятельности представителей белорусского движения 1917–1920-х и 1941–1944-х гг. Это сравнение должно было убедить школьников в традиционной предательской позиции белорусских националистов.

Также впервые было отмечено участие в карательных акциях в Беларуси украинских и литовских формирований. Зато трагическая судьба еврейского населения вновь обрекалась на забвение. Евреи исчезли из истории войны в Беларуси.

Характеризуя борьбу против оккупационного режима, Е. Новик вернул в учебник советский термин «всенародная борьба». Ключевыми словами для обозначения участников сопротивления стали «коммунисты и комсомольцы», «советские партизаны» и «советские люди». При этом количество партизан определялось в 370 тыс., а подпольщиков – в 70 тыс. человек. Автор создавал исключительно позитивный образ партизана-героя. Исчезли всякие упоминания о насилии и репрессиях партизан в отношении местного населения.

Многочисленные примеры успешных действий советских партизан и подпольщиков сопровождалась информацией о том, что АК и организации украинских националистов вели борьбу не только против немецких оккупантов, но и против партизан, подпольщиков и Красной Армии (с. 147).

Главу «Окончание войны» Е. Новик полностью посвятил роли СССР в победе над Германией. При этом совершенно не упоминались приведенные

ранее в этом же учебнике (текст Г. Марцуля) факты, которые говорили об ответственности руководителей СССР за развязывание Второй мировой войны.

Таким образом, если образ собственной нации в тексте Е. Новика оказался сильно разбавлен «советским элементом», то образ врага значительно усилен «элементом белорусским». Настолько очевидной попытки связать белорусское национальное движение и оккупационный режим не наблюдалось даже в период СССР.

Летом 2006 г. в школы страны впервые в постсоветский период поступили русскоязычные учебники по истории Беларуси. Обратим внимание на **учебник для 9 класса (2006)**¹¹. Его автором является уже известный нам по учебнику 1993 г. Владимир Сидорцов, который за прошедшие годы ухитрился изменить свои взгляды на совершенно противоположные.

Тема последней войны рассматривалась в главе «Беларусь во Второй мировой и Великой Отечественной войне». Глава начиналась концептуальным обобщающим текстом «Беларусь в годы военных испытаний». Решающим событием на пути к мировой войне названо Мюнхенское соглашение сентября 1938 г. между Великобританией, Францией, Германией и Италией. В. Сидорцов категорично утверждал, что именно англо-французская политика «умиротворения» Германии сорвала советский план создания системы коллективной безопасности в Европе и заставила СССР пойти на подписание пакта с Германией в августе 1939 г.

Полностью в соответствии с прежней советской идеологией отмечалось, что этот пакт позволил выиграть время, необходимое для укрепления безопасности (с. 129). Секретные протоколы упоминались как документ, который способствовал воссоединению Западной Беларуси с БССР. Соответственно поход Красной Армии характеризовался как спасение белорусов и украинцев от немецкой оккупации. Будто бы Польша уже не существовала.

Присоединение Западной Беларуси оценивалось исключительно позитивно, потому что, во-первых, в Западной Беларуси началась «созидательная работа по налаживанию новой жизни»: «Тут устанавливалась советская власть, характерными для СССР методами проходило социалистическое переустройство западнобелорусского общества, коллективизация сельского хозяйства» (с. 130). В то же время «объединение белорусов в одном национальном государстве стало одним из факторов победы над фашизмом в годы Великой Отечественной войны» (с. 130). Репрессии советских карательных органов и трагедия миллионов людей, которые утратили государство и свободу, даже не упоминались.

¹¹ Сидорцов В.Н., Панов С.В. История Беларуси. 1917–1945 гг. уч. пособ. для 9 кл. / под ред. Н.С. Шашкевича. Минск, 2006.

Определяющую роль в борьбе против немецко-фашистских оккупантов, по мнению В. Сидорцова «образца 2006 г.» сыграла Коммунистическая партия большевиков Беларуси. Количество партизан и подпольщиков составило те же 440 тыс. человек. Однако В. Сидорцов сумел «творчески» развить прежнюю советскую схему. Он впервые использовал термин «партизанский резерв», который насчитывал более 400 тыс. человек. Давать объяснение этому термину в учебнике автор счел излишним. Сидорцов также пересмотрел потери Беларуси. Ссылаясь на анонимные «новые источники», он заявил, что потери составили не менее 2800–3000 тыс. человек, т.е. погиб не каждый четвертый, а каждый третий житель Беларуси (с. 131).

Следующие параграфы стали нарративной иллюстрацией этого обобщающего текста. В параграфе «Воосоединение Западной Беларуси с БССР» повторялись тезисы о миролюбивой политике СССР накануне войны, об «освободительном походе» Красной Армии, о радости «крестьян, рабочих, ремесленников и интеллигенции» (последнее подтверждалось иллюстрациями). Автор ухитрился даже позитивно оценить советско-германский договор о дружбе от 28 сентября 1939 г. В. Сидорцов заявил, что «этот договор вместе с секретным протоколом к советско-германскому договору о ненападении объективно восстанавливал национальные права белорусского и украинского народов, нарушенные условиями Рижского мира 1921 г.» (с. 134). (Тут можно припомнить тезис нацистской пропаганды, которая оправдывала агрессивную политику стремлением «восстановить национальные права» немецкого народа, нарушенные Версальской системой).

Советские силовые преобразования характеризовались исключительно позитивно. По мнению В. Сидорцова, большинство крестьян поддерживали коллективизацию. Соппротивление оказали только богатые крестьяне, которых советская власть не раскулачивала (?!). Им оставляли столько земли, сколько они могли обработать собственными силами (с. 139).

Летом 1941 г. для Беларуси началась «Великая Отечественная война». Причины поражения Красной Армии В. Сидорцов объяснял неподготовленностью красноармейцев к оборонительным действиям (с. 142). Описание летней кампании 1941 г. свелось к перечислению эпизодов героизма и мужества (это подтверждалось многочисленными иллюстрациями), среди которых встречалась короткая информация о поражениях Красной Армии.

Много внимания уделялось политике геноцида. Впервые на страницах школьного учебника начал фигурировать термин «холокост». В качестве примера приводилась история Минского гетто, в котором погибло около 100 тыс. человек. Кстати, термины «гетто» и «холокост» оказались в перечне терминов, рекомендованных к усвоению. Также впервые использовался термин «остарбайтеры» с примерами судеб людей, вывезенных на принудительные работы в Германию (с. 156–158). А вот проблема коллаборацио-

низма была оставлена без внимания. Автор отметил сотрудничество «части жителей Белруси» с оккупационными властями, упомянул о существовании белорусских организаций, но не стал развивать эту тему. Образ врага сконцентрировался преимущественно на немецких оккупантах.

Раскрывая тему сопротивления, В. Сидорцов писал о «массовом сопротивлении гражданского населения» уже в начале войны. Он вновь привел термин «партизанский резерв», в который на этот раз записал «весь белорусский народ»; активно использовал термин «всенародная борьба» (с. 166). Следует отметить очень частое употребление выражений «борьба за свободу Беларуси» или «борьба за свободу Советской Беларуси».

Автор также обратил внимание на деятельность АК в западных областях Беларуси. Он утверждал, что в 1943 г. АК стала на путь «массового уничтожения национальной белорусской интеллигенции» (с. 173). Таким образом, польская АК стала частью образа врага, «потеснив» белорусских коллаборационистов.

В этом тексте заметно осторожное возвращение национального дискурса при полном доминировании советской концепции. Соответственно собственная нация отождествляется с «советскими людьми», а образ врага объединяет немецких оккупантов, польских партизан и белорусских коллаборационистов.

Также необходимо отметить наличие отдельного учебного пособия для 11 класса средней школы по факультативному курсу «**Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)**»¹² (русский язык, 2004). В 2004 г. этот курс был введен во всех средних школах и высших учебных заведениях страны. Анализ текста этого учебника говорит о том, что подходы его авторов были продублированы В. Сидорцовым в 2006 г.

Очевидно, что текст этого пособия является «местом памяти», связанным не столько с белорусской историей, сколько с историей СССР и советским народом. Одновременно он превращается в «место забвения» трагедии белорусского народа во Второй мировой войне.

По-прежнему большую роль играет образ врага. В учебниках последнего поколения он включает в себя гитлеровских оккупантов, белорусских коллаборационистов, а также... западного и северного соседей Беларуси. Литовцы в тексте книги фигурируют как коллаборационисты, а поляки – как враги советской власти.

Авторы школьных учебников и пособий в очередной раз «забыли», что историческая память не является площадкой для идеологических экспери-

¹² Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): уч. пособие для 11 класса / А.А. Коваленя, М.А. Краснова, В.И. Лемешонак и др. Минск, 2004.

ментов. При всей их специфике тексты школьных учебников по истории не должны нарушать принцип научности. Продуктивный союз власти, идеологии и науки возможен только при уважении этого принципа.

Можно утверждать, что современные школьные учебники по истории Беларуси не являются средством консолидации нации. Наоборот, они играют дезинтеграционную роль. Фактически укрепляется раскол общества на белорусское меньшинство и советское большинство, который стал очевидным в период президентства А. Лукашенко. Происходит реанимация советского образа прошлого, который санкционирует политику ресоветизации и идеологически укрепляет правящий режим.

В этой ситуации также можно говорить о «пограничности» Беларуси. Ее историческая память оказалась на определенном раздорожье. Дискурс «Второй мировой войны», связанный с тенденциями развития европейской историографии сосуществует с дискурсом «Великой Отечественной войны» как попыткой вернуться в советское прошлое. Последнее препятствует осознанию белорусской нацией ее принадлежности к европейской цивилизации.

Вторая мировая война в устной истории жителей западного и восточного Пограничья Беларуси

Анализ культуры памяти в Беларуси будет неполным без попытки затронуть память людей, которые пережили последнюю войну. Эта попытка может дать дополнительный материал для верификации того варианта истории Второй мировой войны, которую предлагают современные учебники истории Беларуси.

Особый интерес вызывает память жителей западного и восточного Пограничья Беларуси, где конкуренцию официальной советской (постсоветской) исторической памяти составляет индивидуальная и коллективная память не только белорусов, но также представителей других наций и культур. Каждое Пограничье – это территория сосуществования, столкновения и взаимопроникновения разных образов прошлого. Как раз на Пограничье официальная версия «культурной памяти» (Яан Ассман) встречает наиболее жесткую конкуренцию. При этом в данном тексте под западным Пограничьем понимается территория от Белостока до Новогрудка, от Гродно до Бреста, а под восточным – восточная часть Могилевской и Гомельской области, от Горок и Мозыря до российской границы.

При этом в качестве основного исследовательского метода избрана устная история, которая позволяет «заговорить» тем, кто историками и политиками всегда был лишен права голоса. Как справедливо заметил Марк Ферро, «параллельно с историей победителей, представленных церковью,

нацией, партией или государством, может существовать контристория... Она не пользуется такой мощной поддержкой, как первая, и может существовать только в устной форме...».¹³

Правда, в ситуации, когда историки становятся служащими государства или нации, устная история может стать средством развития альтернативной историографии, т.е. истории человека, для которого ни нация, ни государство, ни церковь не являются предметом религиозного поклонения. Именно это имел в виду Пьер Нора, утверждая, что дискурс памяти становится дискурсом антиисторическим, ибо создает возможность замены контролируемых властями исторических знаний (официальный вариант «культурной памяти») правдой личного человеческого переживания. Следует добавить, что данные устной истории не дают простых ответов на сложные вопросы. Зато они помогают сформулировать новые гипотезы, углубляют понимание исторического процесса и ставят под сомнение однозначные схемы и модели прошлого.

Объектом изучения сегодня стала память о военных и политических властях, о повседневной жизни в условиях оккупации, о партизанах и полиции¹⁴. Анализ устных воспоминаний не только позволяет сравнить правду человеческой памяти и постсоветские идеологемы официальной историографии. Он дает шанс понять состояние, в котором оказался традиционный мир белорусской деревни с такими реликтами домодерной эпохи, как монокультурность, единая система социальных норм и ценностей, изоляционизм крестьянского общества с разделением жителей окружающего мира на «своих» и «чужих», регионализм идентичности («тутэйшасць») и т.д. Эти

¹³ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. С. 6.

¹⁴ Источником для изучения стали устные воспоминания, записанные во время полевых исследований, которые проводились участниками гродненско-варшавской сессии «Белорусско-польское пограничье» (2002) на территории Сопотского поселкового совета Гродненского района. Сессия была организована Центром изучения античной традиции при Варшавском университете (ОВТА) и Лабораторией проблем региональной культуры Гродненского государственного университета (ГрГУ). Также использовались воспоминания, записанные во время экспедиций ОВТА 2001–2005 гг. Другим важным источником стали устные воспоминания жителей Поречского сельсовета Гродненского района (2003), а также жителей Гродно (2004) и деревень Нагуевичи, Хорошевичи и Загритьково Деревновского сельсовета Слонимского района Гродненской области (2005). Цитаты экспедиций 2002 и 2003 гг. передаются на литературном белорусском языке. Это же относится к белорусскоязычным воспоминаниям жителей Гродно (2004). В оригинальной транскрипции передаются только фрагменты русскоязычных воспоминаний жителей Гродно (2004) и белорусскоязычных воспоминаний жителей Слонимщины (2005). Имена респондентов сохраняются в архивах экспедиций. Материалы личного архива автора обозначаются аббревиатурой АС. Иная аббревиатура указывает на сохранение источника в архиве ОВТА. Последние цифры обозначают год записи воспоминаний.

реликты сумели пережить катаклизмы Первой мировой войны, коллективизацию в БССР, социально-политические и культурные перемены в Западной Беларуси в межвоенное время.

Образ власти

Жители белорусско-польского Пограничья в XX в., не меняя места проживания и не имея права выбора, несколько раз изменяли свое гражданство. При этом официальная пропаганда государства-победителя всеми силами стремилась показать приверженность местного населения политическим переменам. В позднейших исторических работах эта приверженность трактовалась уже как неоспоримый исторический факт, хотя зачастую историки опирались только на данные пропаганды военных лет.

Ярким примером превращения истории в политическую пропаганду являются работы белорусских советских историков, которые трактовали агрессию СССР против Польши в сентябре 1939 г. как «освободительный поход». Юрий Афонин, например, отмечал, что «население Западной Беларуси встречало советских воинов, как родных братьев, с цветами, “хлебом-солью”. Повсюду в городах и деревнях происходили многочисленные митинги, на которых трудящиеся горячо приветствовали своих освободителей»¹⁵. Именно этими «штампами» советского прошлого переполнена сегодня учебная литература.

А вот современная белорусская историография отошла от советских идеологов. Например, Евгений Миронович обратил внимание на похожесть церемонии приветствия в разных местностях, что, по его мнению, свидетельствует о существовании специально разработанных сценариев. Триумфальные ворота в честь Красной Армии, как правило, сооружали там, где когда-то существовали ячейки Коммунистической партии Западной Беларуси и население подвергалось полицейским репрессиям¹⁶. По мнению историка Захара Шибекко, в сентябре 1939 г. большинство белорусского населения «проявило безразличие и нерешительность, ожидало дальнейшего развития событий»¹⁷.

В июне 1941 г. в Западную Беларусь вступали уже немецкие «освободители». Их пропаганда также стремилась показать радость белорусов по поводу очередного «освобождения». В самом деле, в немецкой пропаганде правды было не больше, чем в сообщениях Советского информбюро, которое на шестой день войны известило, что белорусские колхозники уничто-

¹⁵ Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. / пад рэд. І. Ігнаценкі. Мінск, 1975. Т. 3 С. 86.

¹⁶ Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі. СПб., 2003. С. 107.

¹⁷ Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі. 1795 – 2002. Мінск, 2003. С. 301.

жили большой отряд немецких десантников. Кстати, сводки Совинформбюро и сегодня являются источником для некоторых белорусских авторов. Например, Яков Трещенок однозначно заявил, что «сопротивление врагу на белорусской земле началось буквально с первых дней оккупации... Очень скоро оккупанты почувствовали всю силу народного сопротивления»¹⁸. Иной взгляд, по его мнению, могут высказывать только «коллораборационисты и их идейные потомки»¹⁹.

Однако реконструкция средствами устной истории отношений жителей белорусско-польского Пограничья к политическим переменам свидетельствует об ином.

Практически для всех респондентов война началась в сентябре 1939 г.:

– *Вайна пачалася з прыходу «рускіх»* (житель д. Шинковцы, 1916 г.р., АС.2002);

– *У 1939 г. пад самую восень пайшлі рускія на палякаў* (жительница д. Василевичи, 1920 г.р., АС.2002).

В то же время для большинства населения Беларуси «благодаря» советской пропаганде война началась в июне 1941 г. с нападения гитлеровской Германии на СССР...

Следует также отметить, что при характеристике польской, советской и немецкой властей местоимения «своя» или «наша» практически не употреблялись. Сравнение разных властей обычно люди делали сами без просьбы исследователей. Похоже, что этим сравнением они занимались всю жизнь. Доминировало критическое отношение ко всем властям. В иерархии критериев оценки советской и польской властей чаще всего фигурировал материальный достаток и объем физической работы, которую приходилось выполнять. Личная безопасность жизни и здоровья была на втором месте. Культура (включая) и религия находились на последних местах этой иерархии. Правда, в период так называемых «вторых Советов», когда началась насильственная атеизация населения, которая сопровождалась репрессиями против католического духовенства и закрытием костелов, религия (особенно для католиков) вышла на одно из первых мест и конкурировала с коллективизацией.

При этом даже католическое население белорусско-польского Пограничья не скупилось на критические замечания по адресу II Речи Посполитой, которую в негативном плане сравнивали с «первыми Советами»:

– *Што мы бачылі пры гэтай Польшчы? Нічога. Пры паляках нават цукру не было дзе купіць. Не было ніякіх заробкаў. Уся праца – у панскім маёнтку. Плацілі 70 грошай у дзень. І тое не адразу дастанеш* (житель д. Радивилки, 1928 г.р., АС.2002);

¹⁸ История Беларуси: в 2 ч. / под ред. Я.И. Трещенка. Ч. 2. Могилев, 2005. С. 231–232.

¹⁹ Там же. С. 232.

– За Пілсудскім было як у няволі. Грошы былі танныя, а ўсё вельмі дарагое. А пры Саветах людзі адразу навучыліся жыць – сталі красці, сталі піць (житель д. Василевичи, 1914 г.р., АС.2002);

– Розніцы паміж Саветамі і палякамі не было. Падаткі плацілі і адным і другім... Пры паляках шмат працавалі. Хто багаты, той жыў добра... А бедным было кепска (жительница д. Василевичи, 1918 г.р., АС.2002).

Припоминалось разочарование новой властью, от которой ожидали улучшения жизни:

– А прыйшлі Саветы, пабылі... Маці кажэ: Не тыя Саветы! Не тыя Саветы, што мы чакалі! Бо зара абавязкоўэ даставы, у лес ісці рабіць, пляны, дзерава вывазіць (житель д. Валилы, 1930 г.р., P05B.Wal.SZ/AS.NS.WS, 2001).

Изредка люди с одобрением говорили о «первых Советах»:

– Людзі рускіх не баяліся. Яны ў маёнтку пачалі калгас рабіць. Людзі пачалі хадзіць туды на працу. У нас жа нічога не было. А ў маёнтку ўсё было. Пры Саветах добра было. Начальнікі былі добрыя (жительница д. Шинковцы, 1920 г.р., АС.2002);

– Саветы прыйшлі і далі землю. Яны падзялілі маёнтак, які арэндавалі два жydкі. Людзям гэта спадабалася (житель д. Василевичи, 1912 г.р., АС.2002).

Также редко звучало уверенное мнение, что лучше всего было в Польше:

– Калі б яшчэ пабыла Польшча, то было б як у Амерыцы. Лепей за ўсё было ў Польшчы. Хлеба заўсёды хапала (жительница д. Асташа, 1902 г.р., АС.2002);

– На немцаў глядзелі як на Саветаў – аднолькавы вораг (житель д. Селивановцы, 1929 г.р., АС.2002);

– Каб Саветы Бога прызнавалі, то не былі б пакараныя [...] Мы не жадалі далучэння да СССР, бо Саветы былі чужымі, а Польшча – усё ж такі свая краіна (жительница д. Ковняны, 1921 г.р., АС.2003). (Кстати, это был один из редких случаев, когда одно из государств (Польша) было названо «своим».)

Люди также сравнивали «первые Советы» со «вторыми» («вторые» пришли в 1944 г.). Сравнение всегда было в пользу «первых». Причем в этом случае главным критерием оценки выступала продолжительность существования власти:

– Першыя бальшавікі былі лепшыя, бо пабылі трохі ды адышлі. А другія як прыйшлі, то чэрці завылі (житель д. Чарнуха, 1916 г.р., АС.2003);

– Для нас «першыя Саветы» былі лепшымі, бо прыйшлі і хутка пайшлі адсюль. «Другія» былі горшымі, бо пачалі арганізоўваць калгасы (житель д. Селивановцы, 1929 г.р., АС.2002).

Сравнение Советов с немцами всегда было в пользу первых. В этом случае важнейшим критерием становилась личная безопасность:

– *Советы ўсё раздалі, а немцы зямлю назабіралі. Пакінулі ўсім па 15 сотак. Калі не пойдзеш на працу, немцы білі за гэта, маглі да смерці забіць* (жительница д. Шинковцы, 1920 г.р., АС.2002);

– *Немцаў баяліся больш, чым Саветаў. Немцы былі страшнейшымі. ...Гаспадарку лягчэй было весці пры немцах, бо не забіралі ўсё так нахабна, як бальшавікі. Але ж было страшней. Адзін стары казаў, што ехаў у Друскеніках і не прывітаўся з немцам. Той запыніў яго і як даў!.. зуб выбіў. Перад немцам заўсёды трэба было запыніцца і вітацца. Пры Саветах такога не было* (жительница д. Чарнуха, 1916 г.р., АС.2003);

– *Немцаў баяліся больш. Немцы людзей білі, вывозілі, забіралі. Саветы таксама вывозілі. З гэтай вёскай (Запурье Поречского сельсовета. – А.С.) вывезлі тры сям'і гаёвых* (жительница д. Запурье, 1921 г.р., АС.2003).

О репрессиях «первых Советов» также говорили много, но лишь в редких случаях воспоминания носили очень эмоциональный характер:

– *С приходом большевиков начались «чистки» местного населения. Люди не могли понять, в чём провинились? Одни говорили, что причина в том, что город (Гродно. – А.С.) защищался. Другие считали, что уничтожат всех, кто ходит в костёл. Напуганные люди стали прятать иконы [...] Людей забирали обычно ночью. Приезжала полторка, кузов которой был закрыт брезентом [...] Людей загоняли в машины и везли на железнодорожный вокзал. Мы в то время жили недалеко от вокзала и ночью слушали плач и крики. Это страшно вспоминать. Иногда ещё доносился рёв обеспокоенных львов из зоопарка. Такой жестокости не дай Бог кому-нибудь видеть и слышать [...] В городе говорили, что в Пышках (лесопарк в пределах Гродно. – А.С.) расстреливают людей. Расстреливали и в городской тюрьме. Наша соседка, напуганная переменаами, сняла иконы, на дверях нарисовала три пятиконечные звезды. Она скоро вышла замуж за советского служащего, надзирателя в тюрьме. Муж приносил с дежурства полотняные мешочки, наполненные крестиками, ружанцами, кольцами и серьгами. Я приходила играть к её дочке, и мы часто доставали эти мешочки и рассматривали то, что там находилось. В то время я ничего не понимала, а теперь знаю, что это были вещи людей, которых осудили на смерть* (жительница г. Гродно, 1934 г.р., АС.2004);

– *У вёску заехалі сем савецкіх танкаў. Застрэлілі польскага афіцэра. Як пазналі, што афіцэр? У яго рукі былі белыя, без мазалёў. Прыйшлі нелюдзі* (житель д. Радзивилки, 1929 г.р., АС.2002).

Многие респонденты довольно спокойно говорили о советских репрессиях 1939–1941 гг. Возникло чувство, что после ужасов немецкой оккупации советские репрессии уже не казались чем-то очень страшным:

– *Першыя Саветы раскулачылі Макара, які меў 12 кароў. Але таксама раскулачылі і Вайцахоўскага, які ні храна не меў (жыцьельніца д. Радзівилкі, 1936 г.р., АС.2002);*

– *Саветы тут нічога не рабілі. Толькі салтысоў пазабіралі і пасадзілі. Гэта быў 1940 г. З нашай вёскі Саветы не вывозілі. У нас немцы вывозілі. Немцы былі горшыя і страшнейшыя за Саветаў. Рускіх мы так не баяліся. Немцы строгія былі. Як хто не пайшоў на працу, то конем гналі па вуліцы. Бабам то не, а мужчынам даставалася. Саветы былі лепшымі (жыцьельніца д. Василевічы, 1918 г.р., АС.2002);*

– *Спачатку, як Саветы прыйшлі, то яшчэ было добра, а потым пачалося раскулачванне ды яшчэ чорт ведае што... (жыцьель д. Чарнуха, 1916 г.р., АС.2003).*

Жыцьельніца г. Гродно, 1922 г.р., адвечая на вопрос, которая оккупация была более страшной, отметила, что советские репрессии всегда происходили тайно, а немцы убивали так, чтобы все видели и запомнили:

– *Калі бальшавікі вывозілі, то людзі паміралі недзе далёка. А іншым разам прыходзілі лісты, і мы ведалі, што яны жывуць у цяжкіх умовах, але ж жывуць. А немцы проста забівалі і скідвалі ўсіх у ямы... Адным словам, жыццё палякаў было несалодкім і пад бальшавікамі, і пад немцамі (АС.2004).*

Отчужденность человека от государств, которые в период 1939–1945 гг. боролись за владение белорусско-польским Пограничьем, подтверждается также отношением местного населения к воюющим сторонам. Вспоминная военные действия, жители Сопецькинського поселкового совета, преимущественно католики по конфессиональной принадлежности, почти не употребляли слов «свои», «наши». Только в двух случаях «своими» были названы солдаты и офицеры Войска польского. Житель деревни Шинковцы, 1916 г.р., который оказался свидетелем ареста красноармейцами бригадного генерала Юзефа Ольшин-Вильчинского, рассказывал, что с появлением «русских» «наши» солдаты начали разбегаться (АС.2002). Жыцьельніца д. Василевічы, 1920 г.р., вспоминала об отступлении польских войск:

– *Нашыя палякі не мелі чым ваяваць [...] Нашыя не стралялі, а толькі адступалі (АС.2002).*

Отношения к немецким и советским войскам располагались в диапазоне от страха до обычного ожидания: а что же теперь будет? Никто не вспоминал о «радости населения», которое будто бы «освобождали» в 1939 или в 1941 г. Но и сожаление о разгроме польских войск высказывалось очень редко:

– *Рускіх сустракалі і ні добра, і ні дрэнна. Чакалі, што будзе (жыцьель д. Василевічы, 1914 г.р., АС.2002);*

– *Як сустракалі Саветаў? Ніяк не сустракалі. Была нейкая дзіўная армія. Мы іх называлі «чубарыкамі», бо шапкі мелі дзіўныя. ...Але мы іх разумелі,*

бо потым прыйшлі немцы, якіх ніхто не разумёў. ...Людзі не хаваліся, бо не баяліся Саветаў. Адразу знайшліся свае дэпутаты, свае міліцыянеры. Пераважна гэтыя былі бяднейшыя людзі (житель д. Селивановцы, 1922 г.р., АС.2002);

– Удзень было спакойна, а ўначы прыйшлі Саветы. Мы кінуліся ўцякаць і хавацца. У вёску мы вярнуліся праз два дні (жительница д. Василевичи, 1918 г.р., АС.2002);

– Ніхто Чырвоную Армію не сустракаў. Па вёсках хадзілі чуткі, што недзе іх сустракалі вельмі ўрачыста. Але ў нас нічога надобнага не было. Страху таксама не было. Каменная Русата – гэты была польская, каталіцкая вёска. Заехалі салдаты на наш хутар. Мы іх пачаставалі малаком, і яны паехалі далей (жительница г. Гродно, 1924 г.р., АС.2002).

О радости рассказала только жительница Гродно 1934 г.р. По ее словам, многие гродненцы обрадовались известию о начале войны между Германией и СССР, так как надеялись, что больше никогда не будут вывозить людей к «белым медведям». Она же припомнила разговоры о том, что кто-то встречал немцев «хлебом-солью» (АС. 2004).

Воспоминания о послевоенном переселении значительной части католического населения белорусско-польского Пограничья в Польшу также свидетельствуют об отношении к политической власти. Главной причиной многочисленного переселения с территории БССР в Польшу в первые послевоенные годы был страх перед Советами и нежелание принимать советские нормы жизни, в частности идти в колхозы и платить большие налоги:

– Пры другіх Саветах шмат народу паехала ў Польшчу, бо тут зусім задавілі падаткамі (житель д. Радзивилки, 1928 г.р., АС.2002);

– Баяліся бальшавікоў. Прадавалі ўсё. ...Людзі ехалі самі, ніхто не гнаў, бо не жадалі ісці ў калгас (жительница д. Ковняны, 1921 г.р., АС.2002);

– Вёска Гадуны выехала амаль уся. Засталося не болей 15 гаспадароў з 70. Чаму вязджалі? Не хацелі ісці ў калгасы. Людзі прывыклі жыць самастойна, мець сваю гаспадарку (жительница д. Запурье, 1928 г.р., АС.2003).

Большинство респондентов также готовились к выезду, но по семейным обстоятельствам или потому, что власти не разрешили выезд, остались на территории БССР. Очень редко звучали и другие причины:

– Пасля вайны шмат народу выехала ў Польшчу. А я не паехала. Не хацела жыць пры паляках (жительница д. Ковняны, 1921 г.р., АС.2002); Пасля вайны шмат людзей выехала з вёскі ў Польшчу. Я не паехала, бо мела няцярных дзетак, а мы пачулі, што будучь «садзіць» на нямецкую зямлю [...] Я не шкадаю, бо тут мая Радзіма (жительница д. Шинковцы, 1920 г.р., АС.2002);

– Чаму не выехала? Дык палякі горшыя за бальшавікоў! (жительница д. Усеники, 1919 г.р., АС.2003).

Исследование устной истории среди православного населения белорусско-польского Пограничья проводилось на территории Поречского сельского совета Гродненского района (2003) и Деревновского сельского совета Слонимского района (2005). Было записано более 30 воспоминаний.

Очевидно иное, чем у католиков, отношение к приходу «первых Советов». Почти все респонденты говорили о радости населения.

– *Як Саветы прыйшлі ў 39 г., то радасць была... Тады Саветаў не распазналі* (житель д. Нагуевичи, 1923 г.р., АС.2005);

– *Як сустракалі Саветаў? Ой, што вы!.. Усёй дзярэўняй не спалі, чакалі. Ой, радаваліся, што прыдуць. Як рады былі, вам не расказаць! І мужыкі, і бабы. Усе. Па дзярэўне бярозы навасыякалі, кідалі веткі і цвяты. Гэта ж свае людзі ішлі. Встрачалі очень! Ішлі з музыкай да салдат. Праважалі іх пешиша да самага Слоніма. А потым усім сялом ішлі дахаты* (жительница д. Нагуевичи, 1928 г.р., АС.2005);

– *У 1939 г. да нас прыйшлі, як казалі, «першыя Саветы». Савецкія салдаты нам спадабаліся. Былі прыемныя, вясёлыя. Песні для нас, дзяўчатаў перапісвалі [...] А людзі ўсе былі радыя, што прыйшлі Саветы. Нават мая цёця, якая яшчэ ў тую вайну страціла мужа і жыла даволі цяжка, неяк сказала: «Як будзе, так і будзе, але ўсё ж такі свае людзі!»* (жительница д. Поречье, 1924 г.р., АС.2003);

– *Супраць Саветаў ніхто не выступаў. Немецаў баяліся, а як прыйшлі Саветы, то думалі, што гэта свае людзі* (жительница д. Старая Руда, 1919 г.р., АС. 2003).

Интересно, что местоимение «наши» было также использовано при пересказе позиции белорусов в 1939 г.:

– *Калі немец напад, то польскае войска ўцякло. Немец у грудзі, а бальшавікі ў спіну ўдарылі польскаму салдату. Беларусы казалі: Нашыя ідуць. Гаварылі, каб здаваліся не немцу, а бальшавікам* (житель д. Усеники, 1931 г.р., АС.2003).

Главной причиной этого недовольства был уровень жизни в межвоенной Польше. У православного населения белорусско-польского Пограничья недовольство было более сильным, чем у католиков. Православные также были более всего озабочены материальным уровнем жизни:

– *Што людзі чакалі ад Саветаў? Пры Польшчы людзі ў дзераўнях жылі плоха* (житель д. Хорошевичи, 1926 г.р., АС.2005);

– *Страдалі людзі пры Польшчы. У нас тутака ў двары быў паляк, то ўсе ў яго рабілі* (жительница д. Хорошевичи, 1930 г.р., АС.2005);

– *Падаткі былі цяжолыя за Польшчай. Вучасткі былі маленькія, пясок... За Польшчай цяжалавата была... Ніякіх зарабаткаў у дзярэўне не было. Усё кармілі свае пяць пальцаў... Цяжало было* (жительница д. Нагуевичи, 1928 г.р., АС.2005);

Глава 3. Память на Пограничье

– Рускіх сустракалі нармальна. ...Калі прыйшлі Саветы, бацька неяк пажартаваў: «Каб яны прыйшлі гадоў на дзесяць раней, то я хоць бы адпачыў, а то ўсё праца ды праца» (житель д. Поречье, 1923 г.р., АС.2003);

– З прыходам Чырвонай Арміі нам стала жыць лягчэй. Бацька працаваў у сувязі, меў добрыя заробкі. На стала з'явіліся цукеркі, мяса (житель г. Гродно, 1931 г.р., АС.2004);

– Гродзенцы па-рознаму аднесліся да прыходу Чырвонай Арміі. Палякі аднесліся вельмі варожа. Яны ўсе былі супраць. Ну, а беларусы? Беларусам не вельмі добра жылося пры паляках. Не было працы. Не ведаючы, што будзе потым, сустракалі больш-менш добра. Мой дзед казаў: «Хто іх ведае? Тут трэба яшчэ паглядзець!» [...] У размовах паміж сабой адныя пракліналі новую ўладу, іншыя прыглядаліся і нічога не казалі. Было так: палякі ўсе былі супраць, а беларусы яшчэ не ведалі, што будзе. Прыезжыя абяцалі «залатыя горы». Асабліва на першых выбарах казалі, што ўсё будзе нашае, заводы аддуць рабочым, не будзе гэтых капіталістаў (жительница г. Гродно, 1926 г.р., АС.2004).

Слова «свои» и «наши» употреблялись православными респондентами значительно чаще, чем католиками, и только в отношении красноармейцев. Но и среди православных доминировали термины «Советы» (или «Первые Советы») и «русские». С каждым прожитым при советской власти днем она все более воспринималась как чужая.

– Арыштаваннаў у вёсцы не было, але было страшнавата, бо мы нават іх гаворкі не разумелі (жительница д. Старая Руда, 1919 г.р., АС.2003);

– У 1939 г. людзі не верылі, што гэта надоўга (жительница г. Гродно, 1926 г.р., АС.2004).

Собеседники также много говорили о репрессиях, вспоминали о жертвах депортаций, особенно 10 февраля 1940 г.:

– Асаднікаў вязлі на вузкакалейку ў Новаельню. Павозкі бралі ў дзярэўне. Нашыя людзі адвазілі іх туды. Тады паабмарожвалі насы, вушы... А як там дзеці ехалі, паняцце не мею [...] У тое врэмя ніхто не мог нічога сказаць. Я цяпер удзіўляюся, што гэта за начальнік такі быў, што загадаў іх у такое врэмя вывозіць... А людзі да іх нармальна адносіліся. Да іх хадзілі ў заробаткі. Ніякага вражаства да іх не было. Яны такія самыя трудзячыся (житель д. Хорошевичи, 1926 г.р., АС.2005);

– У Рудні жылі палякі. Іх у 40-м гаду (сорак градусаў быў мороз) вывозілі вазами. Гэта быў Цеслік і Шымчык з сем'ямі. Гэта іх павязлі на некія «белыя мядзведзі». А што людзі? Людзі, як бараны. А гэта ж уласць. А тыя Саветы самі не ведалі, што яны робяць. Думалі, што можа тут усіх будуць вывозіць (жительница д. Загритьково, 1922 г.р., АС.2005);

– Выступлений против Советов я не помню. А вот, что хорошо помню, так это «чистки». Многих отсюда вывезли. Вывозили в Казахстан бывших

военных пенсионеров, учителей, врачей, всех чиновников, часть духовенства. Забрали практически всю местную интеллигенцию. Мужа моей сестры, бывшего военного, арестовали, и он пропал без следа. Тётку с семьёй вывезли в Казахстан (житель г. Гродно, 1931 г.р., АС.2004).

Тема репрессий не ограничивалась трагической судьбой соседей-поляков. Люди вспоминали о репрессиях среди белорусов и других народов:

– [...] Вельмі хутка ўсе зразумелі, што можна казаць, а што нельга. Размаўлялі паміж сабой ціхенька, каб ніхто не чуў. Збіраліся групкамі. Беларусы асобна, і палякі асобна. У Гродне яшчэ шмат было яўрэяў. Калі Саветы прыйшлі, ім стала лепш. Яўрэі сябе ўзвысілі. Праўда, не ўсе. Добра стала бедным яўрэям, якія былі рабочымі. А ў багатых, што мелі дамы... пачалі ўсё забіраць і выганяць на вуліцу (жительница г. Гродно, 1926 г.р., АС.2004).

Отношение жителей православных деревень Слонимщины к немецким войскам в большей степени определялось бандитизмом партизан отряда имени П. Пономоренко, который действовал на территории Деревновского сельского совета в 1942–1944 гг. Люди рассказывали страшные истории о партизанских насилиях над жителями «лесных» деревень. На этом фоне о немцах говорили без чрезмерной враждебности:

– Немцы былі розныя. Некаторыя немцы былі харошыя. Як выгналі пад крэст (карательная акция в деревне. – А.С.), мама расказвала, то некаторыя немцы стаялі і плакалі. Жэнішчыны плакалі, маліліся, і яны плакалі (жительница д. Нагуевичи, 1928 г.р., АС.2005).

Следует признать, что население белорусско-польского Пограничья с большим недоверием относилось ко всем политическим властям периода войны: католическое население иногда как чужую воспринимало польскую власть, а православное – «русскую» (или советскую). Люди сохраняли своеобразную «тутэйшасць», которая проявлялась в определенном изоляционизме. «Своей» власти здесь не было никогда. Даже если и появлялась надежда на «свою» власть, то реальная жизнь очень быстро ее разрушала. При этом главными оценочными критериями той или иной власти являлся уровень благосостояния и личная безопасность. Культурные и конфессиональные проблемы первоочередными не были. Жители Пограничья прекрасно владели мастерством быстрой адаптации к чужому языку и чужой вере. Правда, последнее более относится к населению православных деревень.

Анализ записанных воспоминаний позволяет также высказать мнение, что «тутэйшасць» католического населения как его доминирующая идентичность в период войны активно разрушалась. В воспоминаниях о послевоенном времени большое внимание уделялось судьбе католического костела и духовенства. Людей волновала проблема польскоязычной школы для собственных детей. Очень эмоционально вспоминали о коллективизации, которая активно разрушала традиционный уклад жизни. Перемены в

сознании православного населения происходили не быстро. Однако и тут война нанесла сильный удар как по «тутэйшасці», так и по восприятию мира в категориях «свои» и «чужие». На последнее очень сильно повлияли белорусские партизаны.

Образ партизана

Тема партизанской борьбы против немецких оккупантов была одной из приоритетных в историографии БССР. Она же дала сотни сюжетов для художественной литературы (знаменитое стихотворение Янки Купалы «Партизаны» вошло во все хрестоматии белорусской литературы XX в.), кинофильмов и всего того, что немецкий исследователь Яан Ассман назвал «культурной памятью».

Белорусские историки и литераторы создали и распространили миф «партизанской республики», который стал одним из определяющих для сознания послевоенного поколения белорусов. Его неотъемлемыми атрибутами была идея партийного руководства партизанским движением, его массовости (более 440 тыс. партизан и подпольщиков²⁰), а также всенародной поддержки партизан и попольщиков. То, что не соответствовало концепции, разработанной в кабинетах коммунистических идеологов, преследовалось или игнорировалось. Был ограничен доступ исследователей к «партизанским фондам» в архивах. Устные воспоминания жителей белорусских деревень совершенно игнорировались. Впрочем, советская действительность (и не только сталинского периода!) приучила людей «держат язык за зубами», и вряд ли устная история в условиях БССР могла быть ценным историческим источником.

Только в начале 90-х гг., после распада СССР и провозглашения независимости Беларуси, появилась возможность действительно научных исследований проблематики, связанной с периодом немецкой оккупации, в том числе и партизанского движения. Одним из первых попытался пересмыслить эту страницу отечественной истории белорусский исследователь из Варшавы Юрий Туронок в книге «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» (Минск, 1993). В частности, на основе немецких архивных материалов он составил таблицу потерь мирного населения в результате партизанской деятельности на территории Слонимской округи с 1 апреля по 30 ноября 1942 г. Оказалось, что за этот период партизанами было убито 1024 и ранено 272 человека. Из этого общего количества немцы составили соответственно 111 и 45 человек, полиция – 36 и 82, сотрудники администрации (в том числе старосты и их семьи) – 140 и 19 и, наконец, мирное население – 683 и 88. Та-

²⁰ Гісторыя Беларускай ССР / Пад рэд. І.М. Ігнаценкі ды інш. Мінск, 1975. Т. 4. С. 587.

ким образом, потери среди мирного населения (крестьяне и так называемые «представители администрации») составили более 80%²¹.

Эти данные стимулировали организацию экспедиции по устной истории в «лесных деревнях» Слонимского района. Участники экспедиции записывали устные воспоминания жителей деревень Нагуевичи, Хорошевичи, Загритьково Деревновского сельского совета. Среди опрошенных преобладали люди 1920–1940 гг. рождения, партизанская же тематика не вызывала большого желания вспоминать.

Какой же образ партизана сохранила память жителей Слонимщины?

Вопрос о времени и обстоятельствах появления партизан заставлял респондентов рассуждать о причинах партизанского движения. Чаще всего люди связывали появление партизан с немецкими карательными операциями против бывших военнопленных и евреев:

– *Парцізаны з'явіліся вот калі... Кагда нашы адступалі адсюда ў 41-м гаду, проста беглі, паніка была. І тут многія асталіся ваеннаслужачыя як «прыпіснікі» – у Нагуевічах, у Хараішэвічах. Цвяткоў такі... Яны жылі ў старых людзей, намагалі ім, рабілі... А ў 43 ці 42-м гаду прыехалі немцы ў Нагуевічы і сказалі, што трэба ісці на рэгістрацыю. Нашыя і нагуевіцкія пайшлі туды, а гэты Цвяткоў Ванька, ён мусі саабразіцельны быў, і не пашоў у Нагуевічы. Іх там расстралялі... А хто з іх астаўся, пайшлі ў лес у парцізаны²² (житель д. Хорошевичи, 1926 г.р., АС.2005).*

Следует заметить, что действительно в марте 1942 г. немецкие власти попытались вернуть назад в лагеря ранее освобожденных и размещенных по деревням пленных красноармейцев, так называемых «прыпіснікоў» или «прымакоў». Эта попытка обернулась тем, что тысячи бывших военнопленных пошли в лес, что значительно активизировало партизанскую борьбу.

– *...Не было ў нас парцізанаў, пакуль не сталі немцы людзей біць. Пакуль не сталі біць жыдоў. Бо як пусяць зарадку, то не могуць ўсіх пабіць адразу, а падаюць усе. Як прычямнее, то жывыя выпяўзаюць... Гэтак пачаліся парцізаны. Пасля пачалі браць нашых хлопцаў у парцізаны. Прыдзе і гаворыць, каб ішоў з ім. А калі не пойдзеш, то могуць і забіць... Парцізаны таксама ўсялякія былі. Былі гэтакія, што яны далёкія... а былі свае... То яны абіралі сваіх людзей. Сваі былі худшыя, бо ўсё ведаюць... Можна, каб немец людзей не біў, то і парцізанаў не было б... З нашага сяла тожа пайшлі ў парцізаны. Прышлі парцізаны і забралі людзей... (жительница д. Загритьково, 1922 г.р., АС.2005).*

Имела место мобилизация мужчин в партизанские отряды. Отказ мог обернуться трагедией. Партизанские угрозы не были пустым звуком:

²¹ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993. С. 97.

²² Пры цытаванні захаваныя асаблівасці вымаўлення.

– ...Парцізаны забілі Мішу Мацвеева Купіча. Ён не пайшоў тады начаваць у лес. Быў такі высокі, здаровы дзядзька. Яго расстралялі парцізаны, бо не хацеў ісці да іх. Скрываўся і ад немцаў, і ад парцізан. Ён быў нежанаты, меў каля сарака гадоў. Жыў з сястрою... Парцізаны былі розныя. Знаеця, воля была. Хто як мог. Каторыя былі акуратныя, а каторыя... Розныя былі... (жительница д. Нагуевичи, 1928 г.р., АС.2005).

Говоря о боевых действиях партизан, жители «лесных деревень», как правило, вспоминали об уничтожении партизанами десяти немецких солдат, которые приехали в д. Нагуевичи за продуктами, и о частых взрывах на железной дороге, что находилась в 7–10 км от названных деревень. Информация об уничтожении немецкого отряда приводится также в Хронике партизанской борьбы, опубликованной на страницах книги «Памяць. Слоні́мскі раён»²³. Это же издание помогло идентифицировать партизанский отряд, который действовал на территории современного Деревновского сельского совета. Это был отряд имени П. Пономоренко, которым с декабря 1942 г. по январь 1944 г. командовал Иван Зайцев²⁴. Кстати, в одном из интервью местных партизан называли «зайцами» (видимо, от фамилии командира). Это еще одно доказательство, что жители д. Нагуевичи, Загритьково и Хорошевичи имели дело не с бандитами, а с регулярным партизанским отрядом.

Партизаны воевали против немецких оккупантов, но при этом совершенно не учитывали возможных трагических последствий этого для жителей «лесных деревень»:

– ...Парцізаны зрабілі засаду за Нагуевічамі. Там озера было, вада стала. Парцізаны заселі з двух бакоў і там немцаў укакошылі, забілі. Каторых забілі зразу... А каторыя немцы ў багну палезлі. Афіцэр усё з пісталета адстрэльваўся. Заграз па самыя вушы. Дабілі яго там. Забілі ўсіх дзесяцёх. Гэта было ў аўгусце. Мы тады ўсе думалі, што нам – Харашэвічы, Нагуевічы – усім хана будзе. Не спасёмся. Дзесяць чалавек немцаў забілі разам! І ўсе днём жывуць, а вечарам усе выбіраюцца ў лес. Пашиці все. Забярэмся ў лес, касцёр раскладзем і спімо, але які там сон. Камары грызуць... Пахадзілі, пахадзілі нядзелі дзве. Не едуць немцы. А патом... У гумне спалі. Жніво ўжо было... Сасед рана вышаў і бачыць, што кругом ляжаць немцы і паліцаі, адзін каля аднаго. Што тут дзелаць? ... Усех людзей сагналі немцы ў дзеравянны зруб ад недабудаванага магазіна... А пад гарой паляглі немцы і паліцаі з пулямётамі. Некі іх начальнік паехаў у Нагуевічы. Прыехаў адтуль, нешта гаргытаў, гаргытаў... (житель д. Хорошевичи, 1926 г.р., АС.2005).

– Сказалі нам, што калі будзе хоць адзін парцізанскі выстрал, то вам канец. А калі не будзе, то будзеце жывы... (жительница д. Хорошевичи, 1930 г.р., АС.2005).

²³ Памяць. Слоні́мскі раён / уклад. А.М.Тарсуноў. Мінск: БелТа, 2004. С. 299.

²⁴ Там жа. С. 290.

– А парцізаны на гары сядзелі... Гэта шчасце, што яны не выстралілі. Думаю, што ні аднаго п'янага не было, а каб выпілі, то абязцельна які б выстраліў. Нас бы тады не было (житель д. Хорошевичи, 1926 г.р., АС.2005).

– ...У нас парцізаны дзесяць чалавек немцаў забілі... Ці думалі парцізаны, што за гэта могуць дзярэўню спаліць? Іх гэта не інцэрэсавала. Яны ж у лесе. ...А немцы акружылі дзярэўню. Загналі ўсіх пад крэст у канцы дзярэўні. Акружылі, далі лапаты, паставілі пулямёты. Сказалі, што ўсіх выб'ем. Нас маглі ўсіх убіць. Але прыехаў некі начальнік. Нешта яны гаварылі, гаварылі... Мужыкоў аддзялілі направа, жэнішчын і дзяцей налева... Тады яны забралі 65 чалавек, мужыкоў толькі ў Германію. А жэнішчын адпусцілі. І немцы былі розныя. Некаторыя немцы былі харошыя. Як выгналі пад крэст, мама расказвала, то некаторыя стаялі і плакалі. Жэнішчыны плакалі, маліліся, а яны плакалі. Там было пару чалавек самаахоўцаў, а больш немцы і немцы. Ці плакалі самаахоўцы? Не! Нашыя беларусы хужэйшыя! Знаеця, з дурака зрабіце пана... (жительница д. Нагуевичи, 1928 г.р., АС.2005).

Наиболее эмоционально, но также и наиболее осторожно, респонденты реагировали на вопросы о партизанских визитах в деревню, которые часто превращались в ничем не ограниченное насилие и разбой:

– [...] Што тады было? Картошка. Мала ў каго хлеб быў. Немцы прыезжалі за ячкамі, за курамі. Было голадна [...] Немцы самі курэй не лапалі. Прыдзе, убачыць курыцу і гаворыць: «Ідзі лапай!» Ідзеш і лапаеш, дзве-тры... Каб не біў. І хлеб бралі. А парцізаны і не пыталі. Прышоў у хату, ляжыць хлеб на стале, забярэ і пойдзе. Парцізан не будзе пытаць. Парцізаны не хадзілі ў форме. Прыдзе, убачыць, спадабалася яму твая куртка, значыць, здымай [...] І пакрывала бралі, і бяльё бралі, і верхняе, і ніжняе. Яны ўсё ноччу хадзілі, рэдка, калі днём. І ўсё больш на конях ездзілі вярхом. У іх не было ні машын, нічаво. А коні такія былі... Прыдзе парцізан да майго дзядзькі, забярэ каня, асядлае, дні два паганяе, прыгоніць, кіне і другога возьме. А куды яны ездзяць не знаю. Але, калі прыганялі, ад каня адзін дух заставаўся.

[...] Аднаму парцізану пасля вайны далі дзесяць лет. Даказалі, што людзей забіваў, цэлымі сем'ямі. Але ж і другія забівалі! Знаеця, як людзей забівалі... Вось прыедуць, станеш прасіць, каб нешта не забіралі... Зараз за цябе і заб'юць. Унічтожаць! Усяго хватала. Каго забіралі і ў лесе расстрэльвалі, а каго і на месцы. Знаеця, за гэтае врэмя мало хто нават і раздзеўся на-настаяшчаму. Такое тварылася, што не дай Бог!... (жительница д. Нагуевичы, 1928 г.р., АА.2005).

– [...] Гэтая Жэня была дзядзькі майго жонка. Я яе дзяцей потым гадала... У тую ноч парцізаны 14 чалавек забілі. Казалі, што будуць нашпарты правяраць... Дзядзька потым з ціху памёр. Проста нутро яго не выдзержала. Ён выбе: «Хлопчыкі, што ж вы робіце!» (знаёмья ўсе ж былі, суседзі!) Як жа дзеці астануцца?

– *І табе зараз тое будзе! Бярыце суку!*

Я ў падпол схавалася. А дзядзька выбег: «Жэнечка»... А яе ўжэ няма.

[...] Немцы былі ўсякія людзі, як хто. І нашыя былі не ўсе роўныя. І нашыя людзей забівалі. Парцізаны рабавалі і забівалі. Сколька парцізаны і ў нас уністожылі! Эту Лёдзееву Ганну забілі. За што? Прыехалі, забралі, павязлі і... ўсё. Аўдоцыю тожа. Янку з Хараішэвіч [...] І заб'юць, і невядома куды чалавек падзеўся. Такія тыя парцізаны. Хто каму паможа? У кожнага свая бяда... (жительница д. Загритьково, 1922 г.р., АС.2005).

Однако на Слонимщине были и другие партизаны. Люди вспоминали о рейдах партизанского соединения генерал-майора Филиппа Капусты:

– І другія атрады ішлі. Некія яшчэ «капуснікамі» зваліся парцізаны. Не знаю чаму так звалі. Нескалькі раз яны ішлі праз нашу дзярэўню. То тамака яны і страдалі тыя парцізаны! Нашыя то не асоба яны страдалі. А тыя – босыя, памучаныя, страшныя. Яны нічаво не бралі ў людзей. Нічаво. Што самі людзі дадуць. Выносілі на вуліцу. Каровы шчэ ў нас былі. Хто малака прынясе, хто хлеба, хто што. Нашыя парцізаны баяліся тых «капуснікаў». Нашыя людзі не жадныя былі. І парцізан кармілі, якія дзе прахадзячыя. Выносілі людзі і давалі [...] Але гэтакія беднеўкія ішлі саўсем, то людзі выносілі (жительница д. Нагуевичи, 1928 г.р., АС.2005).

В многочисленных интервью на партизанскую тему наиболее эмоционально звучала тема «своих». Рефреном повторялось: *Сваі былі худшыя [...] Нашыя беларусы хужэйшыя [...]* и т.п. Вспоминая о партизанах, респонденты будто еще раз переживали уничтожение традиционного крестьянского уклада, где со «своим» обычно связывались все надежды.

Аналогичное отношение к партизанам было выявлено также на белорусско-российском Пограничье²⁵. Респонденты отчетливо делили партизан на «своих» («своих») и «чужих». «Свои» в большинстве случаев – это местные мужики, которые добровольно или по принуждению пошли в лес и влились в партизанские отряды. В д. Машково (Добровский сельский совет) Горковского района Могилевской области рассказывали о 18 молодых парнях, которых «забрали в партизаны» без их согласия (АС.2004). Как и на Слонимщине, местоимение «свои» совсем не означало существования между деревней и партизанами хороших отношений. Обычно «свои» вспоминались очень критически, как «дурні, што проста так бегаюць па лесе» (АС.2004).

Люди не особенно церемонились с эпитетами, когда разговор заходил о «своих» партизанах: *бандыты, тарбэшнікі, бобікі, хулюганы*. Главным критерием оценки было отношение партизан к местному населению. Респон-

²⁵ Апытанне праводзілася летам 2004 г. у Горацкім, Дрыбінскім і Мсціслаўскім раёнах Магілёўскай вобласці.

денты отмечали, что одни партизаны (*справядлівыя*) просили помочь продуктами, а другие (*хулюганы, бобікі*) – сами забирали:

– *А тады прійдуць жа тыя, парцізаны [...] Як справядлівыя, так ціхенька стукаюць, як хулюганы [...] как дадуць у дзьверы, і завесы вывалюцца. Яны ж, парцізаны, абманіюць, усё абманам і живуць [...] Етыя ціхенька пастукаюць, папросюць хлеба, малака папросюць [...] Ім адцідзіш, дасі, а я ўжо была тама замужам, дык, у старіка мёд быў, а людзі падказалі [...] Дак яны папрасілі, ён вынёс ім. А хулюганы тыя ў вокны дзагаюць: «Давай мёду» і ўсё (жительница д. Абраимовка, 1915 г.р., ВО4М.Абр.НJT/Ns.OS.);*

– *Калі б партызаны харошыя былі, сваіх бы людзей не пайшлі грабіць (АС.2004);*

– *Парцізаны толькі людзям врэд дзелалі. Ходзяць, забіраюць последнее. Шапкі якія надзець, хлеб, скаціну. Парцізаны не дай Бог у нас былі! (АС.2004);*

– *Мож, партызаны дзе і былі харошыя, а тут, у Машкове, – не было (АС.2004).*

– *Мы іх (партизан. – А.С.) звалі тарбэзнікі. Патаму, што былі парцізаны харошыя, а былі такія, што пайшлі ў лес сем'ямі і тады абіралі тых людзей (жительница д. Маслаки, 1931 г.р., ВО4М.ККW/AS).*

Жители деревни Маслаки категорически отвергли информацию местного музея о разгроме партизанами немецкого гарнизона. В соответствии с их воспоминаниями партизаны вошли в деревню после отступления немцев и стали мстить тем, кто сотрудничал с оккупантами. Так, были застрелены староста и переводчик из комендатуры, дьяк и дьячиха. Жители были вынуждены обратиться к офицеру Красной Армии, который, по их словам, остановил самосуд.

Следует признать, что местоимение «наши» вообще не употреблялось в отношении партизан. Люди не смогли простить насильственных действий в отношении жителей деревни:

– *Мы калі ў кусках (на заработках. – А.С.) былі, ляжым на печы, заходзіць адзін, здявай, кажыць, шубу. Запытаў, хто мы адкуль, атрымалася знаёмья. Дык ён кажыць, чаго ляжыш, пайшлі ў лес, там будзе і што есці і што адзець. А так шубу здзелі і пайшлі. Во якія партызаны тыя. Партызаны былі адзетыя, аружонныя, а тыя – есць нечаго, яны ў лес ідуць, а тады па дзяреўні ходзюць [...] Етыя што з дзяреўні пайшлі, дык якія ета партызаны [...] Дзе мы ў бежанцах былі, там былі ў Западней, дзяреўня Косіна. Во тама страху было. За Мінскам недзе. Дзяреўні гарелі кругом. Днём немцы, паліцаі, а ноччы парцізаны [...] Бо прыходзюць, ды давайця хлеб і яшчо што. Мацярі, як далі сюда прыкладам (жительница д. Костюшково, 1925 г.р., ВО4М.Кас. KFR/PK.NP).*

На вопрос, почему она сама не пошла в партизаны, прозвучал красноречивый ответ: «Я што зарабіла, то і з'ём. Чужога хлеба не ела. Якая ж з мяне партызанка?!» (АС.2004).

Очень часто сельчанам было сложно отличить партизан от бандитов. Как повторяли в д. Машково: *лес – бес, хто іх разбярэ, усякія хадзілі* (АС.2004). Кроме того, в ответах чувствовался своеобразный крестьянский менталитет с распространенной нормой: *Мая хата з краю... Часто встачалось мнение, что ў партызаны і паліцаі разумныя не пайшлі* (АС.2004). Люди говорили также об отсутствии помощи со стороны партизан. Один из респондентов на вопрос, помогали ли вам партизаны, ответил: «На што мы ім? Абуза!» (АС.2004).

«Чужими» (синонимы – *дзеіствіцельныя, за ўласць, справядлівыя, настаяшчыя*) называли диверсионные отряды и окруженцев, которые действовали в немецком тылу. Люди говорили о хорошем вооружении, о военной форме и утверждали, что они воевали за Родину. Только однажды прозвучала негативная оценка «чужих»:

– *Чужыя былі гэтыя парцізаны. Яны спачатку забіралі хлопцаў маладых, мужчын да сябе насільна, а потым выгнали: «Нам самім няма чаго есці, а вы тут чаго шляецеся!» Якія ж гэтыя парцізаны! Былі ў нас парцізаны плахія* (жительница д. Тушешая, 1925 г.р., АС.2004).

Очень опасным было то, что на партизанские действия оккупанты отвечали карательными акциями, направленными преимущественно на мирное население белорусских деревень. Резкие оценки партизан прозвучали, например, в «партизанской» деревне Тушешая Городокского района. Расстрел всего мужского населения деревни и ее сожжение было наказанием за убийство партизанами немецкого солдата.

О немецких репрессиях в ответ на действия партизан говорили во многих деревнях восточного Пограничья Беларуси:

– *[...] Яны Возкі спалілі, а патам Більску спалілі, разам з людзьмі спалілі [...]* *Спальвалі вёскі немцы. А чаго? Парцізаны падарвалі браніоезд* (жительница д. Александровка, 1928 г.р., АС.2004).

Насилие со стороны партизан, сожжение деревень карателями создавали атмосферу настоящего апокалипсиса. Жители деревень Слонимского района припомнили возрождение архаических способов спасения деревни и ее жителей:

– *...А тутука за ноч (я яшчэ малая была) мужчына храсты пастаўлялі чатыры, а бабы напралі-наткалі чатыры ручнікі, выткалі, дзярэўню ўсю аснавалі тры разы ніцёмі. У суботу – нядзельку хадзілі, маліліся, спявалі...* (жительница д. Нагуевичи, 1934 г.р., АС.2005).

– *...Усё рабілі за адну ноч. Мужыкі храсты зрабілі, а жэнішчыны напралі таго льну, наткалі палацэнца і ўсю дзярэўню абвялі тры разы ніткамі.*

Як вёска начынаецца і задамі ішлі-ішлі і нітку цягнулі. Гэта аберагала ўсю дзярэўню. Эта ўсе людзі рабілі самі ад сабе. Ніхто не спаў. І дзеці нават хадзілі. Рабілі ўсё па-прастому. І ўсё зносілі жэніччыны, хто што, хто што. Адна прадзе, другое тчэ, трэцяя снуе, чацвёртае – тое робіць. Ткалі ў Мілашкі. І Каліноўскі нешта рабіў. Пралі ў яго. У двух хатах ткалі, бо чатыры ручнікі ні за што не выткалі б (жыцьніца д. Нагуевічы, 1928 г.р., АС.2005).

– ...Як сталі ўжэ немцы выбіваць і сёла паліць, то за ноч храсты пастаўлялі, і ручнікоў наткалі, і вячэру зрабілі. Цэлы дзень пасцілі, нічаво не елі, а вечарам трохі поснага паелі. Збіраліся эта рабіць у адной хаце. Рабілі гэта, каб Бог спас сяло. Каб людзі засталіся... (жыцьніца д. Загріцькова, 1922 г.р., АС.2005).

– ...У вайну хадзілі па дзярэўне, храсты стаўлялі... Уночы мужчыны храсты пастаўлялі. І там ля кладбішчаў у нас дарога была. І там пастаўлялі. А бабы сабраліся, і ў нас ручнікі ткалі ўночы, напралі і ткалі... І ўжэ навесілі, каб напроціў вайны. За адну ноч усё гэта рабілі. Ніхто не спаў. Сабраліся ў адзін дом. А гэтак хадзілі вечарамі пад крыжы ды ўсё маліліся. Такое адзін раз было. Так згаварыліся. Сабраліся бабы ткаць ручнікі, а мужчыны храсты ставілі. Я прала ў тую ноч. Ці дапамагло, Бог яго знае? Засталася дзярэўня (жыцьніца д. Загріцькова, 1928 г.р., АС.2005).

Эти архаические обряды («абудзённікі») свидетельствовали об исчезновении последних надежд на «своих», на человеческую помощь. У «абудзённіках» проявилась вся сила «традиционного общества», которое внешне разрушалось под давлением эпохи модерна, но продолжало жить как миф, интуиция, вера. Нерациональное восприятие мира «прорастало» через рационализм модерна.

Если существование партизан было связано с наличием лесов, то старосты и полиция – это повсеместное явление. Старосты обычно были «своими» (часто до войны они занимали должности председателей колхозов) (ВО4М.ККW/AS). Старост выбирало как местное население, так и назначали немцы из мужчин, что оставались в деревне. Часто это были инвалиды или, как заявили в д. Привец (Маслаковский сельский совет), «обычные нетрудоспособные» (ВО4М.Нгyв.MZS/NS.OS). Оценка деятельности старосты полностью зависела от характера взаимоотношений, которые сложились между ним и деревней. Встречался как позитивный образ спасителя (Проз яго мы выжылі), так и негативный образ (Баяліся слова сказаць, каб не забіў). Старост в отличие от полиции не всегда отождествляли с немцами. Часто припоминали, что он отвечал за хозяйство...

– Каму харошы, каму плахі, усім не ўгадзіш (ВО4М.Len.MPM/NS.OS);

– Быў пад усі бочкі гвоздзь, і для партызанаў, і для паліцаяў (ВО4М.Abr.Jad/NS.OS).

В воспоминаниях о партизанах очень часто возникали также «полицейская тема». Анализ устных воспоминаний жителей белорусско-российского Пограничья позволяет утверждать, что образ полицейского не имеет однозначной характеристики. Люди припоминали разные пути и разные причины, которые приводили односельчан в полицию. В частности, в полицию можно было оказаться в результате немецкой мобилизации (*забіралі сілай, каб у партызаны не пайшлі*). Иные пошли добровольно, рассчитывая на материальные выгоды (*бывала прыдуць, і што хочуць адбярдуць*). Но обычно оценка полиции также зависела от отношения последней к сельчанам:

– *Як яны аднасілісь да народу, так і народ – да іх* (ВО4М.Нгуw.MZS/NS.OS).

Безусловно, записанные устные воспоминания не дают оснований для широких обобщений на тему отношения партизан к населению белорусских деревень. Но они однозначно опровергают тезис советской пропаганды о «всенародной поддержке» партизанского движения и заставляют усомниться в выводах уже современных историков, что «в абсолютном большинстве взаимоотношения партизан и местного населения были чрезвычайно благородными»²⁶.

Собранные материалы подтверждают выводы немецкого историка Бернгарда Кьяри, который на основании изучения документов оккупационной администрации утверждал, что партизан часто боялись больше, чем немецких карательных акций. Тем более что партизаны действительно составляли «черные списки» так называемых предателей, которые подлежали расстрелу на месте²⁷.

Упомянутый немецкий историк сравнил белорусское общество во время войны с группой людей на плоту, которых уносит могучий поток. Плот несет через пороги и водопады, он постепенно разрушается. Каждый стремится выжить. Кто-то цепляется за бревна плота, другие бросаются в воду, чтобы доплыть до берега. Некоторые сталкивают своих товарищей по несчастью, чтобы облегчить плот. Отчаяние подталкивает к действиям тех, кто потерял всякую надежду...²⁸

В картине, нарисованной немецким исследователем, отсутствуют люди, которые пытались бы спасти не только свою жизнь, но и жизнь иных людей на плоту... Конечно, этот образ можно проигнорировать, отмахнуться, что это немецкое понимание нашей истории, основанное исключительно на

²⁶ Каваленя А.А., Літвін А.М., Саракавік І.А., Касовіч А.В. Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны: вучэбны дапаможнік / пад рэд. А.А. Кавалені. Мінск, 2005. С. 67.

²⁷ К'яры Б. Штодзённасць за лініяй фронту. Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944). Мінск, 2005. С. 67, 171.

²⁸ Там жа. С. 22.

немецких документах. Но стоит задуматься, почему так часто жители «лесных деревень» подчеркивали, что *свае былі худшыя*, что *ад сваіх найбольш і нацярпеліся*. Даже сегодня многих жителей белорусских деревень (особенно мужчин), людей преклонного возраста, трудно разговорить на тему партизан. Они будто бы все еще боятся...

Большой интерес представляют также ответы на вопросы, которые касались послевоенных партизанских формирований, что вели борьбу против советской власти. Воспоминания были записаны в деревнях Сопоткинского поселкового совета (2002). Отношение людей к этим партизанам не зависело от национальности последних. Партизаны делились на «хороших» и «плохих» (или «партизан» и «бандитов») в зависимости от того, грабили они людей или нет:

– *Прыходзілі партызаны. Хацелі забраць парася, але забралі карову. Яны ваявалі так: удзень спяць, а ўначы прыходзяць у вёску і патрабуюць сала* (житель д. Радзивилки, 1928 г.р., АС.2002);

– *У нас добрых партызанаў не было. Адныя бандыты былі, а не партызаны* (жительница д. Асташа, 1925 г.р., АС.2002).

Только однажды прозвучало слово «наши», но это местоимение и в этом случае не означало симпатии респондента к партизанам:

– *Партызаны былі рускія і нашы польскія. Рускія не рабавалі магазіны. Яны казалі: «Дайце нам столькі, каб мы маглі жыць». А польскія самі ўсё забіралі.*

Респондентка признала, что наиболее страшно было после войны:

– *Пасля адыходу немцаў тут такое жажлівае пачалося бандыцтва. Людзей у хатах забівалі* (жительница д. Шинковцы, 1920 г.р., АС.2002).

Следует отметить почти постоянное употребление слова «бандиты» в отношении послевоенных партизан. Все без исключения респонденты негативно оценивали деятельность партизанских групп после войны. И это несмотря на то, что основную массу партизан в окрестностях Сопоткино и Поречья составляло местное польское население, которое боролось за возвращение польской государственности:

– *Пасля вайны былі групы, якія хацелі Польшчу адваяваць. Хадзілі да 1950 г. Удзень працавалі, а ўначы ішлі ў лес і ваявалі. Кралі, забіралі кабаню* (житель д. Василевичи, 1914 г.р., АС.2002);

– *Партызаны пасля вайны хацелі скінуць Савецкую ўладу і вярнуць Польшчу* (жительница д. Ковняны, 1921 г.р., АС.2002);

– *Пасля вайны партызанаў ужо не было, былі толькі бандыты [...] Людзі баяліся тых бандытаў. Яны шмат каго забілі [...] Называлі іх «сжучай боты». У вайну людзі так не баяліся, як пасля яе* (жительница д. Василевичи, 1920 г.р., АС.2002);

– *Партызаны-бандыты тут былі пасля вайны. Толькі людзей рабавалі. Зайдуць у хату і ўсё забіраюць. Потым Саветы ўсіх пералавілі і судзілі* (житель д. Селивановцы, 1922 г.р., АС.2002);

– *Былі ў нас тутэйшыя партызаны з Літвы. Яны нічога добрага не зрабілі, толькі ўсё забіралі ў людзей і крычалі «Зжуцай боты»* (житель д. Селивановцы, 1925 г.р., АС.2002);

– *Сястра выйшла замуж за рускага афіцэра з першых Саветаў. Партызаны (ужо пасля адыходу немцаў) забілі і яе і бацьку. Бацька быў дэпутатам, і яны думалі, што ён выдаць. Гэта бандыты былі, а не партызаны. Хадзілі і людзям шкоду рабілі* (житель д. Ятвезь, 1925 г.р., АС.2002);

– *Цо оні зрабілі для паньства? А ходзілі в ноцы і рабавалі. Ту сонседы апавядалі, як тэ партызанты забралі веша, можэ венцэй ніж двесці кілё. А іх посадзілі на лавку кола стола як на шлюбe і нават піснюнць не далі, ні плакаць, ні мувіць. І там іх білі за цось. Оні можэ не давалі тэго веша? Бабка не раз плакала як апавядала. Оні ніц добра не зрабілі тэ партызанты* (жительница д. Соничи, 1931 г.р., АС.2002).

Политические цели этой партизанской войны люди оценивали довольно критически. Один из респондентов даже пошутил, что *партызаны ваявалі за Польшчу ад можа да можа, а сталіца – Гожа*²⁹ (житель д. Чарнуха, 1916 г.р., АС.2003).

Партизанская тема в устной истории заставляет также задуматься о месте историка в современном обществе. Современные попытки восстановления советской идеологии партизанской борьбы не имеют ничего общего ни с наукой, ни с нормами морали. Устные воспоминания о партизанах опровергают дискурс «Великой Отечественной войны» и поднимают проблему гражданской войны...

Партизанская тема наиболее ярко отражает процесс распада традиционного крестьянского сообщества. Во время войны разрушались все социальные связи, которые делали самодостаточным изолированный мир белорусской деревни. Распадалась иерархия сельской социальной системы. Вместе с ней исчезала единая система моральных и религиозных ценностей. Наконец, разрушался прежний стереотип восприятия мира через систему категорий «свой» и «чужой». Фактически можно говорить об исчезновении того крестьянского сообщества, которое когда-то было основой идентичности и давало чувство защиты. Человек оставался один на один с проблемами военного времени.

²⁹ Гожа – вёска, цэнтр сельсавета на тэрыторыі Гродзенскага раёна.

«Чужие» в белорусской деревне. Повседневная жизнь

Война продолжала разрушать изоляционизм крестьянского сообщества. Население белорусской деревни было вынуждено познакомиться почти со всей Европой. По меньшей мере, жители восточного (белорусско-российского) Пограничья вспоминали немцев, евреев, поляков, финнов, «чехословаков», украинцев, русских и «смолян». Все вместе они относились к категории «чужих», которые противостояли «нашим». К последним респонденты относили красноармейцев, о которых говорили исключительно положительно. С их появлением связывали окончание войны. Если «свои» («наши») выступали единым монолитом, то «чужие» такого единства не имели. Респонденты отличали, например, немцев от финнов, а поляков от «чехословаков».

Чаще всего среди «чужих» фигурировали немцы. Первая встреча с ними была наполнена страхом, возможно, обусловленным антинемецкой пропагандой начала войны. Однако присутствовал и обычный человеческий интерес к ранее невиданному. В дальнейшем отношение к немцам зависело преимущественно от того, как война повлияла на судьбу респондента и членов его семьи. В качестве крайних позиций на восточном Пограничье можно рассмотреть отношение к немцам жителей д. Маслаки и Тушевая (Горокский район Могилевской области). В первой из них всю войну находился немецкий гарнизон, и немецкие солдаты вели себя достаточно миролюбиво. Некоторые из респондентов даже употребляли выражение «наши немцы», отличая «своих» немцев от иных, припоминали ситуации, когда солдаты помогали местному населению (например, подсказывали, когда ожидать очередной отправки молодежи на работу в Германию). А вот в памяти жителей д. Тушевая сохранился однозначно враждебный образ немца-карателя, что связано с карательной операцией лета 1943 г., в результате которой было расстреляно все мужское население деревни, сама она была сожжена, а женщины и дети стали беженцами. Однако следует признать, что практически у всех респондентов отсутствовал однозначный стереотип немца-убийцы.

Воспоминания также свидетельствуют, что обычно немцы не учитывали национального своеобразия населения, называя всех «русскими». Исключение составляют только воспоминания людей, вывезенных на работы в Германию. Там их белорусскость играла определенную роль.

Интересный материал дали попытки жителей Пограничья объяснить понятие «немецкий порядок». Респонденты белорусско-российского Пограничья чаще всего говорили о жесткой дисциплине и работе (*каб працавалі і не варавалі*), а также припоминали расправы с теми, кто боролся против оккупационного режима.

Ответы жителей западного Пограничья наполнены конкретными примерами и эпизодами из личной жизни:

– *Што такое «нямецкі парадак»? Адзін гаспадар не здаў 8 яек, то атрымаў ад прыхайшага камісара з Друскенік восем удараў нагайкай. А мы з суседам аднойчы павезлі малако здаваць у Друскенікі. Пакуль немцы яго прымалі, сусед прапанаваў пайсці пагуляць па гораду. А ён шмат паліў. Дык вось скруціў сабе цыгарэту з газеты, запаліў, і мы пайшлі. Толькі адыйшлі ад млячарні, а тут немец ідзе насустрач. Мы шапкі паздымалі, адыйшлі ў бок і прывіталіся: «Дзень добры». А той немец параўняўся, ды як стукне майго суседа па твару і па цыгарэце. Аж кроў палілася. Гаворыць: «Спачатку выкінь цыгарэту, а потым вітайся» (житель д. Чарнуха, 1916 г.р., АС.2003);*

– *Немцы хадзілі па вёсках і глядзелі, ці маеш ты, чым засеяць поле. Калі нехта не меў, то давалі зерне. Але ж дысцыпліна была моцнай! Не тое, што сёння. Нельга было на працу не выйсці. У Шынкаўцах было пасажана шмат бульбы. Немцы загадалі Васілевічам, Каўнянам, іншым ісці капаць бульбу. Усе пайшлі, ніхто не застаўся. А калі б нехта не пайшоў, маглі б да смерці забіць» (жительница д. Василевичи, 1920 г.р., АС.2002);*

– *Нямецкі парадак? Дарогі не было, гразна было. Ён пройдзе, скажа, каб ад двара канаўку пракапалі, то праўці нельга было, лужы (жительница д. Машкова, 1922 г.р., АС.2004);*

– *«Нямецкі парадак» – гэта парадак моцны. Напрыклад, гаспадар мае каня. Калі немец убачыць, што конь ці карова мокрая або конь не падкуты, або таблічка на возе (прозвішча і вёска) адсутнічае, то добра дасць «абрахамам» (кнутом – А.С.). Можна быць і штраф. Трэба глядзець, каб конь быў чыстым. Хадзілі немцы з солтысам па хлявах, глядзелі, які парадак, як конь стаіць, як карова (житель д. Селивановцы, 1922 г.р., АС.2002);*

– *У іх парадак строгі быў, не тронь нічога, будзіць валяцца ні тронь, а не, дык цябе растраляюць. А самі забяруць тады. Нічога не бяры, нікому не дары нічога. Парадкі ў іх былі будзь здароў, жалезныя (жительница д. Маслаки, 1918 г.р., ВО4М.Мас.АММ/ПК.НР).*

– *«Нямецкі парадак» быў жорсткі. Гарэлку, напрыклад, гнаць не давалі і піць не дазвалялі. П'яных на вуліцы білі так, што больш не пілі. А калі лавілі тых, хто гнаў гарэлку, то саджалі ў гарадзенскую турму, і мала хто адтуль выйшаў. Лічаныя людзі рызыкавалі гнаць гарэлку. Гэта цяпер людзі распіліся. Так, некаторыя старэйшыя людзі гавораць: «Немца на вас трэба». Была дысцыпліна! Чысціню яны любілі вельмі... Немцы глядзелі, калі бедныя і жывуць не вельмі чыста і акуратна, то адразу адпраўлялі ў Германію. Бедныя ж часта лянiвымі былі. Моцных гаспадароў не краналі (жительница д. Запурье, 1928 г.р., АС.2003).*

– «Нямецкі парадак»? Калі ты іх не чапаеш, то і цябе не зачэпяць, а калі на немцаў ідзееш, то ўб'яруць сразу. Пасодзяць у машыны, завязуць і заб'юць у Горках (жительница д. Машкова, 1934 г.р., АС.2004).

Довольно часто «немецкий порядок» объяснялся требованиями к культуре быта, труда и поведению:

– Немцы хадзілі па хатах, па дварах, глядзелі, каб чыста было. Парадак быў... Немцы сачылі за гэтым (жительница д. Старая Руда, 1919 г.р., АС.2003);

– Немцам трэба было сьдаваць малако і мяса. Самі маглі есці мяса толькі калі хаваліся. Кожны месяц здавалі 10 кг мукі з душы. Дысцыпліна была не такая, як сёння. Мужыкі выганяць гарэлкі, вып'юць і ціха ідуць да хаты. Ніхто не выступаў так, як сёння (житель д. Поречье, 1923 г.р., АС.2003).

Частые упоминания дисциплины и порядка, будто бы характерные для немецкой оккупационной политики, нередко были вызваны реакцией старшего поколения на то состояние распада и кризиса, которое переживает современная белорусская деревня. Не случайно, рассуждая о «немецком порядке», почти всегда респонденты сравнивали ситуацию оккупации с сегодняшним днем. Обычно это сравнение было не в пользу современности. При этом даже ужасы войны отходили на «второй план».

Среди чужих довольно часто упоминались финны (*хвіны*), которых повсеместно характеризовали очень негативно. Их называли *карнікамі*, «палачами» (*катамі*), *страшнейшымі за немцаў* и т.п. Жестокость финнов объясняли их поражением в «финской войне» (1940). Эпизодически в рассказах возникал образ «чехословаков» (словаков), о которых обычно высказывались доброжелательно. Одна респондентка припомнила, что «чехословаки» приходили в дом и просили, чтобы их не боялись, потому что у нас одна вера.

О поляках вспоминали в двух ситуациях. Во-первых, люди припомнили тех поляков, которые служили в немецких войсках (возможно, это были жители польско-немецкого Пограничья). В ответ на вопрос: почему вы считаете их поляками – начинали припоминать польские слова, которые слышали от них. Во-вторых, жители восточного Пограничья знают о тех больших потерях, которые понесла польская дивизия имени Т. Костюшко в октябре 1943 г. в боях под Ленино. Эти бои принято считать боевым крещением польских союзников на Восточном фронте.

Устная история помогла выявить несколько распространенных среди местного населения версий причин больших потерь польской дивизии. Наиболее популярная утверждала, что поляки будто бы попытались перейти на немецкую сторону. При этом некоторые респонденты обвиняли польских солдат в уничтожении их деревни, заявляя, что как раз вследствие польского «предательства» немцы остановили наступление Красной Армии. На вопрос: почему же в этом случае погибшим польским солдатам поставили

памятники и создали Музей боев под Ленино, респонденты либо не отвечали, либо говорили: *бо їх имат набілі*.

Высказывались также версии, что поляков «подставили» «наши» (не дали оружия и бросили под немецкий огонь), что поляков по ошибке в ходе боя побили «русские», что поляки сдавались в плен, а немцы их расстреляли, что поляки воевали на стороне немцев и, наконец, что они сами себя перестреляли, потому что приняли «своих» за «наших».

– ...*А палякі пад Леніна думалі, што гэта наша рота, а яны сваіх палажылі. Палажылі роту цэлую сваіх. Яны самі сваіх забілі. Думалі, што гэта нашыя. Во, яны цяпер кажны год ездзяць на кладбішча. Не пацэліліся. Супраць каго палякі ваявалі? Хвароба іх ведае. Яны самі не зналі, супраць каго ваявалі. Палякі самі сабе магілу знайшлі* (жительница д. Тушева, 1918 г.р., АС.2004).

Версия польского героизма вместе с «нашими» была самой редкой. Анализ устных воспоминаний позволил выявить очень сильные антипольские стереотипы, которые, возможно, были сформированы еще в период Российской империи и во время активной советизации БССР в межвоенные 1920–1930-е гг.

Знакомство с польской исторической литературой позволило более глубоко заглянуть в реальную историю боев под Ленино. Польский военный историк Станислав Ячиньский, исследуя ход наступательной операции под Ленино, подтвердил справедливость некоторых «версий» местных жителей³⁰. В частности, историк отметил, что дивизию имени Т. Костюшко направили на фронт, даже не закончив ее подготовки, что дивизия была вынуждена совершать ночные переходы, чтобы своевременно занять позиции, что по вине командующего 33-й армией генерала В. Гордова командир польской дивизии полковник Берлинг даже не знал о действительных целях наступления. В результате успех польской дивизии 12 октября (захват первой линии окопов) не был поддержан другими частями Красной Армии. «Соседи» только имитировали наступление, чтобы не позволить немецкому командованию начать переброску сил с этого участка в Украину. Кстати, в этом и заключалась главная цель наступательной активности в районе поселка Ленино.

В результате польская дивизия после тяжелых двухдневных боев с превосходящими силами противника понесла большие потери (около 3 тыс. человек), использовала почти весь боезапас, так и не дождавшись помощи от «соседей». Командование польской дивизии в определенный момент расстрелялось. Несколько тактических ошибок совершил полковник Берлинг. Танки, посланные поддержать пехоту, тонули на заболоченных берегах

³⁰ Jacyński St. Bitwa pod Lenino (12-13.10.1943). Mity i rzeczywistość // Wojsko polskie na froncie wschodnim. Wybrane problemy. Warszawa, 2003

р. Мереи. Немцы вернули свои позиции и взяли в плен до 700 польских солдат. Кроме того, советская артиллерия ошибочно обстреляла наступающие польские части. 14 октября остатки дивизии были отведены во второй эшелон. Генерал Гордов, который поставил перед дивизией заведомо нереальную задачу прорыва немецких позиций, наказания не понес.

В категорию «чужих» попали также украинцы з-за *Брэста*, а таксама русские и «смаляне», которые пришли вместе с немцами. Отношение к ним негативное, как к предателям. Конкретных примеров враждебного отношения украинцев и русских к местному населению не зафиксировано, чего не скажешь о «смалянах». Последних обычно называли *гадкімі людзьмі, горшымі за немцаў*. Причиной этой враждебности было то, что «смаляне» хорошо знали обычаи, традиции и лад жизни местного населения и помогали немцам, например, находить места, где прятались продукты и ценные вещи.

Интересно, что русские в рассказах встречаются редко. Возможно, жителям белорусско-российского Пограничья было трудно отличить себя от русских, потому что этнический раздел приобрел региональный оттенок с использованием соответствующего термина («смаляне»).

Есть основания украинцев, русских и «смалян» занести в промежуточную категорию «чужих/своих». Чувство определенной «свойскости», возможно, отразилось как раз в обвинениях последних в предательстве. Например, финнов или чехословаков в этом не обвиняли. А вот поляков и евреев можно отнести к промежуточной категории «свои/чужие».

О трагедии еврейского населения люди говорили с большим сочувствием. На вопрос, как сельчане воспринимали убийства евреев, одна из респонденток ответила:

– *Вы жэ знаеце: ты ўступіцца, і табе эта будзець. Ну, як? Як то заступіцца? Я сядзела о, у гэтым месце жыла, гляджу: у вокны глядзяць, у сарай пашлі, іскалі, думалі, можа дзе схуваліся. А нікога тут не нашлі, дак сабралі ўсех у сарай, і тады карацельныя атрады іх пагналі. Траншэя процітанкавая была, у тую траншэю с аўтамата, падхадзілі яны [...] усе ў яму. Жалка іх было. Яны ж харошыя яврэі. Яны дажа лучша за рускага: падзеляцца з табой, пагаворюць. Дак, рускія ж бываюць усякія, а явреі эта: ён калі цябе нада што-та, ці аддалжыць, ці вызваліць (жительница г.п. Ленино, 1917 г.р., BO4M.Len.MPM/NS.OS).*

– *Жыдоў расстрэльвалі. Вёска была Напраснаўка [...] Там адныя жыды жылі [...] Эта жыдоўская была дзярэўня. Каторыя дзяржалі свае магазіны [...] Гэтыя, каторыя былі багатыя, яны зналі, паўцякалі ў Маскву, а бедныя асталіся. І іх тута расстралялі. Во як дарога ёсць із Шапялёўкі і на Міхайлавічы. [...] Яны вывелі з дзярэўні ўсіх. І ноччу там ямы выкапалі і ўсіх расстралялі (жительница д. Маслаки, 1931 г.р., BO4M.Mas.KKW/AS).*

Зафиксированы отдельные случаи как помощи евреям со стороны местного населения, так и доносов на них. Причины холокоста наши собеседники или не могли определить, или же искали их в поведении и жизненном укладе самих евреев. В частности, отмечалось «своеобразие» трудовой деятельности евреев (торговля) и их высокие умственные способности. Наряду с сочувствием присутствовали критические рассуждения:

– *Пачымяяны нацыю эту ю яврейскую хацелі скасаваць, патаму што яны не работалі нікагда [...] Яны ж не работалі нікагда. Яны ўсё спекуліравалі, во, як цяперя, хто што. Бывала ж, прадаець адзін магазінчык, а зці ўсё, някто не йдзе. А яны прадавалі, прадавалі, к ім усё шлі [...] Так іх хацелі скасуваць савсем, нацыю іх* (жительница г.п. Ленино, 1917 г.р., ВО4М.Len.MPM/NS.OS).

Сочувствие тысячам погибших в устных воспоминаниях переплеталось с обычной крестьянской завистью к более богатым и более умным. Очень возможно, что критика евреев, которая звучала в попытках людей ответить на вопрос о причинах их уничтожения, была только частью прежнего оправдания собственного невмешательства и (чаще всего) молчаливого наблюдения за трагедией холокоста.

Эта трагедия приобрела новые оттенки во время экспедиции в д. Бытень Ивацевичского района Брестской обл. (2006). Бывший партизан, с обидой рассказывал, что спас из местного гетто целую еврейскую семью. А ему за это ничего не заплатили (!?). На реплику, что спасенные, возможно, позднее погибли, рассказал об их гибели, свидетелем которой был:

– *Я знаю, дзе яны пагіблі! Толькі гаварыць пра гэта как-та... стыдна... Іх патанілі парцізаны... Быў у нас такой камандзір Гусеў. Адзін, а патам Бабкоў, другой... Бабков лётччык быў. Палучілі указаніе ад генерала Капусты: Сабраць ад яўрэяў дзеньгі на танкавую калону. Патаму што ў іх у кожнага есць золата... хоць не многа, но есць... Сказаў, не дзеньгі, а сняць всё золата. Ну, яны пробавалі ў нашым атрадзе «Савецкая Беларусь», у «Чапаева» - «Прадстаўляйце золата». – не сдают. [...] ...А тут панадабілася выгнаць літоўцаў, за Піронімам есць такая местнасць – Савічы. Там ізвястковы завод быў. І вот на Савічы паішлі ваяваць нашы. Партызанаў наслалі... А каго напярод? Яўрэяў напярод! Гэтыя два камандзіры – Бабкоў і Гусеў: Яўрэяў напярод!.. Усіх. А яны ж ні плаваць, ні страляць... Мужчыны яшчэ кое как. А там жа жэнічыны, дзеці... Іх тады многа пагібла. Шчара шырокая там. А Шчару нада перахадзіць, каб патам наступаць. Тыя там страляюць, а тут нада ісці... (житель д. Бытень, 1911 г. рожд., АС. 2006).*

В отношении крестьянского общества к «своим» и «чужим» отчетливо проявлялись усилия людей сохранить и примирить нормы сельского жизненного уклада с обстоятельствами военного времени, а именно с присутствием «чужих» войск, с грабежами и издевательствами, как «чужих», так

и «чужих/своих», а в некоторых случаях и «своих». Однако сохранить традиции неприкосновенными оказалось невозможно. «Нормальность» крестьянского мира рушилась под ударами снаружи и изнутри. Ради физического выживания приходилось приносить постоянные жертвы, в том числе жертвовать прежними моральными и религиозными ценностями, что проявилось также в отношении к холокосту.

Жители восточного Пограничья Беларуси охотно рассказывали о повседневной жизни в условиях оккупации. На белорусско-российском Пограничье еще до войны произошла полная коллективизация. Изредка респонденты припоминали отдельных индивидуальных хозяев (термин «кулак» не употреблялся), которые жили очень тяжело, были обложены громадными налогами, но долгое время сопротивлялись вступлению в колхоз. Почти все наши собеседники охотно вспоминали, как сразу же после прихода немцев происходил раздел крестьянской собственности, в первую очередь земли. Обычно земля делилась в зависимости от количества «душ» в семье (чаще всего 10 десятин на «мужскую душу»). На вопрос о том, кто делил землю, чаще отвечали, что это делали сами крестьяне или же немцы, *бургмістр*, староста. Жители пос. Ленино вспоминали, что первоначально немцы сохранили колхоз и назначили своего «коменданта». Раздел земли оценивался только положительно, хотя большой радости при этом наши собеседники не высказывали:

– Немцы прышлі, дык яны па дварах раздзялілі ўсю калхозную землю. Немцы самі, ну, во старасту выбралі і дзялілі на душу. Во прымер, у этай хаце 5 душ, на пяцярых дзялі. А хлеб, каторы змалацілі абшчэственны каторы, ўсе прыехалі ўвесь выграблі. Тады ж амбары былі, усё выграблі. А вы сейця, пашыця, абрабатывайце. Кароў раздзялілі, каней па дварах. На душу насіленія ўсё. А патам прыедуць забяруць, на работу нада якую, лес рэзаць, то разработкі дзелалі яшчэ. Сабіраюць і пагналі на работу і не кармілі нічога [...] А што людзі? Жыць то нада, хто пахаў і сеяў, а хто і не пахаў, у каго і бур'ян быў (жительница д. Маслаки, 1918 г.р., ВО4М.Мас.АММ/РК.НР).

Земля и разделенный колхозный инвентарь создавали возможность эффективной хозяйственной деятельности. Как свидетельствуют записанные интервью, бедствовали преимущественно одинокие женщины с детьми, которые получили мало земли. Другим хватало произведенных продуктов, чтобы прокормить себя. Особенно не препятствовало даже то, что часть продуктов могли забрать немцы и полиция, а также партизаны.

Население должно было исполнять повинности в пользу оккупационных властей: копать траншеи, ремонтировать дороги, предоставлять подводы для перевозок, заготовливать лес. Кроме того, были введены налоги, и крестьяне должны были сдавать молоко, свинину, яйца, зерно, шерсть.

Устная история свидетельствует, что на оккупированной территории в денежном обращении были как немецкие марки, так и советские рубли. В деревнях преобладал натуральный обмен, а денежные единицы использовались при расчетах на базарах. Базары были единственным местом, куда люди отправлялись регулярно. Правда, и там не было безопасно, потому что часто проводились облавы.

После войны организация новых колхозов на восточном Пограничье уже не вызывала такого сопротивления, как в 1920–1930-е гг. Часто на колхоз смотрели с надеждой. Собственные хозяйства были уничтожены во время наступления Красной Армии и упорных боев в Беларуси осенью 1943 г. и летом 1944 г. Тем более что постепенно колхозы стали получать государственную поддержку.

Во время оккупации в некоторых деревнях Городокского района (Ленино, Костюшково, Рекатка и др.) действовали школы. Обычно они размещались в жилых домах. Учебников не хватало, активно использовались довоенные буквари, книги для чтения, задачки, а также «Хрестоматия по белорусской литературе» Максима Горецкого. При преподавании истории существовала определенная «цензура»: вырывали страницы с текстами о советской власти и о Сталине.

Количество учеников было небольшим. Дети обязаны были помогать родителям по хозяйству. Родители большого значения образованию не придавали. На вопрос о языке образования люди отвечали довольно путанно, хотя, вне всяких сомнений, это должен был быть белорусский язык, так как немецкие власти запрещали использование русского языка в преподавании. Кстати, часто респонденты не могли точно припомнить, действовала ли школа до войны или в военные годы.

Значительных культурных событий в жизни белорусской деревни на восточном Пограничье во время оккупации не зафиксировано. Иногда в школах проводились литературные вечера. Молодежь организовывала танцы. Припоминали случаи, когда на танцы приходили немцы и полиция (д. Маслаки) или же партизаны (д. Абраимовка). При этом и одни и другие чаще пели «Катюшу» или «Стеньку Разина».

Во многих деревнях Могилевщины (Ленино, Сава, Баево, Кищицы), где сохранились церкви, появились «батюшки» и проводилось богослужение. Но большого места в жизни людей возрождение религиозных обрядов не занимало. Возможно, сказывались результаты насильственной атеизации. Среди наших респондентов очень мало было тех, кто посещал церковь. Люди либо не имели такой потребности, либо боялись покидать деревню. Характерно также, что люди почти ничего не могли рассказать о судьбе «батюшек» и «матушек» после прихода Красной Армии. Часто респонденты путались с определением времени, когда действовали церкви, некоторые называли

1930-е гг., хотя известно, что религиозная жизнь в довоенной БССР была совершенно уничтожена «доблестными» советскими чекистами.

Тем не менее православная церковь играла определенную роль в налаживании нормальной жизни в условиях оккупации. Кроме того, исполнение определенных христианских ритуалов свидетельствовало, что человек не является ни коммунистом, ни евреем. В домах вновь начали вешать иконы, дети учили «Отче наш», чтобы в случае необходимости продемонстрировать знание молитвы.

Некоторые собеседники отмечали факты появления немцев на богослужении (*здымалі шапкі, стаялі і слухалі*). Церкви также были местами встреч, что использовалось партизанами. Зафиксирован только один случай расправы партизан с духовным лицом. В д. Маслаки после отступления немцев партизаны убили дьяка и его жену как «предателей».

Значительно больше эмоций вызывали вопросы, связанные с религиозной жизнью, у жителей западного (белорусско-польского) Пограничья. Было заметно, что католицизм многих респондентов выходил за конфессиональные рамки и являлся частью национальной идентификации. Кстати, зачастую это была откровенная декларация своей «польскости» для чужих. Обсуждение судьбы костела, духовенства и верующих позволило выявить активную жизненную позицию крестьян западного Пограничья.

Активная религиозная жизнь католических парафий Сопотчинского региона не прекращалась до прихода «вторых Советов». Во время войны действовали костелы в Сопоткине, Адамовичах, Селивановцах, Голынке. Ксендзы имели высокий авторитет, что, кстати, подтверждается и тем, что люди запомнили их имена. Почти все ксендзы, пережившие войну, были арестованы в 1944–1945 гг. Одновременно коммунисты начали закрывать костелы, например в д. Заречье. Однако верующие оказали сопротивление. В д. Селивановцы, где несколько лет не было ксендза, люди не позволили ликвидировать костел и перешли на своего рода религиозное самообслуживание. Староста парафии имел ключи от костела, и люди посещали костел и молились самостоятельно. В 1947 г. Эдвард Русин из д. Шинковцы откопал костельные колокола, повесил их в колокольне и сам начал звонить. По его словам, люди приходили в костел, молились и плакали. В этом же году Э. Русин был арестован и осужден как *агітатар, які ўмацаваў касцёл*. Вместе с ним судили двух ксендзов. Люди сочувствовали обвиняемым, единодушно осуждали политику насильственной атеизации и приводили многочисленные примеры нарушения введенных властями ограничений религиозной жизни:

– *Пасля немцаў Саветы ўзяліся за касцёл. Нельга было хрысціць дзяцей, вадзіць у касцёл. Рускія ўсё забаранілі. Ідзеш у касцёл, а яны стаяць у браме. А калі ідзеш і хрысціш, то з працы выганяць. Дык вазілі дзяцей хрысціць па*

начах. Ксёндз ніколі не адмаўляў. Хоць ксяндзам пагражалі, але яны казалі: дзяцей трэба хрысціць (жительница д. Василевичи, 1920 г.р., АС.2002).

Известие о варварском уничтожении в Гродно костела Вознесения Богоматери (так называемые «Фары Витовта») вызвало возмущение людей, однако выступить против власти открыто люди не решались.

А вот ответы на вопросы о школе и языке образования мало чем отличались от ответов жителей восточного Пограничья. Обычно эти ответы были лишены сильных эмоций. Жители Сопоцкинского региона имели проблемы с определением языка обучения (русский, белорусский или польский) после прихода «первых Советов». Устная история позволяет утверждать, что в этом регионе не произошло полного перевода обучения на русский или белорусский язык. В большинстве местных школ остались прежние польские учителя, чего, например, не было в Гродно, где почти все польские учителя были или уволены, или депортированы, как говорили, *на белыя мядзведзі*. Например, в д. Радзивилки осталась польскоязычная школа, хотя учителей поменяли (жительница д. Песчаны, 1932 г.р., АС.2002).

Житель д. Радзивилки припомнил, что лучших учеников обещали свозить на экскурсию в Россию:

– Мой бацька вельмі баяўся, што за добрую вучобу і я туды магу паехаць. У школе была добрая бібліятэка. Памятаю, што чытаў кнігі Генрыка Сянкевіча (1929 г.р., АС.2002).

В д. Селивановцы был введен русский язык обучения, но оставались прежние учителя.

В условиях немецкой оккупации школы в Сопоцкинском регионе практически отсутствовали. По меньшей мере, не было официально разрешенных школ. В Селивановцах существовала тайная школа. Только один респондент упомянул о попытке защитить польский язык в школе. Большинство не проявляло особого интереса к языковой проблеме. Уже после войны «вторые Советы» перевели школу в Василевичах на русский язык. Однако после многочисленных обращений, просьб и требований в школе также начал изучаться польский язык.

Ответы респондентов не позволяют говорить о важности проблемы языка обучения для жителей белорусско-польского Пограничья в годы войны. Только одна респондентка припомнила, что родители не пускали ее в *русскую школу* и пришлось ходить в *польскую*, которая находилась на территории Литвы (жительница д. Усеники, 1922 г.р.).

Однако фактор языка все-таки играл важную роль. Например, существование разных этнонимов в регионе («поляки-русины» и «поляки-мазуры») респонденты объясняли языковыми особенностями:

– Мы ўсе слаба размаўлялі па-польску. Спачатку тут былі рускія, потым палякі прыйшлі. Дык вось нас і празвалі палякамі-русінамі. А далей на

захадзе жывуць палякі-мазуры. У нас тут большы па-простама размаўляюць. А вось у Сапоцкіне і Гарачках размаўляюць па-польску. А ў Ятвязі – па-простама. Чорт яго ведае, чаму так атрымалася (житель д. Селивановцы, 1922 г.р., АС.2002);

– У нас (д. Усеники. – А.С.) гавораць па-просту, па-польску і па-руску. А ў Асташы ўжо маюць сваю размову. Хто па-руску гаварыў, то таго навярнулі і цяпер гаворыць па-польску. У Радзівілках і цяпер у краме па-польску. Калі па-руску гаворыш, то як глухія робяцца (жительница д. Усеники, 1922 г.р., АС.2002);

– У Радзівілках па-польску гавораць. Слова па-беларуску не пачуеш. У нас большы па-беларуску. Нас называлі «палякі-русiны», а мы iх – «палякі-мазуры» (житель д. Усеники, 1931 г.р., АС.2002).

Антиномия «свой/чужой» наиболее полно проявлялась в воспоминаниях о тех военных формированиях, с которыми во время войны «познакомилась» белорусская деревня. Феномен «наших» проявился только на восточном Пограничье, где «свои» («наши») ассоциировались с красноармейцами и окончанием войны. Население западного Пограничья этот термин не употребляло ни в отношении власти, ни в отношении военных формирований.

«Чужие» делились по национальной или национально-региональной примете («чэхаславакі», «смаляне»). Война обернулась мощным прорывом национального мира эпохи модерна в традиционное общество белорусской деревни. Однако процесс замены этничности как органического кровно-культурного единства сельского населения Пограничья на национальность только начинался.

Отношение к религии также свидетельствовало о наступлении эпохи модерна. На восточном Пограничье в период войны возрожденная церковь оказалась на периферии социальной жизни. Вера стала личным делом человека и совершенно не влияла на его место в социальной иерархии. На западном Пограничье церковь (костел) сохранила и укрепила свои позиции. Однако очень большую роль в этом процессе сыграло укрепление польского национального самосознания, которое в понимании местного католического населения было неразрывно связано с католическим костелом.

В заключение следует отметить, что устная история населения восточного (белорусско-российского) и западного (белорусско-польского) Пограничья Беларуси выявила конфронтацию правды человеческой памяти о войне с постсоветскими идеологемами прежней советской и современной постсоветской директивной историографии.

Респонденты, как правило, не имели доверия ни к одной из тех политических властей, которые появлялись на Пограничье. Местоимение «свой» («своя») в отношениях к власти практически не использовалось. Жители за-

падного Пограничья не употребляли его также в отношении воюющих армий. На белорусско-российском Пограничье «нашими» («своими») считали красноармейцев, с приходом которых связывали окончание войны.

«Своими» называли также партизан, но при этом позитивная коннотация этого термина исчезла. Партизанская тема засвидетельствовала полный крах традиционного восприятия мира через антиномию «свой/чужой». Следует признать, что фальсификация образа войны советскими и постсоветскими директивными историками наиболее отчетливо проявилась в теме партизанской борьбы. Собеседники даже не всегда соглашались разговаривать об этом. Записанные устные воспоминания как на восточном, так и на западном Пограничье создали очень неоднозначный образ «народных мстителей». Наряду с упоминанием о *справядлівых, настаяшчых, дзействіцельных* партизанах люди с болью вспоминали *бандытаў, тарбэшнікаў, хулюганаў*. Страшные картины партизанского разбоя и насилия опровергают советский тезис о «всемирной поддержке» партизанского движения. Они дают основание заявить, что во многих местностях Беларуси приход партизан вызывал не меньший страх, чем приход немецких карательных частей. Изучение партизанской проблематики показывает полную научную несостоятельность понятия «Великая Отечественная война советского народа», по крайней мере применительно к Беларуси, и заставляет задуматься о перспективе использования дискурса гражданской войны.

Устная история также позволила в общих чертах представить состояние крестьянского общества в период войны. Несмотря на социально-экономические и культурные перемены межвоенного времени белорусская деревня все же оставалась формой традиционного общества. Война активизировала процесс его дезинтеграции. Происходила десакрализация власти, разрушался традиционный крестьянский изоляционизм. Вместе с ним разрушалась традиционная система моральных, религиозных и культурных ценностей. Рвались социальные связи, распадалась иерархия крестьянского общества, которая была основой традиционной идентичности и давала чувство защищенности.

При этом культурные и конфессиональные проблемы для населения Пограничья не были самыми важными. Жители Пограничья были «мастерами» адаптации к чужой культуре и вере. К тому же позиции православной церкви на восточном Пограничье были сильно ослаблены советской политикой насильственной атеизации межвоенного периода. На западном Пограничье влияние костела даже усилилось, но, вероятно, главную роль в этом сыграла советская послевоенная политика преследования польской культуры и католической веры. Защита католицизма стала отождествляться с защитой польской национальной идентичности, укреплению которой также способствовала война. Активизировался процесс замены кровно-

культурного этнического единства жителей белорусской деревни единством на основе национальной идентичности. Ускорился процесс разрушения крестьянской «тутэйшасці», хотя полностью своих позиций на западном Пограничье она не уступила и по сей день.

Крестьянин как главный персонаж традиционного общества был вынужден искать новую идентичность. Доминирующим вариантом такой идентичности в модерную эпоху стала национальная. Про крайней мере, это было нормой европейских цивилизаций. Причем культура памяти играла в этих процессах ключевую роль. Исторические исследования, в которых реконструировалось (конструировалось) прошлое нации, становились основой национального дискурса, играли роль своего рода фундамента строительства нации. На белорусских землях ситуация оказалась более сложной. Здесь распространение белорусской национальной идеи на протяжении XIX и XX вв. встречало очень серьезные политические препятствия, которые так и не были преодолены. Сначала российское государство, а позднее советская политическая элита сумели изолировать белорусскую национальную интеллигенцию от широких масс населения. В частности, в послевоенное время советское государство приложило большие усилия для дискредитации белорусской идеи как идеи коллаборационистов. Одновременно расширялась советская идентичность.

История последней войны, которая существует в столкновении дискурсов «Великой Отечественной войны советского народа» и «Второй мировой войны», играет очень большую роль в продолжающемся процессе формирования белорусской нации. Стремление современного государства сохранить в массовом сознании и в исторической памяти советские идеологемы можно (и следует!) рассматривать в контексте столкновения цивилизаций. Сегодняшняя ситуация в культуре памяти Беларуси лишь подтверждает тезис о цивилизационном Пограничье страны и ее народов. Актуальность проблемы влияния «западной» и «православной» (Самуэль Хантингтон) цивилизаций проявляется в напряженной борьбе разных политик памяти, которая должна определить характер и пути дальнейшего формирования белорусской нации и перспективы ее будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пограничье европейских цивилизаций, рассматриваемое как «пространство между» (В. Миньола), действительно, стало судьбой белорусской нации. Нахождение на стыке цивилизаций – это постоянное состояние диалога/конфликта.

Для белорусской земли он начался уже в эпоху Великого переселения народов (V–X вв.). Именно в этих процессах можно увидеть истоки современной Европы. По крайней мере, очевидно формирование ее нового этнического и политического облика, появление новых государств и новых цивилизационных рубежей. Балто-славянские контакты этого периода стали одним из важнейших факторов этногенеза белорусов.

В эпоху средневековья и Нового времени на внутреннее развитие Беларуси и на характер ее международных отношений существенно повлияло разделение Европы на Восток и Запад (вместо античного диалога/конфликта Юг – Север). В X–XIII вв. белорусские земли оказались на перекрестке влияния Западной Европы и Византии.

Первоначально более сильным было притяжение Византии, что проявилось уже в принятии христианства по восточному (греческому) обряду. Однако византийская культурная традиция глубокого влияния на население белорусских земель не оказала. Местная элита лишь переняла ее формальные проявления. Постепенно росло значение связей со Скандинавией и Западной Европой. Современные исследования позволяют утверждать, что даже название «Белая Русь» имеет западноевропейское происхождение.

Смена цивилизационной ориентации происходила постепенно. Важным событием стало создание в середине XIII в. Великого Княжества Литовского, которое было сво-

его рода ответом на внешние угрозы. Вероятнее всего, начало государству положил союз двух главных политических сил в Понеманье, а именно белорусских городов-государств и вождей балтских племен. Во времена князей Ягелло и Витовта заключением Кревской унии 1385 г. был сделан сознательный выбор культурно-политической ориентации на цивилизацию Западной Европы через возвышение католической религии.

Вместе с Западной Европой Беларусь переживала эпохи Ренессанса, Реформации и Контрреформации. Правда, религиозная конфронтация на ее землях никогда не приводила к религиозным войнам. Веротерпимость для белоруса стала атрибутом толерантности.

XVI в., который иногда называют «золотым веком», закончился с распространением экспансии Московского государства на белорусские земли. Именно она обусловила необходимость более тесного сближения с Польским королевством (Люблинская уния 1569 г.), которое обернулось процессами полонизации и имело трагические последствия для белорусского общества и его культуры. В XVII–XVIII вв. страна Пограничья оказалась между «двух огней». Диалог/конфликт цивилизаций Запада и Востока Европы обернулся экспансией деспотического Московского государства и идеологическим наступлением Контрреформации и полонизации.

После разделов Речи Посполитой и аннексии Россией белорусских земель этот цивилизационный конфликт еще более обострился и приобрел форму российско-польского столкновения. Российская политика пережила эволюцию от культурно-языковой интеграции в первой трети XIX в. до политики деполонизации, которая превращалась в национально-культурную ассимиляцию. Разделы Речи Посполитой не только не остановили процесс формирования современной польской нации, но даже ускорили его. Все это непосредственно повлияло на процесс формирования белорусской нации, максимально затруднив присоединение к белорусскому национальному движению представителей местных элит.

Шляхта, которая стала главным объектом репрессий российских властей, в большинстве поддержала польскую идею. Хотя при этом следует отметить значительную роль интеллигенции шляхетского происхождения среди лидеров белорусского движения. Однако дворянство как социальная группа не могло стать главной силой белорусского движения.

Духовенство, которое сыграло заметную роль в национальных процессах европейских народов в XIX в., также оказалось несостоятельным в плане поддержки белорусского движения. Ликвидация унии и самостоятельной греко-католической церкви (1839 г.) имела огромное значение для белорусской истории. Исчез важнейший маркер самоидентификации, который отличал белорусов-униатов от русских-православных и поляков-католиков.

Приходское духовенство постепенно русифицировалось, а его авторитет после грубого вмешательства государства в дела церкви заметно упал. Абсолютное большинство представителей духовенства того времени можно отнести к сторонникам идеологии «западноруссизма», которая воспринимала Беларусь частью России. В определенной степени это был идеологический аналог феномена «краевости», достаточно распространенный среди местной шляхты.

Наибольшие шансы для распространения белорусская идентичность имела в среде интеллигенции крестьянского происхождения. Об этом свидетельствует активное участие в белорусском движении народных учителей.

Следует признать, что российскому правительству так и не удалось в конце XIX – начале XX в. добиться доминирования русской культуры на белорусских территориях. В какой-то мере это можно считать цивилизационным поражением. Основы польского нациостроительства в «Северо-Западном крае» не были подорваны. Борьба между польским и русским национальными проектами значительно затрудняла реализацию более позднего белорусского проекта.

Пограничье, которое стало исторической судьбой, присутствует и в культурной жизни современной Республики Беларусь. Диалог/конфликт цивилизаций ощущается, например, в сфере культуры памяти. Она чрезвычайно важна для процессов национальной идентичности и совсем не случайно оказалась в центре общественного внимания на рубеже XX и XXI вв.

Следует заметить, что борьба различных политик памяти на белорусских землях началась почти сразу же после их захвата Российской империей. В конце XIX – начале XX в. в работах М. Довнар-Запольского и В. Ластовского оформилась национальная концепция истории народа и страны. В период БССР историческая наука оказалась в плену коммунистической идеологии. Ей противостояла лишь память людей, переживших социальные и военно-политические катастрофы первой половины XX в. Именно индивидуальная память помогала белорусам противостоять исторической политике государства. Только в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. началось постепенное освобождение памяти от советских идеологов.

Сегодня уже не существует Советского государства, но следы его идеологии не сложно увидеть в культуре памяти постсоветской Беларуси. В первую очередь, это стремление государства вернуть утраченный идеологический контроль над историей и памятью. Наиболее ярко это проявляется в истории Второй мировой войны, которую официальная историография в полном соответствии с советской идеологией называет «Великой Отечественной войной советского народа».

Анализ разделов о последней войне в школьных учебниках по истории позволяет говорить о возвращении советских концепций и идеологием. В

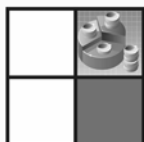
рамках доминирующей исторической политики происходит реанимация советского образа прошлого. Однако в историографии, представленной негосударственными научными изданиями и работами членов Белорусского исторического общества, существует и развивается дискурс «Второй мировой войны», связанный с тенденциями развития европейской историографии. Этот дискурс способствует осознанию белорусами своей принадлежности к европейской истории и цивилизации.

Следует отметить, что в дискурс «Второй мировой войны» органично вписываются результаты анализа устной истории жителей западного и восточного Пограничья Беларуси. Для большинства опрошенных война была трагедией, обусловленной столкновением советского и гитлеровского тоталитарных режимов. В этой войне белорусы не были среди победителей...

Ситуация, которая сложилась в культуре памяти Республики Беларусь, заставляет вновь говорить о цивилизационном Пограничье страны и народа. Результат столкновения различных политик памяти, противостояния науки и официальной исторической политики может существенно повлиять на проблему идентичности и перспективы цивилизационной принадлежности белорусской нации.

Книги проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»

Восточно-Европейское
Пограничье:
социально-экономическая динамика



**Восточно-Европейское Пограничье:
социально-экономическая динамика**

Кол. монография / Сорочан О.П. (руков.) [и др.]

Год издания: 2011 (284 с.)

SBN 978-9955-773-45-0

В рамках эволюционно-институционального подхода проведено компаративное исследование специфики и результатов трансформационных процессов в странах Восточно-Европейского Пограничья: Беларуси, Украины, Молдовы. Практика либерализации экономики (ее основные компоненты и «границы», корреляция с национальной конкурентоспособностью, воздействие на экономическую динамику страны) рассматривается в сочетании с анализом социального состояния в стране (выявлением социальных рисков и угроз, оценкой качества жизни). Обобщены как достигнутые результаты, так и понесенные издержки в процессе реформирования каждой из стран данного региона.

Ольга Бреская
Светлана Сувейкэ

**ИНДИВИД и
КОРПОРАЦИЯ**
в публичном пространстве



Индивид и корпорация в публичном пространстве

Авторы: Бреская О., Сувейкэ С.

Год издания: 2011 (268 с.)

ISBN 978-9955-773-44-3

В книге анализируется эволюция корпорации как уникальной социальной формы, происходящей на границах различных областей жизни общества и индивида в частном и публичном измерениях и определяющей во многом особенности современной эпохи. Через социологическое и историческое изучение природы взаимосвязи индивидуального и корпоративного начал и возможности репрезентации такой взаимосвязи в публичном пространстве авторы поднимают вопрос о соответствии современной корпорации замыслам и устремлениям европейской цивилизации, породившей такую форму социальной организации. В книге описывается развитие корпорации в Западной Европе и США, определяются особенности, отличающие взаимодействие индивида и корпорации в Восточной Европе.

Научное издание

Александр Кравцевич, Александр Смоленчук, Сергей Токть

Белорусы: нация Пограничья

Коллективная монография

Ответственный за выпуск *Л.А. Малевич*

Корректор *Е.В. Савицкая*

Технический редактор *О.Э. Малевич*

На обложке использован фрагмент фотографии с сайта

<http://darriuss.livejournal.com/>

Издательство

Европейского гуманитарного университета

г. Вильнюс, Литва

www.ehu.lt

e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 02.02.2011. Формат 60x90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,25.

Тираж 250 экз.

Отпечатано «Petro Ofsetas»

Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius